

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 5, 1976 сентябрь — октябрь

В номере:

В. В. Иванов. Об изучении русского языка как средства межнационального общения	48
--	----

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>К 265-летию со дня рождения М. В. Ломоносова</i>	
М. В. Ломоносов. «Повелитель многих языков, язык российский...»	3, 14, 67
И. А. Василевская. Михаил Васильевич Ломоносов	4
Е. В. Джанджакова. «Смуглый отрок бродил по аллеям...»	16
Н. Г. Михайловская. О языке и сти- Сergeя Михалкова	20
С. В. Белов. Имена и фамилии у Ф. М. Достоевского	27

ЯЗЫК ГАЗЕТЫ

А. М. Цывин. Пламенное слово «Искры»	32
--	----

Лауреаты Ленинских премий 1976 года

Интервью с академиком Б. А. Рыбаковым	40
Слово о Василии Шукшине	46

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Р. И. Аванесов. Некоторые особенности произношения слов иноязычного происхождения	54
В. Г. Костомаров. Трейлер или трайлер? Или все-таки прицеп?	56
С. А. Беляева. Новый спортивный термин «фэсберифлоп»	
Н. В. Соловьев. Разговорно-просторечная лексика в речи юристов	63

ГРАММАТИКА

В. П. Воробьев. Двойной дательный падеж в русском языке	68
Р. Д. Оганесова. Пока, покамест	70

ХРОНИКА

О. А. Хамицаева. Научная конференция в Нальчике	74
---	----

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

А. С. Львов. Как история народа отражается в слове	79
В. А. Меркулова. Заря	83
В. Л. Муравьев. Карусель	87
И. Ф. Мазанько. Перед, наперед, вперед	91
Т. А. Грищенко. Изгой	97

ОБЛАСТНЫЕ ГОВОРЫ

О. Д. Кузнецова. Живое слово Севера	100
---	-----

ПО КАРТЕ НАШЕЙ РОДИНЫ

Н. Д. Русинов. Гардарик и господин Великий Новгород	108
Е. С. Отин. Азовье — Азовщина — Азов	113

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

И. А. Кондрашов. Журнал «Język gosyjski»	118
--	-----

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

Р. Л. Сельвина. Личные имена новгородцев в старину	122
--	-----

ШКОЛА

П. С. Пустовалов, Ф. И. Буслаев — педагог	127
П. А. Бученков. «Вот стихи, а все понятно, все на русском языке...»	138
Е. И. Гибет. Рассказ В. Г. Короленко «В дурном обществе»	142

СРЕДИ КНИГ

В. К. Сорокина, Н. И. Хренова. Е. А. Левашов, В. П. Петушков. Ленин и словари	132
Н. Т. Шелихова. Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. Словарь трудностей русского языка	135

НАШИ КОНСУЛЬТАЦИИ

Л. И. Скворцов. Фотография, фото, фотокарточка	147
--	-----

В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий	148
---	-----

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Победитель в соревновании или победитель соревнования?	106
Картофель — картошка; Простите, пожалуйста; Положение хуже губернаторского...; Подгарок...	150

К 265-летию со дня рождения
М. В. Ломоносова

«ПОВЕЛИТЕЛЬ
МНОГИХ ЯЗЫКОВ,
ЯЗЫК РОССИЙСКИЙ...»

Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и доволствием велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранным и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему, трудов прилагали. Но кто, не упрежденный великими одругих мнениями, прострет в него разум и с прилежанием вникнет, со мною согласится. Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятельми, италиянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италиянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка.

М. В. Ломоносов. Российская грамматика, 1755

Просто и точно определил А. С. Пушкин универсальность гения М. В. Ломоносова и его роль для русской культуры, назвав его «первым нашим университетом» (А. С. Пушкин. Мысли на дороге).

Пространнее высказался о нем В. Ф. Одоевский: «Ломоносов был и поэтом и химиком, и грамматиком и металлургом, ... низвел гром на землю — и писал историю, наблюдал течение звезд — и рисовал мозаики стеклом, им отлитым, — и в каждой отрасли подвинул далеко науку..., он, наравне с Лейбницем и Гете, с Краусом открыл в глубине своего духа ту таинственную методу, которая изучает не разорванные члены природы, но все ее части в совокупности, и гармонически втягивают в себя все разнообразные знания» (Русские почвы. Л., 1975). Нам современник академик С. И. Вавилов подчеркнул значение Ломоносова для всего последующего развития русской науки: «Если внимательно посмотреть назад, то станет ясным, что краеугольные камни успехов нашей науки были заложены в прошлом еще Ломоносовым. Вот почему Ломоносов — образ славного культурного наследия».

Мы остановимся лишь на двух вопросах: на союзе науки и поэзии у Ломоносова и на решении им проблемы иноязычных заимствований для русского языка.

И в наши дни научно и поэтично звучат ломоносовские строки:

Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят...

Вечернее размышление...

Союз науки и поэзии у Ломоносова проявляется в поэтическом освоении им тем, понятий и терминов различных наук.

Известный грамматический спор с Тредиаковским об окончании прилагательных в именительном падеже множественного числа (Тредиаковский требовал *-и* для мужского, *-е* для женского, *-я* для женского и среднего) нашел отражение в злой и остроумной ломоносовской эпиграмме «Искусные певцы всегда в напевах тпцатся...». В ней же находим стихотворное упоминание о московском аканье:

Великая Москва в языке толь нежна,
Что А произносить за О велит она.

Другой пример — «Письмо о пользе стекла к камергеру Ивану Ивановичу Шувалову». По преданию, на обеде у И. И. Шувалова, в пору увлечения Ломоносова опытами со стеклом, один щеголь заметил что-то о немодных стеклянных пуговицах на кафтане Ломоносова. Великий ученый тут же ответил импровизированным доказательством пользы стекла для науки, ремесла, искусства и быта, поклявшись, в знак преклонения перед столь полезным предметом, всегда носить только стеклянные пуговицы. Присутствовавший при этом Шувалов был поражен соединением в этой речи научной мысли с горячим чувством и предложил Ломоносову выразить ее в стихотворной форме. В результате появилось знаменитое ломоносовское «Письмо о пользе стекла...». (После получения его Шувалов добился предоставления Ломоносову средств для организации производства мозаики.)

Ломоносов показал этот союз науки с поэзией в «Письме о пользе стекла...» в образе путника, который то

спускается ради пользы вниз с Парнаса, то вновь возвращается на него:

Не редко я для той с Парнасских гор спускаюсь;
И ныне от нея на верх их возвращаюсь.

Ломоносов пишет о вулканическом происхождении стекла и перечисляет предметы и сферы его применения: здесь и сосуды для напитков и лекарств, застекленные от стужи окна домов и оранжерей, известные искусству фарфор, финифть и мозаика, стеклянное оформление драгоценных ювелирных украшений и скромный бисер, очки и зажигательное стекло, микроскоп, телескоп, барометр и, наконец,— громоотвод (ученый указывает на роль изучения электрических свойств стекла в изобретении последнего). Обо всем этом в «Письме» говорится не отвлеченным языком науки, а живо, образно и поэтично. Прозрачность стеклянного сосуда сравнивается с чистой совестью, упоминание о зажигательном стекле рождает лирическое отступление о Прометее, который, по предположению Ломоносова, был ученым, погубленным завистниками и невеждами. Это отступление переливается в другое — о трудности и неотвратимости пути научной истины, с изложением судьбы учения Коперника. Говоря о роли стекла в ювелирном деле, Ломоносов обращается к молодым красавицам, охорашивающимся перед зеркалами, и восклицает:

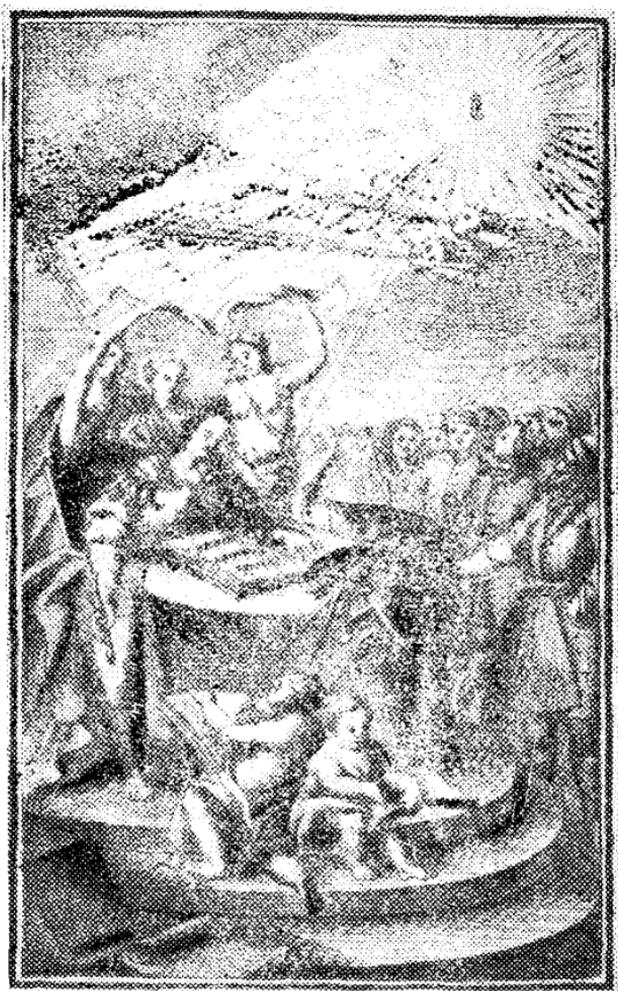
Когда блестят на вас горящие алмазы,
Двойной кипит в нас жар сугубья заразы! [т.е. волнения]

В стихотворении много научных терминов: *минералы*, *телескоп*, *планета*, *циклы*, *астроном*, *центр*, *система*, *математика*, *зрительные трубы*, *оптика*, *преломленные лучи*, *микроскоп*, *нервы*, *барометр*, правда нет еще слова *громоотвод* (о самом устройстве Ломоносов сообщает, что еще «до лета прошлого» было сомнение в самой вероятности такого устройства, а «Письмо» написано Ломоносовым в 1752 году). Но, как пишет он дальше:

Европа ныне в то всю мысль свою вперила,
И махины уже пристойны учредила...

(то есть машины. *Машина* и *махина* во времена Ломоносова одинаково обозначали 'механическое устройство' и лишь впоследствии определились по значениям (слово *махина* стало обозначать 'громоздкую вещь').

Бросается в глаза преобладание среди этих новых для русского литературного языка XVIII века терминов,

*Фронгиспис
«Российской
Драмматики»
Ломоносова*

иноязычных по происхождению. Закономерно возникает вопрос, как вообще решал проблему иноязычного заимствования для русского литературного языка в свое время Ломоносов.

Это было время, когда верхушка русского общества была охвачена слепым преклонением перед иностранной культурой и, по словам академика В. В. Виноградова, в языке образовался «какой-то смешанный жаргон, из русских и иностранных элементов». С другой стороны, это было время, когда многие деятели русской культуры, обеспокоенные усиленным наплывом в русский язык иностранных слов, стали высказываться вообще против их

введения в русскую речь, заявляя, что это портит язык, и отыскивали русскую замену чуть ли не каждому западноевропейскому. Так, *рефлексия* (лучей) заменяется *отвращением* (лучей), *гармония* — *согласием*, *радиус* — *полуразмером*, *география* — *землемерием*, *астроном* — *звездозаконником* и т. д. Позиция Ломоносова в этом вопросе глубоко оригинальна. Иноязычными обозначениями он не злоупотребляет даже в терминах и в то же время выступает против огульной, часто нелепой их замены русскими словами.

Ломоносов прибегал к иностранному обозначению лишь «в случае невозможности подыскать вполне равнозначное русское слово или когда иностранное слово получило всеобщее распространение», придавая при этом слову форму, наиболее близкую русскому языку.

Преимущество имели у Ломоносова термины, составленные из международных греко-латинских корней. В целом же иноязычных терминов у Ломоносова немного. Так, в «Слове о пользе Химии» на 5000 знаменательных слов приходится лишь 30—40 иноязычных, к тому же — уже широко употребляющихся.

Б. Н. Меншуткин составил список иноязычных терминов, принятых Ломоносовым. Это: горизонтальный, диаметр, квадрат, пропорциональный, формула, сферический, атмосфера, барометр, горизонт, эклиптика, микроскоп, метеорология, оптика, периферия, сулема, эфир, селитра, поташ (Б. Н. Меншуткин. *Жизнеописание М. В. Ломоносова*. М., 1937).

В эпоху господства иностранцев в русской науке и моды на заимствования Ломоносов боролся за национальные основы русской культуры. Он стремился содействовать сближению русской и западной науки, используя интернационализмы из латинско-греческих корней, но в то же время образуя новые русские термины и переосмысляя в необходимом направлении прежние русские слова. Из созданных им новых русских терминов назовем: воздушный насос, законы движения, зажигательное стекло, земная ось, огнедышащие горы, преломление лучей, равновесие тел, удельный вес, кислота, магнитная стрелка, квасцы, крепкая водка, негашеная известь из терминологизированных русских слов: опыт, движение, наблюдение, явление, частица.

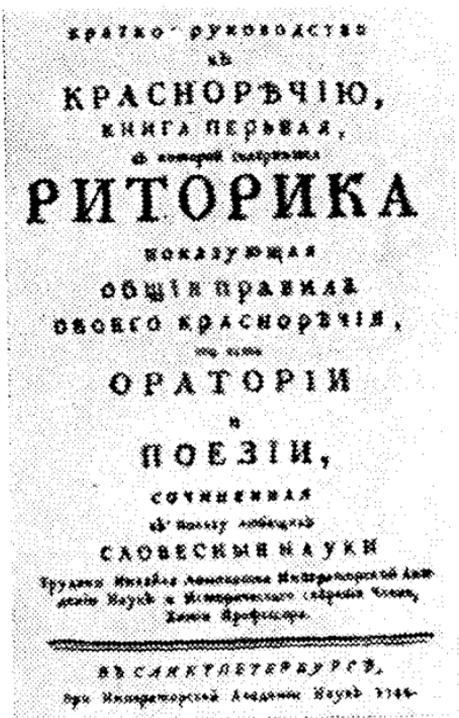
Будучи противником иноязычных излишеств в русском языке, Ломоносов не был пуристом-националистом

в его языке нет места нарочитым русским заменам иностранных слов. Ломоносов выступил не только против злоупотребления заимствованиями, но и против неудачных замен их русскими обозначениями. Он видел недостатки перевода многих терминов в современном ему языке. Так, о «Физике» Лемера в переводе Волчкова он заметил: «В рассуждении перевода во многих местах, а особливо в терминах до химии и истории подлежащих, очень неисpravна». В языке самого Ломоносова дано место утвердившимся во всеобщем употреблении иностранным словам, а некоторым — даже в сочинениях высокого штиля. Гражданственные публичные оды

Ломоносова (высокий стиль) вбирают отчасти научную, военную, политическую и морскую лексику иноязычного происхождения: флот, планета, император, флаг, металлы, метеор, география, в том числе и собственные имена: Платон, Невтон, Голштиния, Мемель, Франкфурт, Кенигсберг, Берлиц, Шпрея. В героической поэме «Петр Великий» находим: флот, шеренга, флаг, бомба, трофеи. В созданном Ломоносовым повом жанре научного стиха находим *минералы, металл, телескоп, астроном, планета, система, микроскоп, барометр*. Впрочем, положение некоторых из них не было еще вполне прочным в тогдашнем литературном языке, как, например, положение термина *минерал*, который Ломоносов ввел даже в рифму:

Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые стекло чтут ниже минералов.

Хотя слово *минерал* и проникло в русский язык уже в Петровскую эпоху (1713) и в средние века встречалось

«Риторика» (СПб., 1748).

в деловом языке, даже в научной терминологии, в конце XVIII века Н. М. Карамзину еще приходилось защищать его от замены словом *ископаемые*: «я не знаю, для чего бы *minereaux* не назвать минералами», — писал он, — «сие слово известно всем тем, которые и никаких иностранных языков не знают. Название ископаемая скорее могло бы означать *fossiles*, фоссилин, слово, не столь уж известное в русском языке, как минералы... К тому же минералы лежат и на поверхности земли: следовательно, ископаемость не есть общий отличительный характер их» (Московский журнал. 1791, I).

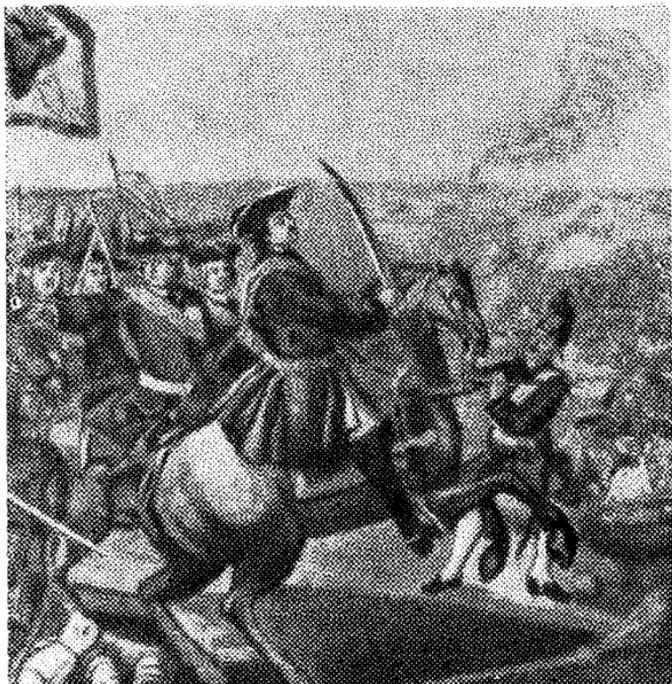
Ломоносов «растворил многие иноязычные элементы в богатстве... национальной самобытности». Именно он одним из первых содействовал самым решительным образом тому, чтобы повысить, как говорит академик В. В. Виноградов, сопротивляемость русского языка чужеродным вторжениям и тем самым сделать литературный язык общедоступным. Ломоносову было чуждо представление о самостийном, замкнутом развитии культуры народа, равно как и о механистическом перенесении элементов одних культур на почву других, представление о неизменности культурных основ.

Исключительно важно положение Ломоносова о характере генетической базы национального литературного языка. Он решительно отрицал в качестве такой базы чужой язык и иноязычную основу: «Немецкий язык... был убог и бессилен, пока в служении употреблялся язык Латинской. Но как Немецкой народ стал священные книги читать и службу слушать на своем языке; тогда богатство его умножилось, и произошли искусные писатели. Напротив того в католических областях, где только одну Латынь, и то варварскую в служении употребляют, подобного успеха в чистоте немецкого языка не находим» (Предисловие о пользе книг церковных в российском языке).

В то же время Ломоносов считает плодотворным для национальной культуры ее взаимодействие с культурами других народов.

Исконные начала русской культуры и элементы иноязычных культур слились в личности Ломоносова в гармоническое целое. Слагая гимны в честь родного языка, он в то же время отмечал роль французского языка как средства международного общения. «Французского употребление языка, — писал он, — не токмо по всей Ев-

*Полтавская
баталия
(фрагмент).
Мозаика
работы
Ломоносова*

ропе простирается и господствует, но и в отдаленных частях света...для сообщения...служит» (О нынешнем состоянии словесных наук в России). Ломоносов тщательно изучал обстоятельства, при которых иностранные слова проникают в язык, видел, что древние греческие заимствования пришли к нам «купно с греческим христианским законом» (Предисловие о пользе книг церковных в русском языке), то есть при близком контакте русской и византийской культур, что приход большинства из них был письменный, что процесс этот был неотвратим и неизбежен: слова эти «за нужду были приняты», и «сначала переводившие с греческого языка книги на славенский язык не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять в перевод свойств греческих» (там же). Ломоносов понимал, что со временем многие иностранные слова усваиваются языком совершенно, как это случилось с греческими словами, которые «въ такое пришли обыкновеніе, что бутто бы они съ перьва въ російскомъ языкѣ родились» (Материалы к Российской грамматике).

Ломоносов подчеркивал, что заимствование слов может осуществляться через языковое посредство, придавая

исключительную важность родственности языка-посредника заимствующему языку: «российское слово... к приятию греческих красот посредством славенского сродно» (Предисловие о пользе книг церковных в российском языке). Он считал, что заимствование служит обогащению языка: «отуду умножаем довольство российского слова».

К явлениям иноязычного влияния Ломоносов относил и переводы иностранных слов «съ греческого языка имѣемъ мы великое множество словъ русскихъ и славенскихъ» (Материалы к Российской грамматике).

В «Письме о правилах российского стихотворства» он пишет, что «Российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству; а того, что ему весьма не свойственно, из других языков не вносить». В «Предисловии о пользе книг церковных...» отмечает, что в Российском штиле имеются «дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков», которые «искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене, и к упадку преклоняют». Здесь же поставлен вопрос об устранении «диких иностранных» через «старательное и осторожное употребление сроднаго нам коренного славянского языка купно с российским». Эта теория у Ломоносова должна была впоследствии найти развитие и уточнение в специальном наставлении о нормах Российского штиля (языка): «Всего сего подробное наказание надлежит до нарочного наставления о чистоте Российского штиля», — писал он после рассуждения о трех штилях в том же «Предисловии». Для этого наставления в теоретических трудах Ломоносова сохранились наброски и заготовки, в том числе и о произносительной и грамматической нормах для иностранных слов нового времени. Ломоносов намеревался писать «о нѣкоторыхъ особливыхъ произношiнияхъ, особливо для иностранныхъ» слов (М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VII), намерен был «Правила дать, какъ чужестранныя слова пороссійски перемѣнять и склонять» (там же), он указал на суффикс *-ец*, способный переводить иностранные отечественные имена: *italiano* — итальянец, *ispanus* — гишпанец, *neapolitanus* — неаполитанец (Российская грамматика, § 237). Ломоносову принадлежит специальная заметка «Об анаграммах» — переводах имен людей (Андрей — мужественный, Петр — камень), он формулирует правила и возможности такого перевода: «Собственного или приложенного имени сысканное по § 18^a но-

вое знаменование либо слово, от которого оно происходит,— можно себе представить как самое то, что оно значит, и к нему приписать, что из мест риторических прилично, Петр, на российский язык будучи переведено, значит камень, то к похвале оного можно приложить его хорошие свойства, цену, место, действие и прочая. Здесь надлежит очень умеренно и осторожно поступать для того, что от собранных по сему правилу идей часто рождаются легкомысленные и смешные рассуждения».

Однако подробно свою теорию заимствования Ломоносов развить так и не успел: в первую очередь он был занят проблемой соотношения главных генетических пластов русской лексики — славянизмов и русизмов (знаменитая теория Ломоносова о трех штилях). В отношении же иностранных слов решение было дано лишь в самом общем плане. Но своей языковой практикой Ломоносов дал ответ на этот вопрос вполне определенно.

Из всех теоретиков языка XVIII века Ломоносов наиболее верно угадал и «живые тенденции развития нашего языка и сыграл наиболее прогрессивную роль в формировании литературного языка той эпохи» (П. С. Кузнецов. О трудах М. В. Ломоносова).

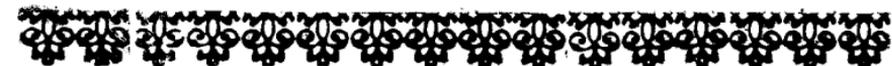
Ученый-энциклопедист, поэт и художник, изобретатель — Ломоносов был вместе с тем гениальным практиком родного языка. Он прекрасно сознавал свою роль в формировании русского литературного языка: «Одами, публичными речьями, и диссертациями,— писал Ломоносов в 1762 году,— пользовал и украшал я Академию перед всем светом двадцать лет. На природном языке разного рода моими сочинениями грамматическими, риторическими, так же и до высоких наук надлежащими физическими, химическими и механическими, стиль российской в минувшие двадцать лет несравненно вычистился перед прежним и много способнее стал к выражениям идей трудных, о чем свидетельствует общая апробация моих сочинений и во всех письмах употребляемые из них слова и выражения, что к просвещению народа много служит».

Язык Ломоносова был образцом для второй половины XVIII века. Об этом имеется немало свидетельств того времени: «Речения Греческия, а особливо в тропах, фигурах, периодах и других местах, переводил я, инде последую г. Ломоносову...»,— писал Амвросий Серебренников в своем «Кратком руководстве к оратории российской». В знаменитом «Словаре Академии Российской» (1789—1794) при-

меры из сочинений Ломоносова составили основную массу в иллюстративной части. Язык Ломоносова оказался во многом провозвестником будущего состояния литературного русского языка. Ломоносовская языковая практика находилась в русле основной тенденции русского литературного языка нового времени — к национализации.

«Если мы считаем Пушкина создателем нашего нового литературного языка, если мы с именем его связываем завершение процесса формирования русского языка, то начало этого процесса по праву должны связать с именем Ломоносова» (П. С. Кузнецов. О трудах М. В. Ломоносова в области исторического и сравнительного языкознания. Ученые записки МГУ, 1952).

И. А. ВАСИЛЕВСКАЯ

Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по ея могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает. И для того нет сомнения, чтобы российское слово не могло приведено быть в такое совершенство, каковому в других удивляемся.

М. В. Ломоносов. Краткое руководство
к красноречию, 1748

Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики. И хотя она от всеобщего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению. Итак, когда в грамматике все науки таковую нужду имеют, того ради, желая, дабы она [...] привлекла российское юношество к своему наставлению, [...] да возрастет и российского слова исправность в богатстве, красоте и силе...

М. В. Ломоносов. Российская грамматика, 1755

Слово дано для того человеку, чтобы свои понятия сообщать другому. И так понимает он на свете и сообщает другому идеи вещей и их деяний. Изображения словесные вещей называются и м е н а, напр.: *небо, ветрѣ, очи*; изображения деяний — глаголы, напр.: *синеет, веет, видят*. Итак, понеже они всегда вещь или деяние знаменуют, по справедливости знаменательные части слова названы быть могут.

М. В. Ломоносов. Российская грамматика, 1755

Народ российский, по великому пространству обитающий, не взирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например, в Германии баварский крестьянин мало разумеет мекленбургского или бранденбургский швабского, хотя все того же немецкого народа.

М. В. Ломоносов. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке, 1757

Красота, великолепие, сила и богатство российского языка явствует довольно из книг, в прошлые веки писанных, когда еще не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или могут быть.

М. В. Ломоносов. О нынешнем состоянии словесных наук в России, 1756

[...] общая грамматика есть философское понятие всего человеческого слова, а особливая, какова российская грамматика, есть знание, как говорить и писать чисто российским языком по лучшему, рассудительному его употреблению.

М. В. Ломоносов. Российская грамматика, 1755

*Царское село
Ворота Камероновой галереи.
Худ. М. Добужинский*

**Смуглый отрок бродил
по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.**

**Пглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.**

«СМУГЛЫЙ ОТРОК БРОДИЛ ПО АЛЛЕЯМ...»

Сюжетная основа этого раннего (1911) стихотворения А. Ахматовой (цитируется по сборнику: А. Ахматова. *Бег времени*. Л., 1965) – лирическое воспоминание о молодом Пушкине, но Пушкин ни разу не называется ни в самом стихотворении, ни в заглавии, а дается лишь через несколько значащих деталей: слова *смуглый, отрок, столетие, треуголка, Парни* отсылают к совершенно точным, конкретным вещам и понятиям. Лишенные всякого символического ореола и метафоричности, эти слова, однако, не только соотносятся с обозначаемой ими вещью, но и воссоздают образ Пушкина. Их роль не только номинативная, но и «ассоциативно-психологическая». Так, прилагательное *смуглый* помимо конкретного словарного значения (цвет лица, кожи) приобретает смысл, антонимичный тем смысловым оттенкам слова *бледный*, которые были свойственны роман-

тической символке цвета: романтический герой — это «юноша бледный со взором горящим». *Смуглый* становится цветом земной, реалистической поэзии. (Особенно отчетливы эти «смыслы» слова *смуглый* в тех стихотворениях, где Ахматова даже свою Музу называет смуглой, например, в стихотворениях «Муза ушла по дороге», «Уединение» и других).

Двуплановость отдельного слова поддерживается и временной двуплановостью стихотворения в целом. Выше мы определили сюжет стихотворения как воспоминание о Пушкине, но объективное повествование о Пушкине распространяется лишь на две первые строки, которые даются в прошедшем времени. Начиная с третьей строки, повествование переносится во временной план настоящего. Седьмая и восьмая строки вновь даны в прошедшем, но это особое прошедшее, как бы «спроецированное» на настоящее время. Временной сдвиг — прием, чрезвычайно характерный для Ахматовой, — здесь своеобразен: строки, отнесенные к прошлому (бродил, грустил, лежала) опоясывают строки, отнесенные к настоящему (лезем, устилают). При этом границы строф и временных пластов не совпадают. Прошлое как бы раздвинуто и продлено настоящим, что делает стихотворение не столько воспоминанием, сколько приобщением к прошлому, его продолжением в современности. Временные планы не противопоставлены, а уравнены, уравновешены. Видовое единообразие не просто сближает их, но и выдвигает у глаголов прошедшего времени значение действия, постоянно присущего субъекту.

Сближению и равновесию временных планов соответствует равновесие метрическое и синтаксическое, здесь они не спорят, а взаимно поддерживают друг друга. Первая строфа состоит из сложносочиненного предложения, каждой из частей которого соответствуют две строки; вторая строфа — из двух простых предложений. Союз *и* заканчивает каждую строфу (в первой соединяет части сложного предложения, во второй — однородные члены простого предложения) и выступает не только как соединительный союз, но и несет значение следствия. Перекрестная рифма усиливает «связь времен» (рифмуются слова разных временных плоскостей: 1—3, 2—4, 5—7, 6—8), при этом рифма — *аллеям — лезем* приобретает особую смысловую значимость. (В этом случае «рифма не только связывает слова звуковым сходством, но и влияет на их смысловые оттенки...». Б. Эйхенбаум, Анна Ахматова, Пг., 1923).

Часть слов оказывается связанной сразу с двумя временными плоскостями. *Еле слышный* в плане прошедшего времени имеет прямое значение (воспринимаемое на слух), в плане настоящего — переносное (удерживаемое в памяти).

Пушкин — лицеист.
Рисунок В. Фаворского

Наречия *густо* и *колко* в плане настоящего времени обозначают чисто физическую характеристику действия (*густо* — воспринимаемое на глаз; *колко* — ощущаемое). Передавая цельность, нерасчлененность восприятия, эти наречия, сочетающиеся между собой, выступают в роли определения не только к глаголу, но и к существительному. *Густо* соотносится с *ыглы* и с *устилают*, *колко* больше с *ыглы*, чем с глаголом *устилают*, с которым оно образует необычное сочетание, выпадающее из плана настоящего времени. *Колко* вступает в ассоциативную связь со словами *бродил*, *шагов*.

Определение *растрепанный* характеризует не просто внешний вид книги, но и дает внутреннюю характеристику: зачитанный, любимый Пушкиным.

Как видим, основная семантическая роль в этом стихотворении принадлежит определениям: *смуглый*, *еле слышный*, *растрепанный*, *густо* и *колко*. Каждое из них характеризует предмет или действие сразу с двух сторон: внешний (признак, воспринимаемый одним из органов чувств: цвет, звук и т. п.) и внутренней (ассоциативно-психологической, эмоциональной и т. п.).

Эта внутренняя парность основного значения слова и его контекстуальных «смыслов» и «ореолов» находит свое выражение и в чисто внешнем построении: слова, обозначающие детали внешнего мира, объединяются в пары однородных членов (*густо* и *колко*; *треуголка* и *том Парни*), которые как бы отмечают начало и конец воспринимаемого мира, а внутреннее пространство заполняется ассоциациями, вызванными этими словами.

Смысловой насыщенности слова способствует и звуковая организация стиха, при которой звук не затемняет смысл, а усиливает, выделяет его.

Осенний пейзаж, созданный фонетическими средствами (эле слыш-ный ш-елест ш-агов), имеет не только «реальное» значение времени года, но, следуя за рассказом о Пушкине, вызывает ассоциации, связанные с творчеством (самое «творческое» для Пушкина время). Так появляется «словесно» никак не выраженная тема творчества.

Образ Пушкина и связанная с ним тема творчества сближают обе временные плоскости, чему не в малой степени способствует и звуковая инструментовка стиха в целом. Первое слово стихотворения *смуглый*, как уже отмечалось выше, двупланово, причем второй план его — не биографический, а собственно поэтический. Ударный звуковой комплекс этого слова пронизывает все стихотворение, повторяясь то полностью, то частично: *смуглый — грустил — лелеем — густо и колко — устилают — треуголка*. Менее ясно он слышится в других словах: *бродил, столетие, мы, еле, слышный, шелест, иглы, сосен, низкие, лежала, растрепанный, том*. Он затихает лишь дважды: к концу четвертой строки, где выделен мотив осени, и в конечной, обрывающей стихотворение строке.

Фонетически и ритмически выделено и другое, важное в смысловом отношении слово — *столетие*. Во-первых, тем, что его ударный слог повторяется в словах *аллеям, шелест* и, во-вторых, тем, что вместе с примыкающим к нему безударным союзом *и* оно становится очень «длинным»: на пять слогов — один ударный (центральный). Оно обозначает и реальные 100 лет (1811—1911), и (в переносном значении) — бесконечное количество лет, всегда. Причем, второе поддерживается значением постоянного действия, которое свойственно в этой строке глаголу *лелеем*.

Таким образом, стихотворение, на первый взгляд поражающее неброскостью словесного материала (одно устаревшее слово — *отрок*, одно поэтическое — *лелеем*), отсутствием собственно стилистических приемов (сравнений, метафор), оказывается глубоко насыщенным, экспрессивным и лаконичным. Семантический объем слова не просто больше его конкретного, словарного значения (это особенность поэтического слова вообще), а представляет собой некое равновесие конкретного вещественного значения и непосредственно вытекающих из него и органически сочетающихся с ним контекстуальных смыслов.

Все языковые уровни в стихе (лексика, синтаксис, фонетика) подчинены этой семантической задаче и служат средством построения и передачи содержания стихотворения.

Е. В. ДЖАНДЖАКОВА

О языке и стиле басен Сергея Михалкова

Как известно, басня — сатирическое произведение, построенное на аллегории, где действуют главным образом знакомые всем маски — животные, олицетворяющие различные человеческие пороки: лиса — хитрость, изворотливость, заяц — трусость, осел — глупость и упрямство и т. д. Кажалось бы, устоявшееся аллегорическое постоянство данного жанра в какой-то степени может явиться препятствием для его подлинной злободневности. Так ли это?

Басни Михалкова прежде всего актуальны, потому что в них бичуются не пороки вообще, вне времени и пространства, а те отрицательные явления, которые встречаются в нашем обществе, в окружающей нас жизни. Его басни социально значимы, так как свои суждения автор выносит с принципиальных общественных позиций. В своей «Автобиографии» Михалков пишет: «Я знаю, что книги, будь они написаны для детей или для взрослых, должны быть близки и понятны народу. Высмеивая в своих баснях пережитки вчерашнего дня, мешающие советским людям идти вперед, я всегда думаю о лучших чувствах советского человека, строящего свое коммунистическое общество» (цитируется по изданию: Сергей Михалков. Избранное. М., 1948). Не случайно автор самым важным

критерием оценки любого произведения считает его народность в широком смысле. Это касается не только тематической стороны, но и языка. Басни С. Михалкова продолжают языковую традицию русского басенного жанра. До Крылова жанром басни в русской литературе занимались многие видные писатели XVIII — начала XIX веков: Кантемир, Сумароков, Тредиаковский, Хемницер, Дмитриев и другие. Но именно благодаря творчеству Крылова басня стала подлинно народным видом искусства, а ее язык максимально сблизился с народной разговорной речью. Басни Михалкова разнообразны: здесь и бытовые зарисовки, и жанровые сцены, и короткие рассказы с динамическим сюжетом. Языковая специфика этих произведений может быть в основном определена как четкая ориентация на устную речь с ее характерными синтаксическими конструкциями, вводными словами, экспрессивно-эмоциональными элементами и широким использованием разговорной лексики. Указанные языковые признаки находят свое претворение в диалогической форме, на которой иногда строится все произведение в целом. Басня «Тщеславие»:

«Здорово, друг!» — «Приятелю, привет!»
«Куда спешишь?» — «Такое, брат, случилось:
Я — напечатался! Вот номера газет!»
«Ты напечатался? Скажи на милость!
Куда же ты бежишь?» — «Порадовать семью!»
«Так, что ж ты сочинил? Рассказ? Стихи? Статью?
Не знал я за тобой, что ты владеешь слогом».
«Да, нет... В числе других, фамилию свою
Я подписал вот, здесь! Под этим некрологом!...»

Автор не приводит мораль — она выносится в заглавие — и делает

так, по-видимому, не только потому, что мораль недвусмысленно определяется содержанием басни, но и потому, что авторская речь нарушила бы языковую цельность произведения.

Прямая речь персонажей, как правило, непременно содержит разговорную лексику, которая никогда не перенасыщает текст, а служит эффективным средством создания общей непринужденности. При этом авторская речь является как бы своего рода комментарием, вводящим читателя в описываемые обстоятельства, например:

На рынке корову старик продавал,
Никто за корову цены не давал.
Хоть многим была коровенка нужна.
Но, видно, не нравилась людям она.
— Хозяин, продашь нам корову свою?
— Продам. Я с утра с ней на рынке стою!..
— Не много ли просишь, старик, за нее?
— Да где уж нажитья! Вернуть бы свое!..
— Уж больно твоя коровенка худа!..
— Болеет проклятая. Прямо беда!..

Чудак

Реплики персонажей, оформленные с вопросительной и восклицательной интонацией, содержат единицы, относящиеся к разговорной лексике: *просить* — ‘назначать цену’ (разг.), *больно* — ‘очень’ (прост.), сочетание *прямо беда* в значении сказуемого ‘очень плохо’ (разг.) (здесь и далее толкования слов и стилистические пометы приводятся по книге: С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1973). Разговорная и просторечная лексика, имитирующая непринужденный, а иногда и фамильярный тон устной речи, чаще всего бывает связана с отрицательной характеристикой факта или лица.

Уж я подумывал, признаться,
Назад к себе — домой податься!
Лиса и Бобер

Здесь *податься* — ‘отправиться’ [прост.]. «Затушеванный» негативный признак устанавливается и в несобственно-прямой речи:

Распространяться стали слухи
(Их разносили те же Мухи!):
Что Муха-де живет советницей у Льва,
Что в ней
Гроза зверей
Души не чаёт,
Случись по делу отлучиться ей,
Так он уж загодя скучает.

Лев и Муха

В приведенном тексте *де* обозначает ‘дескать, мол’ (прост.), *слу-*

чись — «прийтись, выпасть на чью-н. долю» (разг.), *загодя* — «заранее» (прост.).

Наиболее определенно отрицательная оценка персонажа выступает в контекстах, где наличествует бранная лексика (например, *болван*, *бесстыжий*), использованная применительно к этому персонажу. Она выражает негативный признак, а просторечные и разговорные слова лишь поддерживают общее порицание, которое может высказываться от имени другого персонажа или автора.

Так вот кто в лапы мне попался!
Так это ты шумел, б о л в а н ?
Постой, да ты, я вижу, пьян —
Какой-то дряни нализался!

Заяц во хмелю

В прямой речи *нализаться* — «напиться пьяным» (прост. неодобр.).

Наш Косолапый,
Урча от жадности, залез в колоду лапой
И до тех пор держал открытой пасть,
Пока, б е с с т ы ж и й, не наелся «вдаль».

Медвежий зарок

В авторской речи *вдаль* — «до полного удовлетворения» (разг.).

Просторечная лексика в ряде случаев используется в одном контексте с лексикой архаической, устаревшей. Совмещение слов, принадлежащих к разным лексическим пластам, служит одним из средств сатиры, например, в басне «Текущий ремонт»: «Ты больно скор, тут надобно решенье!»/«Да ведь горит у нас!» — *больно* «очень» (прост.), *надобно* «нужно, надо» (устар.), *горит* «быть под угрозой срыва из-за опоздания, упущения сроков» (разг.).

Данное сочетание различных элементов стилевой окраски наблюдается обычно в прямой речи. В то же время ироническая оценка описываемой ситуации может содержаться и в авторской речи, причем контекст намеренно строится с ориентацией не на разговорную речь, а, напротив, на речь литературно-книжную, даже с некоторым подчеркиванием ее стилевых особенностей:

Вниманием гостей художник наш польщен!
Какую критику сейчас услышит он?
Не будет ли жесток звериный суд?
Низвергнут? Или вознесут?

Слон-живописец

В приведенной цитате использованы формы, слова и словосочетания различной литературно-книжной градации: и литературно-этикетное *вниманием польщен*, и традиционное для языка XIX века *суд жесток*, и переносные, подчеркнуто книжные *низвергнут*, *вознесут*, то есть образования с теми префиксами, которые свойствен-

ны старославянским элементам, имеющим в современном русском языке торжественную окрашенность. Лексическое единство контекста поддерживается его синтаксическим построением: восклицание предваряет последовательное нанизывание четырех вопросов.

Использование книжной лексики с некоторыми элементами архаики и традиционно-поэтическими сочетаниями нередко создает впечатление стилизации басен прошлого столетия, например:

Однажды
Колос умирал от жажды.
Но в бедствии своем он был не одинок:
От зноя погибал и Василек.
И вот в свой смертный час взмолился к небу Колос.
Колос и Василек

Впечатление создается не только за счет таких слов и сочетаний, как *бедствие, смертный час, взмолился к небу*, но и благодаря искусному синонимическому параллелизму: *умирал от жажды — от зноя погибал, в бедствии своем — в свой смертный час*. В другом случае как элементы стилизации выступают перифразы (то есть обозначение простого понятия описательным оборотом). Так,

Вот гостя важного встречает рой пчелиный —
Ему и место и почет,
Раскрыты перед ним ячейки сочных сот,
В них — сладкий дар садов, душистый дар дочины.
Медвежий зарок

В этом контексте сочетания *сладкий дар садов, душистый дар долины* заменяют слово *мед*. Перифразы же, включенные в прямую речь, выдержаны в тоне фамильярно-грубоватого разговора. В басне «Заяц и Черепаха» для называния Черепахи употребляются следующие перифразы:

Вот чортов гребешок! Вот костяная дочь!
Попутал бес просить тебя помочь!
Куда же ты запропастилась?

Рядом с сочетаниями *чортов гребешок, костяная дочь* употребляется и просторечное *запропастилась* 'исчезнуть, пропасть неизвестно куда', и разговорно-шутливое *попутал бес* 'соблазнить, свратить — о предосудительном, неудачном или непонятном действии, поступке'.

Использование просторечной и разговорной лексики, употребление ее совместно с лексикой книжной, архаической, употребление перифраз различной стиливой окрашенности, — все эти языковые особенности басен С. Михалкова являются закономерным продолжением басенного языка И. А. Крылова на новом этапе развития русского литературного языка. С. Михалков в ряде случаев намеренно употребляет такие сочетания и обороты, которые напомина-

ют читателю некоторые сцены басен Крылова. Такую функцию, например, выполняет сочетание *вскружилась голова*, имеющее у С. Михалкова то же применение, что и в басне Крылова, ср.: «Седая, у Бобра вскружилась голова» (Лиса и Бобер) — «Вещуньяна с похвал вскружилась голова» (Ворона и Лисица). Иногда ассоциативная связь устанавливается «от противоположного», причем она может выражаться не конкретными языковыми единицами, а переосмыслением определенной ситуации при сохранении общей стилевой тональности басни. На этом построена басня «Колос и Василек», где содержится книжно-поэтическая лексика. Но если у Крылова Василек — слабое создание, ищущее помощи и поддержки у сильного покровителя, то Василек Михалкова — «сорняк», паразит, существующий за счет Колоса.

Следует ли все языковые и стилевые особенности басен С. Михалкова сводить исключительно к крыловской традиции? Развивая основную тенденцию басен Крылова как «синтеза литературно-книжной традиции с живой русской устной речью» (по определению В. В. Виноградова), современный поэт вносит свой вклад в языковые особенности этого жанра. В языке его басен наблюдаются явления, характерные именно для его индивидуального стиля, представляющие немалый интерес для лингвистического исследования. К данным явлениям можно отнести семантическую двуплановость слова, когда оно получает возможность понимания и истолкования не в одном, а в двух значениях. Благодаря такому приему контекст получает как бы двойной смысл. Семантическая двуплановость наблюдается в основном у глаголов и имен существительных, ср.:

И Заяц наш, как сел,
Так, с места не сходя, настолько окосел,
Что, отвалившись от стола с трудом,
Сказал: «Ишли домой!»

Заяц во хмелю

Глагол *окосеть* имеет два значения: «стать косоглазым» и «то же, что опьянеть» (прост.). Описываемые в басне обстоятельства указывают на употребление глагола во втором значении с соответствующей стилистической окрашенностью. Но применительно к Заяцу это слово может пониматься и как усиление одного из характерных его качеств («косой», «косоглазый»). Или:

А наш крикун все пуще петушится
И победителем глядит на всех вокруг.
Зарвавшийся петух

Здесь глагол *петушиться* переносно используется в значении «горячиться, вести себя задиристо, запальчиво». Вместе с тем по от-

ношению к Петуху глагол как бы воспринимается и в прямом значении без экспрессивно-эмоциональной окрашенности.

Аналогично употребляются и имена существительные:

Лиса заметила Бобра:
И в шубе у него довольно серебра,
И он один из тех Бобров,
Что из семейства мастеров.

Лиса и Бобер

В этом контексте образно обыгрываются сразу несколько элементов. Шуба Бобра одновременно понимается и как вид одежды, и как бобровая шкура; существительное *семейство* обозначает группу животных или растений из нескольких родов, сходных по строению и близких между собой по происхождению, но в сочетании *семейство мастеров* данное существительное теряет специфику биологического термина и становится обозначением социальной или профессиональной группы; слово *серебро* указывает и на возраст Бобра (*серебро* — 'седина'), и на его достаток.

Не менее интересны случаи переосмысления устойчивого сочетания, когда утрачивается его переносный характер и происходит «переразложение» в свободное, ср.:

Да я семь шкур с него спущу
И голым в Африку пущу!..

Заяц во хмелю

Сочетание *спустить шкуру* употребляется в значении 'жестоко обойтись с кем-н., наказать кого-н.'. Применительно ко Льву, которому грозит Заяц, его можно понять буквально. Аналогично используется сочетание *вертеть хвостом* в следующем контексте:

Вот Лисанька моя, охотясь за Бобром,
Знай вертит перед ним хвостом.

Лиса и Бобер

Здесь двойной смысл возникает за счет самостоятельного прямого значения обоих слов 'вертеть хвостом' и переносного значения всего сочетания 'хитрить', 'вести себя легкомысленно'. Как прием литературного языка переразложение и переосмысление устойчивых сочетаний свойствен в большей степени ораторской речи, текстам, полемически заостренным. Но, вероятно, именно благодаря этому использование указанного приема в басне превращается в действенное средство сатиры.

Таким образом, в баснях С. Михалкова содержатся разнообразные элементы литературного языка и устной речи, применяемые автором в зависимости от идейно-художественной цели произведения. Специфику его языка составляют взаимосвязь и взаимодействие этих элементов в прямой речи персонажей и в авторской речи.

Н. Г. МИХАЙЛОВСКАЯ

ИМЕНА И ФАМИЛИИ У Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

мена, отчества и фамилии у Достоевского определяют личность того или иного персонажа и всегда полны глубочайшего смысла. Достоевский тщательно обдумывал,

проверял и менял имена, пока не находил то, что нужно. Он чутко реагировал на звуковой и смысловой характер имен. Писатель следовал укоренившейся русской традиции, когда благодаря употреблению при крещении преимущественно греческих имен их объяснение привыкли искать в православных церковных календарях.

В библиотеке у Достоевского был такой календарь, в котором давался перевод на русский язык имен общепринятых святых, с раскрытием их буквального смысла. Писатель, наверное, часто заглядывал в этот календарь, давая символические имена своим героям. Легче всего это можно проследить на именах Карамазовых. Имя Дмитрий свидетельствует о родстве его носителя с землей (богиня земли Деметра), в котором, как в хаосе, в стихии, смешано доброе и злое начало; Иван носит имя евангелиста Иоанна, евангелиста Логоса (греч. *logos* — слово; евангелие от Иоанна начинается так: «В начале было Слово»), поскольку он *логику* любит больше жизни; Алеша — «ранний человеколюбец» (Алексий значит «защитник»), постоянно всех защищающий, назван так в честь любимого русского святого Алексея — человека божьего, и это тоже соответствует его жизненному призванию. Все три брата, символизирующие собою судьбу всего человечества, определяются своим отношением и своей близостью к Федору Павловичу, отцу по плоти, и к Зосиме, отцу по духу. Федор — по-гречески «божий дар», даровитый от природы человек,

но беспутно расточивший и осквернивший свой природный дар, свою жизнь, т. к. самый дорогой «божий дар» — человек — в его лице духовно умирает. (Сравните эпитафию к роману от Иоанна — о зерне, умирающем в земле). Зосима — по-гречески «жизненный» (в этом и смысл эпитафии от Иоанна).

Из фамилий Достоевского самые загадочные две: Карамазов и Ставрогин. Исследователи в первом случае искали символику с Каракозовым, стрелявшим в Александра II в 1866 году, или с Карамзиным, намекая на карамзинский «европеизм», однако Достоевский сам вскрывает семантику фамилии Карамазов. Штабс-капитанша Снегирева, здороваясь с Алешей, называет его «Черномазов», и, когда Снегирев ее поправляет, она снова повторяет: «Ну, Карамазов, или как там, а я всегда Черномазов». В фамилии Карамазов штабс-капитанша Снегирева не случайно выделяет два корня: *кара-* (черный) и *маз-* (мазь, мазать). *Кара* означает «черный» на языке тюркских народов. Достоевский, вероятно, слышал это слово от казахов в Семипалатинске. Всех Карамазовых объединяет темное, черное начало, Карамазовы — черные люди, в них стихийная сила богатой, плодородной, черноземной земли, но в слове *черноземный* тоже два корня: *черн-*, *черный* и *зем-*, *земля*. Какие плоды принесет чернозем, что перевесит в черноземе: черное, темное начало, и тогда земля родит четвертого сына Федора Павловича Карамазова — Смердякова, или победит в слове *чернозем* вторая часть этого слова — *земля*, которая всегда является для Достоевского чем-то священным, одухотворенным: «Люби повергаться на землю и лобзать ее», «Землю целуй и неустанно, ненасытимо люби» — эти советы в поучениях старца Зосимы заимствованы им из учения самого Достоевского, который любил повторять, что в «земле, в почве есть нечто сакральное», то есть таинственное. А если победит «земля», то в Черномазовых-Карамазовых исчезнет темное, черное начало. В этом смысл эпитафии от Иоанна к «Братьям Карамазовым»: «Истинно, истинно говорю вам; если пшеничное зерно, падши на землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода».

Первоначальный толчок фамилии главного героя романа «Бесы» Ставрогина могли дать, по-видимому, его родственники — двоюродные сестры и братья Ставровские, причем они много лет боролись с Достоевским за наследство его тетки А. Ф. Куманиной, и писатель относился к ним яв-

но негативно. «Ставровские — все это одного корня народ, мошеники, надувалы и валеты», — писал Достоевский своей жене 24 августа 1879 года. Но писатель сделал фамилию своего героя и символической. Корень фамилии Ставрогин в переводе с греческого означает 'крест'. Ставрогин — человек, вознесшийся на крест, добровольно выбравший распятие, чтобы испытать свою силу и доказать себе, что он властен над своей судьбой. Как и Христос, он поднят на кресте над остальными и притягивает их к себе. Все остальные герои «Бесов» вращаются вокруг него. Но в отличие от Христа его распятие кончается смертью, а не воскресением, так как распятие Ставрогина было проявлением его самовольства, дерзким вызовом богу. Вот почему Достоевский иронически называет Ставрогина именем Николай, что в православном календаре в переводе с греческого — 'побеждающий народ'. Роман «Бесы» кончается, как известно, тем, что «победитель пародов» повесился.

В фамилии, имени и отчестве главного героя романа «Идиот» — Лев Николаевич Мышкин — Достоевский мог откликнуться на антицерковное учение Льва Николаевича Толстого, зародыш которого он мог гениально увидеть уже в «Войне и мире». Фамилия эта могла быть связана и с Мышкинским уездом, т. к. во время работы над «Идиотом» разбиралось пашумевшее уголовное дело одного крестьянина Мышкинского уезда Ярославской губернии, зарезавшего мещанина Сулова за часы, причем сделал он это будто бы со словами: «Господи, прости Христа ради». Об этом случае в романе Лев Николаевич Мышкин рассказывает Рогожину. Но не исключено, что, создавая пушкинского «рыцаря бедного» — Льва Николаевича Мышкина, — Достоевский вспомнил племянника Пушкина — Льва Николаевича Павлицева (1834—1915), с которым писатель был знаком. В романе «Идиот» фамилию *Павлицев* носит благодетель Мышкина.

Есть более простые случаи раскрытия Достоевским имен и фамилий своих героев, когда смысл образа уже заложен в самой фамилии: Петр Верховенский и Шатов в «Бесах», Грушенька Светлова и Катерина Ивановна Верховцева в «Братьях Карамазовых», Раскольников и Разумихин в «Преступлении и наказании». Здесь, кажется, все ясно: так, Лужин по ошибке называет Разумихина Рассудкиным, Шатов все еще *шатается*, не может найти твердую веру и потому обречен на гибель. Недаром в за-

метках к «Бесам» Достоевский запишет: «Шатость во всем двухсотлетняя». Уже в самой фамилии Грушеньки Светловой (корень *свет-*) предугадывается ее победа над Катериной Ивановной Верховцевой, фамилия которой намекает на ее стремление взять верх, на ее гордость. Добавим, что именно от гордости она терпит поражение в борьбе с Грушенькой, так как слишком гордится своей *чистой* (Катерина — греч. 'всегда чистая'). Отметим также, что первоначальный толчок фамилии Катерины Ивановны могли дать старорусские знакомые жены писателя Верховцевы.

Несколько другой оттенок приобретает корень верх- в фамилии Петра Верховенского. Но здесь важно и имя. Петр Верховенский провозглашает веру в своего учителя, но не в Христа, а в Ставрогина, и организует «новую церковь», состоящую не из христиан, а из бесов, и не случайно он носит имя апостола Петра, трижды отрекшегося от своего учителя.

Часто Достоевский прибегает к именам и фамилиям, используя одновременно звуковую и смысловую ассоциацию. Такой, например, является фамилия героя «Преступления и наказания» Свидригайлова, взятая писателем из истории Литвы [Швитригэйло (Свидригайло) — великий князь литовский]. Напомним, что Достоевские происходили из старинного литовского рода, представители которого с XVI века упоминаются в различных документах юго-западной Руси. Фамилия Свидригайлова отражает также странную, полную внутренних изворотов личность этого персонажа (странность и изворотливость чувствуется и в звуках фамилии).

Еще Ю. Тынянов в свое время отметил в книге «Гоголь и Достоевский» (Пг., 1921) прием звукового повтора в подборе имен трех сестер Епанчиных в «Идиоте»: Александра — Аделаида — Аглая, а другие исследователи обратили внимание на звуковой упор на *р*, причем создается впечатление рокошущего звука: *ра-ра-ра* в имени, отчестве и фамилии героя «Преступления и наказания»: Родион Романович Раскольников.

Но не только звуковые ассоциации способствовали образованию фамилии, имени и отчества главного героя «Преступления и наказания». Раскольников «раскалывает» породившую его мать-землю. «раскалывает» родину (имя Родион), а если брать отчество, то вполне возможно

прямое толкование: раскол родины Романовых (отчество: Романович).

Зная поразительное переосмысление Достоевским имен при создании литературных персонажей, можно предположить, что имя инока *Парфения*, автора любимой писателем книги «Сказания о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле», дало толчок к созданию имени его полного антипода — *Парфена* Рогожина в «Идиоте». В рассказе «Бобок» Достоевского «доморощеный здешний философ, естественник и магистр» носит имя *Платон Николаевич*. Здесь писатель явно пародирует Николая Николаевича Страхова, который был философом и магистром естественных наук. Казалось бы, причем здесь Платон — знаменитый философ? Но надо знать, что как раз во время работы над «Бобком» вышел отдельным изданием роман «Бесы», где Достоевский в «шигалевщине» пародирует «Государство» Платона, а следствием «шигалевщины» является «бобок», то есть полное разложение.

Особое место в романах Достоевского принадлежит «кротким» женщинам, носящим имя Софии — премудрости (греч.). София Андреевна (мать Подростка), София Ивановна (мать Ивана и Алеши), София Матвеевна Улитина (ангел-хранитель последних дней Степана Трофимовича в «Бесах»), наконец, Соня Мармеладова, — все они смиренно несут крест, выпавший на их долю, но верят в конечную победу добра. Недаром Сонечка Мармеладова жила в квартире портного Капернаумова, фамилия которого образована от известного евангельского города Капернаум, где часто выступал Христос.

Итак, имена и фамилии у Достоевского не являются случайными. Раскрытие их символики помогает лучше понять замысел его гениальных созданий.

С. В. БЕЛОВ
Ленинград

●

Искусство всегда современно и действительно, никогда не существовало иначе и, главное, не может иначе существовать.

В том-то и признак настоящего искусства, что оно всегда современно, насущно — полезно.

Ф. М. Достоевский.
Г-бов и вопрос об искусстве

Пламенное СЛОВО «ИСКРЫ»

В декабре 1900 года был сверстан и вышел в свет первый номер первой общерусской нелегальной марксистской газеты. Позже В. И. Ленин сформулировал итоги трехлетней (1900—1903) деятельности «Искры», выработавшей «и программу с.-д. партии, и основы ее тактики, и формы соединения экономической и политической борьбы рабочих на основе последовательного марксизма» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 25, стр. 98).

В. И. Ленин был подлинным вдохновителем и руководителем «Искры». Именно он определил идейно-политическое лицо газеты. Язык «Искры», ее стиль и образная система были также предметом постоянных забот В. И. Ленина, который еще в 1897 году писал: «...ничего так не желал бы, ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих» (т. 46, стр. 12).

Пламенное слово «Искры»... В чем секрет его поразительной действенности, тайна обаяния, где разгадка его удивительной силы?

Газета начинается с заголовка... Заголовок — ключ к статье. Для нелегальной газеты — это верно вдвойне. Постоянная опасность полицейской слежки, необходимость ознакомить с одним экземпляром газеты многих обязывали искровцев помочь читателю максимально быстро воспринимать текст. Поэтому заголовок должен был отличаться лаконизмом и в то же время подсказывать идею статьи. Такие, например, заголовки, как «Насущные задачи нашего времени», «Причины непрерывных рабочих стачек в Баку», «Итоги международной социал-демократии», сразу же вводили читателя в существо главных

проблем статьи. Корреспонденции обычно имели короткие и ясные информативные заголовки, состоящие из одного-двух слов («Москва», «Баку», «Из Баку» и т. п.), и более длинные заголовки («Всеобщая стачка в Баку» и т. п.).

Иногда авторы употребляли подзаголовки, набранные разным шрифтом, которые последовательно приводили читателя к смысловому центру. Так, заголовок корреспонденции о первомайской демонстрации в Баку (1902, № 22) выглядел так:

ПЕРВОЕ МАЯ 1902 г.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

(Письмо рабочего о демонстрации в Баку)

Искровские авторы обладали удивительным искусством сообщать заголовкам высокую эмоциональность и экспрессивность. Пожалуй, невозможно найти на страницах «Искры» ни одного скучного, безжизненного заголовка.

Важную роль на полосе первой ленинской газеты играли и эпитафии, которые как бы продолжали заголовок и от которых в значительной степени зависело усвоение содержания статьи. Эпитафии черпались из русской классической поэзии, рабочего фольклора или из революционных песен.

Профессиональный революционер, видный искровец И. В. Бабушкин удивительно удачно подобрал из сокровищницы фабричного фольклора эпитафию для своей статьи «В защиту иваново-вознесенских рабочих» (1901, № 9, «Приложение»). В ней уничтожающей критике подвергался пасквиль некоего В. Дадонова «Русский Манчестер» («Русское богатство», 1900, № 12 и 1901, № 4), где автор пытался представить рабочих пьяницами, лишёнными духовных интересов. Слова эпитафия

Где же тут справедливость?
Обижаете вы нас...
Неба грозная немилость
Посетит за это вас...

напоминали о неизбежности кары.

Часто в качестве эпитафий использовались строфы, взятые из популярных революционных песен «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу!», «Красное знамя» и других. Они создавали у читателей «Искры» боевое настроение.

ние, вселяли бодрость и решительность. Эпиграфом к статье о 25-летию демонстрации рабочих и учащейся молодежи у Казанского собора 6 декабря 1876 года послужили строки из известной революционной песни 70-х годов «Красное знамя»:

И вот на площади соборной
В столице русского царя
«Земли и Воли» флаг народный
Взвился шестого декабря.

Эпиграф открывал путь первому предложению статьи: это краткая, чеканная фраза, формулирующая основную тему или существо проблемы, выдвинутой в статье. Именно так начинаются выступления Ленина в «Искре», которые являлись для авторов газеты не только примером редкой глубины и политической остроты, но и образцом подлинно революционного, боевого стиля.

*

Передовая первого номера «Искры», написанная Лениным, начинается фразой классической по своей ясности и четкости, по своей глубине и простоте. Эта фраза определила не только главную проблему передовой, но и главную проблему всех материалов «Искры»: «Русская социал-демократия не раз уже заявляла, что ближайшей политической задачей русской рабочей партии должно быть ниспровержение самодержавия, завоевание политической свободы» (т. 4, стр. 371).

Краткость, отчетливость, энергичность публицистического зачина отличают и корреспонденции рабочих. Вот, например, как пишет рабочий корреспондент о положении в Баку (февраль — март 1902):

«Баку. Здесь все боятся „бупта“ рабочих... „Искра“ здесь читается и нравится.

Кризис продолжается и обостряется, здесь половина заводов стоят. Увольняют рабочих массами. Около 10 тысяч отправлено за последние 10 месяцев полицией по льготному тарифу» (1902, № 19).

Другая корреспонденция, где описывается всеобщая стачка в Баку, начинается столь же энергично: «Стачка началась в Баку 2 июля. 6 июля было собрание у Волчьих ворот, организованное Комитетом, 6-го и 7-го собрания у „Степана Разина“ [гора в пригороде Баку — Сабунчах.— А. Ц.] и в Кишлах» (1903, № 47).

ИСКРОВСКИЕ ПУБЛИЦИСТЫ

Вопрос о том, как передать стремительную динамику классовой борьбы, является центральным для всей работы «Искры». Писатели должны были не только описать события, но и показать их истинную природу, их значение для всего рабочего движения. Это требовало от публицистов не только таланта, но и глубокого понимания социальных процессов. Они стремились к тому, чтобы их статьи были не просто отчетом о событиях, а мощным оружием в борьбе за освобождение рабочего класса.

Вопрос о том, как передать стремительную динамику классовой борьбы, является центральным для всей работы «Искры». Писатели должны были не только описать события, но и показать их истинную природу, их значение для всего рабочего движения. Это требовало от публицистов не только таланта, но и глубокого понимания социальных процессов. Они стремились к тому, чтобы их статьи были не просто отчетом о событиях, а мощным оружием в борьбе за освобождение рабочего класса.

Вопрос о том, как передать стремительную динамику классовой борьбы, является центральным для всей работы «Искры». Писатели должны были не только описать события, но и показать их истинную природу, их значение для всего рабочего движения. Это требовало от публицистов не только таланта, но и глубокого понимания социальных процессов. Они стремились к тому, чтобы их статьи были не просто отчетом о событиях, а мощным оружием в борьбе за освобождение рабочего класса.

Вопрос о том, как передать стремительную динамику классовой борьбы, является центральным для всей работы «Искры». Писатели должны были не только описать события, но и показать их истинную природу, их значение для всего рабочего движения. Это требовало от публицистов не только таланта, но и глубокого понимания социальных процессов. Они стремились к тому, чтобы их статьи были не просто отчетом о событиях, а мощным оружием в борьбе за освобождение рабочего класса.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Вопрос о том, как передать стремительную динамику классовой борьбы, является центральным для всей работы «Искры». Писатели должны были не только описать события, но и показать их истинную природу, их значение для всего рабочего движения. Это требовало от публицистов не только таланта, но и глубокого понимания социальных процессов. Они стремились к тому, чтобы их статьи были не просто отчетом о событиях, а мощным оружием в борьбе за освобождение рабочего класса.

Вопрос о том, как передать стремительную динамику классовой борьбы, является центральным для всей работы «Искры». Писатели должны были не только описать события, но и показать их истинную природу, их значение для всего рабочего движения. Это требовало от публицистов не только таланта, но и глубокого понимания социальных процессов. Они стремились к тому, чтобы их статьи были не просто отчетом о событиях, а мощным оружием в борьбе за освобождение рабочего класса.

Первая
страница
№ 1
газеты
«Искра».
1900

Искровские публицисты умели особыми языковыми средствами передать стремительную динамику классовой борьбы. Рассказывая, например, рабочим всей России о революционном пожаре на юге, который вызвала всеобщая забастовка в Баку (июль 1903), «Искра» писала: «За Баку — Тифлис, за Тифлисом — Киев, за Киевом — Елизаветград, наконец, Одесса. Градиозное восстание рабочих представляет событие, которое будет иметь громаднейшее значение для всего дальнейшего освободительного движения».

Большую смысловую нагрузку несла и концовка корреспонденции. Представлены два типа концовок, которые условно можно назвать аналитическим и патетическим.

В аналитической концовке формулировались выводы. Так, описав на страницах «Искры» внушительную политическую демонстрацию многонационального бакинского пролетариата 2 марта 1903 года, автор замечает: «Цель теперешней демонстрации была — ясно и открыто заявить, насколько политически зрел наш пролетариат и как он готов в любой момент, по первому призыву Комитета [Бакинского Комитета РСДРП.— А. Ц.] выйти на улицу и под красным революционным знаменем социализма бросить вызов самодержавию».

Патетическая концовка в приподнятом, мажорном тоне утверждала непобедимость пролетариата, решимость идти до конца в борьбе с самодержавием. Рассказ о первомайской демонстрации корреспондент заканчивает так: «Многие с нетерпением ждут новой демонстрации, и слова нашего великого учителя Маркса: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ запечатлелись в душах всех рабочих» (1902, № 22).

*

Боевой, агитационный характер «Искры» определил близость стиля к стилю устного ораторского выступления с его многочисленными риторическими вопросами, восклицательными и побудительными предложениями, обращениями. В пламенных обращениях (Товарищи!, Товарищи рабочие!, Товарищи текстильщики! и т. п.) звучит мощь наступавшего рабочего класса; в иронических восклицаниях — ненависть к врагу: «...расправа нужна примерная: отдать в солдаты сотни студентов! „Фельдфебеля в Вольтеры дать“...» (В. И. Ленин. Отдача в солдаты 183-х студентов); в страстных призывах — убежденность в классовой солидарности пролетариата России: «Бросайте немедленно работу! Наши одесские и бакинские товарищи ждут вашей поддержки...» и т. д.

Дух агитации и пропаганды находит выражение и в употреблении ряда ораторских приемов, усиливающих контакт с аудиторией (в данном случае незримой, но всегда хорошо ощущавшейся искровцами). Нередко применяется способ градации (подчеркнутое употребление ряда однородных членов, когда каждый последующий содержит усиливающееся значение) — явление, редкое для русской прессы того времени: «Помните о людях *убитых, раненых и арестованных* 4 марта: эти люди восстали против *вашего злейшего врага, против полицейского самовластья*, которое

держит русских рабочих и весь русский народ в *униженном, униженном, бесправном* состоянии [курсив мой. — А. Ц.]. Петербургские рабочие, помните о майской демонстрации, постарайтесь дать надлежащий ответ правительству зверства и насилия!» (1901, № 3).

Часто в корреспонденции несколько подряд идущих фраз начинались с одного и того же слова (анафора), что создавало особое ощущение взволнованности и непосредственности, способствовало выделению в тексте наиболее значимого слова. В статье о жестокой расправе с крестьянами, захватывающими помещичью землю, сказано: «*Бьют* суковатыми прутьями... *Бьют* до потери сознания, отливают и вновь *бьют*. *Бьют* до смерти» (1902, № 20; курсив мой. — А. Ц.).

Слова с яркой эмоциональной окраской позволяли выразить высокий пафос классовой борьбы (ряд *блестящих* выступлений пролетариата, *победоносная* революция, *грандиозное* восстание, *великий* завет, *молодая гвардия*), а также разоблачить противника (экономическое *тупоумие*, политика *грабежа*, *холопствующие* газеты).

Часто употреблялись суперлативы, слова, обозначающие высшую степень какого-либо качества, например: *самые светлые идеалы* и т. п. Обычно суперлативы употреблялись тогда, когда необходимо было сформулировать основные выводы статьи, указать на главные факты корреспонденции. В сообщении о бакинской забастовке говорилось: «Мусульманское [азербайджанское. — А. Ц.] рабочее население активно борется за улучшение своей участи. Они... *самые ярые* забастовщики» (1903, № 45).

*

Язык «Искры» был кристально чистым русским литературным языком. Однако в редакции ленинской газеты существовал непреложный закон, введенный самим Владимиром Ильичем, — не «олитературивать» стили рабочих. По этому поводу В. А. Карпинский писал: «Владимир Ильич старался сохранить своеобразный язык рабочего корреспондента, его манеру изложения, его подход к вопросу, своеобразие его аргументации» («Ленин — редактор и журналист»). Впервые в истории русской печати газета говорила с рабочим на близком и понятном ему языке. Корреспонденции рабочих включали иногда просторечия, областные слова, всегда поясняемые в тексте. Так, автор корреспонденции из Баку, употребив местное слово *амба-*

лы (азерб. *хамбал* — носильщик, грузчик), объясняет его: «рабочие на пристанях и низшие промысловые рабочие» (1902, № 24).

Решительно борясь с невыразительностью языка, стереотипами, авторы «Искры» широко использовали устойчивые образные словосочетания и фразеологизмы, поговорки, крылатые слова, афоризмы, цитаты, литературные сравнения и литературные образы из фольклора и литератур народов мира. Энергичный, активный стиль газеты предполагал и активное, творческое их использование: изменение структуры, обновление экспрессивно-стилистической окраски, сатирическое переосмысление и публицистически заостренное их распространение или преобразование. Например: «Нет, поговорка „с одного вола двух шкур не дерут“ была бы еще слишком лестна для министерства внутренних дел, которое пользуется любой зацепкой, чтобы уменьшить ссуду голодающим. Это уже третья шкура с одного и того же вола» (1901, № 8).

Особенно интересно соединение в пределах одной фразы двух разных, иногда контрастных фразеологизмов (или фразеологизма и литературного образа). Автор одной из корреспонденций едко высмеял трусливый либерализм земцев, объединив гоголевский и щедринский образы: «Дух „благоразумия“ и ничем не искоренимая маниловская уверенность в том, что „волк, авось... ха-ха-ха! и помилует“, заставляют их [земцев.— А. Ц.] становиться постыдными отступниками и всю земскую оппозицию превратить в ничтожную шумиху» (1902, № 26).

*

Созданию яркой публицистики на страницах «Искры» особенно помогали образные средства языка: эпитет, метафора, символ и т. п. Простые и понятные, они позволяли лаконично и компактно организовать материал, четко определить общую тональность статьи, становились ее центральным нервом. Часто вся статья или корреспонденция в стилистическом плане строилась всего лишь на одной метафоре, которая наиболее остро и полно иллюстрировала основную мысль. Иногда, желая особенно рельефно представить картину каких-нибудь социальных сдвигов, автор употреблял целый каскад метафор: «Быстро выросший центр нефтяной промышленности Баку еще недавно представлял царство исключительных интересов биржи и ажиотажа. Магическое слово „фонтан“ кружило голову

всему, имевшему то или иное отношение к нефтяной промышленности. А отношение имел почти всякий бакинский житель... всякий надеялся *отвести в свой канал что-нибудь из золотого дождя миллионов*. Деньги лились рекой! Капиталы наживались и проживались с американской быстротой. Напоминание об общечеловеческих интересах прозвучало бы резким и смешным диссонансом в этом *царстве рыцарей первоначального накопления*» (1902, № 24).

Большую роль в системе образного воздействия на читателя играл в «Искре» символ. Особенно часто употреблялись слова *искра, огонь, факел, пламя, вспыхивать, полыхать*, символизирующие высокий накал революционной борьбы. «Но для того, чтобы возгорелось сильное пламя, — пишет рабочий о демонстрации в Баку, — нужно, чтобы искры разлетались по всему городу, чтобы сразу вспыхнул большой огонь. Так как открытое празднование станет известно всему городу, то без сомнения наши искорки западут не только в души всех граждан нашего города (как потом и оказалось)...» (1902, № 22).

Точный отбор слов, мастерское использование всех образных средств языка характеризуют агитационно-публицистический стиль «Искры». Этот стиль определялся емкой формулой Ленина: «Искусство всякого пропагандиста и всякого агитатора в том и состоит, чтобы наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой» (т. 21, стр. 21).

*

Пламенное слово «Искры»... Его изучение имеет не только теоретический характер и не только исторический интерес. Наследуя и развивая искровские традиции, советские публицисты и критики совершенствуют свое мастерство, овладевают «ленинским искусством политического убеждения масс».

*Кандидат филологических наук
А. М. ЦЫВИН
Баку*

*Из Постановления
ЦК КПСС
и Совета Министров
СССР*

**О присуждении
Ленинских премий
1976 года
в области науки
и техники**

Рыбакову Борису Александровичу, академику, директору Института археологии Академии наук СССР, — за цикл работ по истории русской культуры X—XVI веков, опубликованных в 1963—1974 годах.

**О присуждении
Ленинских премий
1976 года
в области литературы,
искусства
и архитектуры**

Шукшину Василию Макаровичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР (посмертно), — за творческие достижения последних лет в киноискусстве.

Академик Борис Александрович Рыбаков — выдающийся советский историк и археолог. Его работы посвящены древней истории славянских племен, древнерусской литературе, исторической географии Древней Руси. Б. А. Рыбаков — лауреат Государственных премий, присужденных ему за капитальный труд «Ремесло древней Руси» (1949) и за участие в работе «История культуры древней Руси» (1952).

Б. А. Рыбаков является действительным членом Академии наук Чехословакии, Польской Академии наук и Почетным доктором Ягеллонского Университета в Кракове [Польша]. За цикл работ по истории

1. Борис Александрович, занимаясь проблемой истории культуры славян, Вы, конечно, обращались и к героическому эпосу. Что Вы можете сказать по поводу историзма былин?

Былины представляют собой исключительно важный фонд русского героического эпоса. Их даже называли устным учебником истории, хотя там нет конкретных дат, перепутаны характеристики, многое смещено, поэтическая сторона сглаживает историческую действительность. По поводу историзма былин шли давние споры.

Бесспорно, что былины — это творчество народа, который на протяжении нескольких столетий на большой территории отстаивал свою неза-

русской культуры X—XVI веков (1963—1974) он удостоен Ленинской премии 1976 года.

Исключительный интерес для филологов представляют исследования Б. А. Рыбакова о бессмертном памятнике Древней Руси «Слове о полку Игореве» — монографии «Слово о полку Игореве» и его современники и «Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве».

Редколлегия и редакция журнала поздравляют Бориса Александровича Рыбакова с присуждением Ленинской премии и желают ему дальнейших творческих успехов.

Мы попросили Бориса Александровича ответить на несколько вопросов.

висимость от набегов то печенегов, то половцев, то татар. Мои исследования были приведены к выводу, что в них упоминается свыше трех десятков исторических лиц конца X — начала XIII века. Это имена русских князей, княгинь, имена половецких ханов, отдельных бояр, которые встречаются и в летописи. При хронологических розысках очень важны и имена исторических лиц, хотя они могут смещаться, и детали сражений, которые мы можем проверить по летописи.

Былины — героические песни, но в основе их лежит реальное историческое событие с реальными историческими лицами. Эту мысль я высказал и попытался обосновать тринадцать лет тому назад в своей книге «Сказания, былины и летописи», а вот в прошлом году это получило дополнительное подтверждение.

Этнограф, фольклорист Светлана Ивановна Дмитриева написала очень интересную работу о географическом распространении былин. Она впервые проделала скрупулезную работу по выяснению всех деревень и сел, где записаны былины. Былины записаны на русском севере. Север колонизовался с двух сторон: с запада — из Новгорода, с юга — со стороны Московской Руси. Эти две волны колонизации встретились, люди живут чересполосно, и поэтому на первый взгляд получается картина повсеместного распространения былин. Дмитриева по самым различным документам выяснила, что былины бытуют только в тех деревнях, кото-

рые населены бывшими новгородцами. Они все принесены из Новгородской земли. Ее исследования объективно подтверждают мои выводы. И вот каким образом.

По результатам работы Дмитриевой получается, что эпический фонд, которым мы располагаем, это не весь эпос древней Руси, это только та часть его, которая прошла через Новгород, а это позволяет нам проверить хронологию. Обычно местом создания былины был юг, Киевщина, где проходили жестокие бои с кочевниками. Но между Киевом и Новгородом были тесные связи. Например, новгородцы участвовали в постройке южных крепостей против набегов печенегов. Таким образом, былины попадали в Новгород. Цикл былин конца XI века связан с именем Владимира Мономаха. Мономах в нем не отделен от Владимира Святославича: в эпическом котле они смешались, два Владимира слились в одного эпического героя. В этом случае сама возможность проникновения былин объясняется тем, что в Новгороде княжил и сын Мономаха, и его внук. Новгородские дружины активно участвовали в южных делах. Все это подтверждает историческую датировку происхождения былин. Но, когда мы говорили об историзме былин, то здесь надо разделять два момента: 1) время возникновения былин — его можно датировать по разным летописным признакам, 2) создание больших былинных циклов примерно в XIV—XV веках. Это было время, когда из старого эпического материала были созданы те большие циклы былин, которые знаем мы теперь. Один и тот же герой жил 200—250 лет — это не исторично, но подчиняется особым законам обобщения эпического материала, произведенного вторично в эпоху татарского нашествия, когда русский народ стремился воспеть свое прошлое. Это вторая жизнь эпоса.

2. «Слово о полку Игореве» — не только прекрасное поэтическое произведение, но и объект интересного исторического исследования. Вы, Борис Александрович, глубоко и всесторонне изучили этот бессмертный памятник, посвятили его автору целую книгу. Расскажите читателям о ходе Ваших поисков, о результате исследований?

«Слово о полку Игореве»... Как только мы произносим эту фразу, перед нами сразу встает совершенная поэма, которая из-за своей исключительности даже подвергалась сомнению. Майков сто лет тому назад писал: «Разве может на ржаном поле вырасти куст роз?» Но он вырос. Это, несомненно, подлинное произведение XII века по языку, по грамматике, по своей связи с реальной исторической жизнью. Я бы даже сказал точнее — это произведение, возникшее в совершенно конкретных условиях лета или осени 1185 года, когда Кончак, разбив Игоря, двинулся на

В. А. РЫБАКОВ
Русские летописцы
и автор
«Слова
о полку Игореве»

В. А. РЫБАКОВ
«Слово
о полку Игореве»
и его
современники

Киев, когда часть русской земли была разорена и враг угрожал столице Руси. И вот в этот момент потребовался голос человека, который смог бы преодолеть княжеские распри, властный голос патриота, который бы сумел доказать необходимость единства перед лицом этой опасности. Автор «Слова» все время как бы приподнимает читателя над землей. Он показывает ему не отдельные события, а целые явления, Русь с птичьего полета. Его любимый символ — это сокол, птица, которая взвивается высоко и зорко видит далеко вокруг. И автор все время стремится вместе с собой увлечь читателя в эту заоблачную высоту, откуда видны и Русь, и Чехи, и Моравы, и Византия, и Половецкая земля. Вот в чем достоинство этой поэмы. И конечно, всех, интересующихся этим памятником, занимает вопрос о том, кто же его написал? По средневековой традиции автор не подписывался под своим произведением. Мы лишь случайно узнаем имя какого-то летописца. Мы говорим: «летописец Нестор», а у нас нет полной уверенности, что именно он это написал. Автор «Слова» не оставил никаких признаков своего имени, но, как человек, он в этой поэме отразился полностью, и поэтому мы можем выделить признаки личности автора, которые явствуют из самой поэмы. Нужно сначала воскресить облик этого человека, а затем сопоставить с теми разными людьми, которые нам известны для XII века. А для XII века мы располагаем большим количеством летописей, разных имен и материалов.

Каким же человеком предстает перед нами автор «Слова»? Прежде всего он человек высокообразованный, талантливый, с широким кругозором. Его поэма — не просто поэма, а научный трактат о судьбах Руси. Он, по всей вероятности, полководец,

так как великолепно знает военное дело, различает виды оружия разного происхождения: восточное, западноевропейское, он зрительно представляет себе, как идет огромное, многотысячное войско, как солнце отражается на щитах воинов, как взбаламучиваются реки, через которые проходят тысячи коней. Он это знает по опыту и говорит обо всем со знанием дела. Кроме этого он еще историк, т. к. обращается к истории совершенно свободно, заглядывая в глубь веков точно на такую же глубину, на какую само «Слово» отстоит от нас с вами сейчас. Он знает о битвах древних антов с готами, а это IV век нашей эры, знает события XI века и называет первых зачинщиков усобиц, князей, которые вошли в союз с половцами, приводили их на Русь. Он их бичует, стыдит их потомков. Поэтому естественно искать автора «Слова» среди тогдашних историков, летописцев. Вот этим я и занялся специально. Для этого надо было изучить все летописание, дошедшее до нас и даже не дошедшее, т. к. часть рукописей сгорела в середине XVIII века, но из них успел сделать выписки Василий Никитич Татищев, которому мы признательны, как первому русскому историку.

И вот, суммируя все эти материалы для второй половины XII века, можно назвать около десятка разных летописцев в разных городах: Киеве, Новгороде, во Владимире-Суздальском. Но почти все они — церковники, так как постоянно приводят различные церковные праздники, религиозные восклицания, цитаты из священных книг. Автор «Слова» совершенно свободен от всей этой церковной мишуры, он светский человек. У него имя бога, христианские памятники употребляются как обстоятельства места. Как мастера Возрождения, он как бы воскрешает старых языческих богов, вводя их в поэму. И вот среди этих летописцев есть только один человек с широким кругозором, полководец и дипломат, светский человек. Его, исходя из анализа летописей XII века, условно можно назвать Петром Бориславичем. Этот деятель нам известен — он киевский боярин, тысяцкий, то есть глава киевского боярства, поэтому он так властно разговаривал с князьями. И в летописи он поучал их. Стиль его летописей близок «Слову».

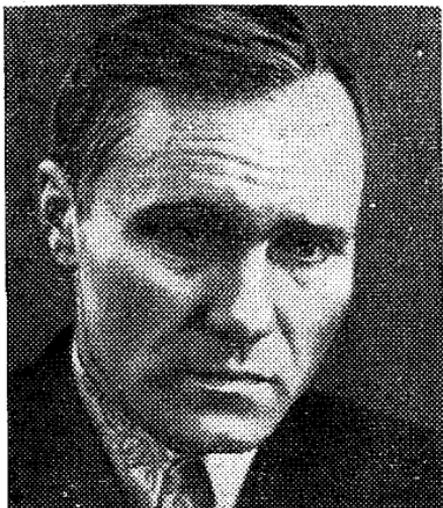
«Не лено ли ны бяшет, братия, поискати отцов наших и дед наших путей». Это прямо как будто начало «Слова», а на самом деле эти строки мы встречаем у него в летописи. Этот человек писал несколько десятилетий, его летопись, как мозаика, состоит из разных кусков. Большая ее часть помещена в так называемой Ипатьевской летописи (список XV в.). Полный список этой летописи был у Татищева: он его назвал «раскольничий манускрипт», написанный на пергамене старинным письмом и

купленный в Сибири у одного раскольника. Это все, что осталось от интереснейшего историко-литературного труда летописца, которого предположительно можно назвать Петром Бориславичем. Он был новатором в летописном деле: документировал летопись подлинными материалами, выписками из княжеского архива, давал характеристики князьям,— это чисто литературные добавления, очень субъективные, но полностью совпадающие с характеристиками в «Слове». Все симпатии и антипатии этого летописца и автора «Слова о полку Игореве» совпадают полностью, до мелочей. Мне кажется, что этот летописец, полководец, образованный человек, несомненно очень талантливый и яркий, судя по уцелевшим фрагментам его летописи, и являлся автором «Слова». Правда, в одном случае — это летопись, документированная хроника, в другом — это поэма. Но это не должно нас смущать; я могу привести сравнение: так, Пушкин писал «Историю Петра Великого», произведение скучноватое, прозаическое, в нем даже не сразу мы распознаем Пушкина, и он же написал «Полтаву» — это тоже история Петра, но в прекрасном поэтическом виде. И автор «Слова о полку Игореве» представляется мне таким Пушкиным. Автор «Слова» обращался к Бояну, своему предшественнику, очень уважаемому поэту другой эпохи, других взглядов. Тут я бы провел такую аналогию, что Боян — Державин, а автор «Слова» — это Пушкин.

3. «Слово о полку Игореве» вызывает живой интерес и у литературоведов, и у языковедов, и у историков. Много книг посвящено этому памятнику, но интерес к нему не ослабевает. Борис Александрович! Чем, по-Вашему, вызван такой неослабевающий интерес к «Слову» не только в нашей стране, но и за рубежом?

Вы спрашиваете меня, почему так велик интерес к этой поэме? В мире есть немного таких поэм, которыми интересуются все народы, независимо от того, где эти поэмы возникли. «Песнь о Роланде», «Витязь в тигровой шкуре», поэмы Гомера — это общечеловеческий культурный фонд. В этот фонд входит и «Слово о полку Игореве», потому что это исключительно талантливая, сжатая, лаконичная поэма. Любой перевод, пересказ будет в два раза пространней, чем подлинный текст. «Слово о полку Игореве» — очень поэтический текст, насыщенный мудрыми мыслями о зле, княжеских усобицах, о необходимости защищать Родину едиными силами, умение показать Родину во всей ее красе. Это все вместе взятое делает поэму общепонятной. Она целиком русская, конкретная, связанная с определенными событиями, но талант автора возвысил эту поэму на такую соколиную высоту, которая делает ее общечеловеческой, и интерес к ней не иссякнет никогда.

Интервью подготовила М. А. Галманова

Ленинская премия 1976 года присуждена посмертно Василию Шукшину за творческие достижения последних лет в киноискусстве. В кинематографе В. Шукшин был един в трех лицах. Он был и сценаристом, и режиссером, и актером. Все это с полным правом позволяет говорить об авторском кинематографе В. Шукшина, внесшего серьезный вклад в достижения советского киноискусства.

«Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброту...

Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами...

Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наше страдание — не отдавай всего этого за понюх табаку.

Мы умеем жить. Помни это. Будь человеком».

В. Шукшин. Из последнего письма в издательство «Молодая гвардия», 21 августа 1974

«Каждый, кто писал и говорил в последнее время о творчестве Василия Шукшина, не мог без удивления и даже какого-то чувства растерянности не сказать о его почти невероятной разносторонности. Ведь Шукшин-

кинематографист органически проникает в Шукшина-писателя, его проза зрима, его фильм литературен в лучшем смысле слова. Его нельзя воспринимать „по разделам“, и вот, читая его книги, мы видим автора на экране, а глядя на экран — вспоминаем его прозу».

Шукшин принадлежал русскому искусству в той традиции, в силу которой художник не то чтобы уничтожал себя, но не замечал себя самого перед лицом проблемы, которую он поднимал в своем произведении, перед лицом того предмета, который становился для него предметом искусства...

Он ведь представляет то искусство, которое есть не только правдивое, не только талантливое изображение жизни, но и сама жизнь — реальная, повседневная, героическая, какая угодно. Казалось бы, этот человек должен был обладать самым высоким мастерством перевоплощения из одной ипостаси в другую, но так только казалось, в действительности же он обладал неповторимым умением всегда оставаться самим собой.

«...припомним Егора Прокудина из повести и фильма „Калина красная“. Такой образ до сих пор не удавалось, пожалуй, создать никому — ни одному писателю, ни одному режиссеру, ни одному актеру, а Шукшину потому это и удалось, что он — Шукшин, пронзительно видящий вокруг себя людей, их судьбы, их жизненные перипетии, потому что он и писатель, и режиссер, и актер в одном лице».

/Его герой/всегда оставались достоверными, убедительными и, выполняя роль героев и действующих лиц, оставались самими собой, живыми людьми.

Как сказал Василий Шукшин в последней строке своего последнего прижизненного произведения, и он, и они всегда ставили перед собой вопрос: «...что с нами происходит?»

Да, герой Шукшина неизменно ставит этот вопрос, оставаясь без грима и без прически, обутый в кирзовые сапоги.

Сергей Залыгин. Из предисловия к книге В. Шукшин. «Избранные произведения» в 2-х томах. Герой в кирзовых сапогах

ОБ
ИЗУЧЕНИИ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
КАК
СРЕДСТВА
МЕЖНАЦИО-
НАЛЬНОГО
ОБЩЕНИЯ

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул: «Утверждение в сознании трудящихся, прежде всего молодого поколения, идей советского патриотизма и социалистического интернационализма, гордости за Страну Советов, за нашу Родину, готовности встать на защиту завоеваний социализма было и остается одной из важнейших задач партии». Эту задачу призваны решать прежде всего те, кто непосредственно связан с воспитанием подрастающего поколения. Именно в школе закладываются основы марксистско-ленинского мировоззрения, воспитываются в сознании учащихся идеи патриотизма и интернационализма, социалистического отношения к труду — словом, все то, что в дальнейшем будет характеризовать человека развитого социалистического общества, человека, преданного коммунистическим идеалам.

Неоценимая роль в утверждении в сознании молодого поколения национальных республик и областей нашей страны идей советского патриотизма и социалистического интернационализма принадлежит русскому языку как средству межнационального общения народов СССР. Русский язык — язык великого русского народа, ставшего во главе Октябрьской революции и социалистических преобразований в нашей стране, язык высокоразвитой науки и техники, всемирно признанной литературы и культуры. Этот язык в настоящее время стал одним из мировых языков и общепринятым средством взаимного общения всего населения нашей страны.

Задача сейчас заключается в том, чтобы добиваться улучшения знания русского языка в национальных республиках и областях, повышать качество его преподавания в национальных школах, совершенствовать подготовку учителей русского языка в национальных вузах. В конечном итоге перед нами стоит задача добиться активного двуязычия граждан национальных республик и областей, при котором русский и родной язык их носителей находились бы в гармоническом сосуществовании. Такое двуязычие не означает ни ущемления прав родного языка той или иной национальности, ни навязывания русского языка как обязательного. Наоборот, носитель национального языка, свободно вместе с тем владеющий русским языком, может непосредственно приобщиться к великой русской культуре. Он получает также широкие возможности овладеть всеми научными достижениями, созданными на русском языке, применить свои специальные знания, работая в любом уголке нашей страны. Он расширяет свой жизненный кругозор и приобретает большой жизненный опыт. Молодежи национальных республик и областей знание русского языка позволяет успешнее выполнять патриотический долг на службе в Советской Армии и Флоте. Политические, научные и культурные задачи, стоящие перед советским народом, будут решаться быстрее и лучше, если каждый гражданин нашей страны овладеет единым средством межнационального общения — русским языком, и все население нашей страны осознает необходимость овладения русским языком как средством взаимного общения.

Улучшение знания русского языка в национальных республиках и областях, повышение качества его преподавания в национальных школах, совершенствование подготовки учителей-русистов в национальных вузах предполагают необходимость объединения усилий лингвистов и методистов в разработке научных проблем билингвизма (двуязычия) в нашей стране и вопросов методики преподавания русского языка как неродного в национальных школах и вузах.

Большую роль в изучении проблем русско-национального двуязычия и в усовершенствовании преподавания русского языка должны играть Академия наук СССР, ее филиалы, академии национальных республик, Академия педагогических наук СССР. Создавая это, ученые-лингвисты Института русского языка и Института языкознания

АН СССР совместно с лингвистами языковедческих учреждений национальных республик разрабатывают вопросы сопоставительно-типологического изучения русского и национальных языков нашей страны, изучают характер и условия функционирования русского языка в национальных республиках, исследуют процессы взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР.

Степень овладения русским языком представителями других национальностей зависит не только от субъективных причин (сила национальных или религиозных традиций и предрассудков; наличие или отсутствие благоприятных условий для распространения русского языка; уровень преподавания его в школе и т. д.), но и от объективных (родственность или неродственность русского и родного языков обучающихся; их типологическое сходство или расхождение на разных уровнях языковой структуры; степень изученности фонетики, грамматики, словообразования и лексики родного языка и т. д.). Поэтому сама разработка научно обоснованной методики преподавания русского языка как неродного оказывается в зависимости от уровня сравнительно-сопоставительного изучения русского языка с различными национальными языками. Вместе с тем, как это может ни показаться на первый взгляд парадоксальным, успехи в обучении русскому языку представителей национальных республик зависят во многом от разработки фонетики, грамматики, словообразования и лексики самого русского языка. Хотя достижения советского языкознания в изучении разных уровней структуры русского языка находятся вне сомнения, это вовсе не означает, что такое изучение создает достаточную научную базу для преподавания русского языка как неродного.

Известно, что в связи со все большим распространением русского языка за рубежом, увеличением числа иностранных граждан, приезжающих в Советский Союз для изучения русского языка или для получения высшего образования, получило интенсивное развитие исследование русского языка как иностранного. Такое исследование имеет существенную специфику по сравнению с изучением русского языка как родного. Построение научно обоснованной методики преподавания русского языка как иностранного требует осмысления таких явлений в структуре русского языка, которые не представляются существенными для носителя этого языка как родного, но очень важны для изучающего русский язык как иностранный.

Во многом похоже, хотя и не во всем тождественно, изучение русского языка как неродного, как средства межнационального общения народов нашей страны. Сходство такого изучения с изучением русского языка как иностранного в том, что оно ориентировано равно на восприятие этого языка посетителями иных родных языков, далеких или близких русскому. Различия же в этом изучении связаны со следующими обстоятельствами: 1) русский язык как средство общения в той или иной степени известен подавляющему большинству начинающих его изучение; 2) в национальных республиках есть определенная русская языковая среда; 3) длительное сосуществование русского и родных языков обучающихся определило взаимовлияние этих языков и их взаимное обогащение.

Однако существует специфика описания русского языка как неродного, а это значит, что необходимо создание нормативной грамматики русского языка для нерусских. Нормативная грамматика не должна учитывать специфики родных языков тех или иных народов СССР, а должна представить такое описание структуры русского языка на всех его уровнях, при котором должны быть четко разграничены явления — 1) характеризующие системные (парадигматические) отношения в фонологии, морфологии, словообразовании и синтаксисе; 2) определяющие реализацию системных отношений на синтагматической оси также на каждом уровне языковой структуры; 3) представляющие собой факты, отобранные в качестве нормативных, образцовых, из возможных реализаций системных отношений. Построенная подобным образом грамматика устанавливает иерархические отношения между очень различными явлениями на разных уровнях структуры русского языка и позволяет увидеть в ней два плана: 1) то, что определяет систему русского языка в фонологическом, грамматическом и словообразовательном планах; 2) то, что характеризует синтагматику единиц каждого уровня. За пределами этих двух планов остаются факты литературного русского произношения и норм письменной литературной речи. Они определяются лишь отбором нормативных и общепринятых явлений и отрицанием тех фактов, которые выходят за пределы нормы.

Нормативная грамматика создаст необходимую научную базу для написания грамматик русского языка применительно к отдельным языковым группам или к отдельным языкам с учетом их специфики в сравнительно-сопостави-

тельном отношении к русскому языку. Установление характера внутрисистемных отношений и особенностей их реализации в русском языке, с одной стороны (что может быть определено в нормативной грамматике), и сопоставление с подобными отношениями в той или иной группе языков или в определенном национальном языке — с другой, дает возможность создать грамматики русского языка, опирающиеся на родной язык обучающихся, но на единой научной основе — на определенном представлении о характере системы и ее реализации в современном состоянии русского языка.

Создание нормативной грамматики русского языка для нерусских — задача и дело ученых-лингвистов, специалистов в области современной русистики. Написание же грамматик русского языка применительно к отдельным языковым группам или к отдельным языкам может быть осуществлено лишь объединенными усилиями русистов, специалистов по различным языкам народов СССР, а также методистов и преподавателей. Как представляется, создание таких грамматик на общей основе поможет, во-первых, обеспечить их достаточно высокий научный уровень, а во-вторых, добиться большего единства в построении таких грамматик применительно к разным языкам, а тем самым — большего единства в определении объема и характера знаний в области русского языка учащихся различных национальных школ.

Вместе с тем развитие изучения русского языка как средства межнационального общения связано и с расширением исследований проблем его общественной значимости в разных национальных республиках, условий функционирования русского языка на разных территориях нашей страны, сфер его распространения и использования как средства межнационального общения. Этот социологический аспект имеет очень важное значение, так как он дает возможность определить пути развития русского языка в национальных республиках, те пути, на которых можно добиваться усиления роли русского языка в межнациональном общении.

Социологическим проблемам в изучении роли русского языка в национальных республиках посвящена законченная и подготовленная к изданию Институтом русского языка АН СССР книга «Русский язык как средство межнационального общения». В этой книге, кроме освещения ряда общих вопросов билингвизма в СССР, даны очерки,

раскрывающие характер функционирования русского языка на Украине, в Белоруссии, Литве, Латвии, Узбекистане и Азербайджане. В настоящее время начинается работа над второй книгой, в которой найдут свое отражение проблемы функционирования русского языка в других национальных республиках СССР.

Кроме того, надо иметь в виду, что вопрос о русском языке как средстве межнационального общения имеет еще один важный и малоизученный аспект. Речь идет о том, чтобы нерусские носители русского языка не только использовали его как средство общения, а владели литературными нормами. Иначе говоря, возникает вопрос о культуре русской речи в условиях билингвизма.

Что представляет собой русский литературный язык в плане устойчивости его устных и письменных норм в речи билингвов — носителей разных родных языков? Какова вариативность этих норм и насколько она может быть признана возможной в пределах литературного образца? В чем различия литературного русского языка в речи билингвов? Можно ли считать, что в национальных республиках функционируют местные варианты литературного русского языка, и если они есть, как оценивать их отношение к литературному языку, в идеале выступающему в речи русских? Все эти и подобные им вопросы требуют пристального внимания лингвистов и серьезного их изучения. Разработка этих вопросов еще только начинается.

Роль русского языка как средства межнационального общения в наше время усиливается и приобретает общегосударственное значение. Не случайно в последние годы русскому языку уделяют большое внимание партийные и советские органы национальных республик и областей. Проходят конференции и совещания преподавателей русского языка в национальных школах и вузах, ведется большая работа по усовершенствованию изучения и преподавания русского языка в национальных республиках в Академии педагогических наук СССР и в министерствах просвещения и высшего и среднего специального образования СССР. Свое слово во всех этих вопросах должны сказать и ученые-лингвисты. Помощь в разработке научных проблем билингвизма в нашей стране должна стать повседневной заботой лингвистических учреждений как АН СССР, так и академий национальных республик.

Доктор филологических наук
В. В. ИВАНОВ

Русское литературное
произношение

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ СЛОВ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В русском литературном языке, как и в других литературных языках, в особенности имеющих длительную историю, немало слов иноязычного происхождения. Многие из них относятся к области науки, техники, искусства, политической и общественной жизни. Такие слова нередко называют «иностранными», что, конечно, неточно, так как эти слова органически входят в состав лексики современного русского литературного языка и являются иностранными только по своему происхождению. Большая часть их ничем не отличается по произношению от слов исконно русских, однако некоторые из них имеют особенности, несвойственные последним.

В словах иноязычного происхождения нередко представлено сочетание *дж*, которому в других языках соответствует фонема <ž> — звонкая шипящая аффриката (<ž> — это фонема <ч>, но произносимая с голосом). Такой звук в исконно русских словах может появиться лишь перед звонкой согласной как вариант фонемы <ч>: дó[ž'-бы]лá (дочь была), [дóž'-з']и́ны (дочь Зины), у[ž-г']из (Учгиз). Сочетание *дж* в русском языке обычно не сливается в одну артикуляцию аффрикаты <ž>, а произносится, как то же сочетание в исконно русских словах на стыке приставки и корня (или на стыке предлога и следующего слова), то есть как [žж] (в разговорной речи): по[žж]идáл, о[žж]ил, о[ž-ж]енý (поджидáл, óтжил, от женý). Так же произносятся слова иноязычного происхождения, имеющие сочетание *дж*, — с двумя фонемами <д> и <ж> и с позиционным изменением первой в [ž] перед звонкой шипящей согласной: [žж]ем,

[ж]э́мпер, [ж]ут, [ж]иги́т, арпе́[ж]ио, [ж]ин, ло́[ж]ня (джем, дже́мпер, джут, джиги́т, орпе́джио, джин, ло́джня).

В русском языке нет и фонемы <дз>. В редких случаях [z] произносится в качестве варианта фонемы <ц> перед звонкой согласной: оте́[z-бы]л (отец был), оте́[z-з']и́ны (отец Зины), по[z-з']е́ркалом (под зеркалом), на[z-з']и́ратель (надзиратель), [zзот] (дзот — дерево-земляная огневая точка). Так же произносятся звукоподражательные *дзинь*, *дзекать*: [z'ин'], [z'э]кать. Все эти случаи имеют в начале две согласные фонемы: <д> и вслед за нею <з> или <з'>.

В отдельных словах иноязычного происхождения произносится придыхательный, точнее фарингальный звук [h] (это звук, близкий к тому, который украинцы произносят на месте *g*). Таково *га́битус* — [há]битус, или слово *бюстга́лтер*, в котором возможно произношение [h] наряду с [г].

Аканье (произношение на месте ударных <о> и <а> в безударных слогах одного гласного: [а] в 1-м предударном слоге и [ъ] в других безударных) является живой действующей закономерностью современного русского литературного языка. В соответствии с ним и в словах иноязычного происхождения в 1-м предударном слоге произносится [а]: [ка]стю́м, [ка]мпрéсс, [ра]я́ль, [ка]рре́ктно, [пра]грéсс, [ра]та́тор, [са]на́та и т.д. Во 2-м предударном слоге на месте <о> и <а> также согласно общему правилу произносится [ъ]: [мъ]нъя́льи́ст, [нъ]мина́льный, [пръ]фессу́ра, [бъ]лири́на, [къ]рдина́л и т.д.

Однако в единичных словах, по существу уже отживших для современного русского языка, в 1-м предударном слоге <о> сохраняется в произношении: [боа́], [бо]мо́нд, [бонмо́], [бонтóн]. Можно указать на <о> и во 2-м предударном слоге: [бон]вива́н. Это слова, по своему значению относящиеся к дореволюционному прошлому. В некоторых других иноязычных по происхождению словах [о] произносится в высоком стиле (в лекции, в выступлении с кафедры, перед микрофоном, при объявлении названия исполняемого произведения и т.д.). В разговорной речи может произноситься по общему правилу [а] (что, на мой взгляд, менее предпочтительно): [о]а́зис, [шо]ссé, [фо]е́, [по]э́ма, [по]э́зия, [со]не́т, [но]вёлла, [но]кту́ри, [мо]де́ри, [ао]ртальный, [о]те́ль, [фо]рпóст, [фо]не́ма, [мо]де́ль. Для 2-го предударного слога отметим: [бо]леро́, [мо]дерато́, [ко]нсомé, [по]эти́ческий, [по]эте́сса и др. В обычной разговорной речи в этих словах, в особенности наиболее частотных и повседневных по своему употреблению, мы слышим [а] в 1-м предударном слоге и [ъ] во 2-м: [ша]ссé, [фа]жé, [па]э́ма, [ма]де́ль, [пъ]и́ти́ческий и т.д. И такое произношение нельзя считать неправильным.

Напротив, неправильным следует считать увлечение «иностранным» произношением в словах обиходных, часто употребляемых. Поэтому не следует произносить: [кo]нкрѣтно, [кo]нцѣрт, [рo]яль, [бo]къл, [кo]стѣом, [про]грѣсс, [кo]ррѣктно и т.д. Следует произносить: [кa]нкрѣтно, [кa]нцѣрт, [рa]яль, [бa]къл, [кa]стѣом, [пpa]грѣсс, [кa]ррѣктно и т.д.

В заключение отметим, что в несклоняемых словах иноязычного происхождения конечное <o>, в особенности после гласных, сохраняется в произношении: какá[o], ráди[o], адáжи[o], арпѣджи[o], сольфѣджи[o], трѣ[o], капрѣччи[o], импресáри[o], инфóли[o]; гласный <o> может сохраняться в отдельных словах также и после согласных: ариóз[o], вѣт[o], крѣд[o], ѝндиг[o].

О произношении твердых согласных перед <e>, которое часто наблюдается в словах иноязычного происхождения, — тема особая, так как эта черта в настоящее время является актуальной: положение перед <e> стало позицией, в которой твердые и мягкие согласные различаются: [тѣ]сты и [т'ѣ]сто, нóта [рѣ] и [р'ѣ]нта, ка[фѣ] и [ф'ѣ]ска.

Р. И. АВАНЕСОВ,
член-корреспондент АН СССР,
профессор Московского университета

ТРЕЙЛЕР или ТРАЙЛЕР? Или все-таки ПРИЦЕП?

Как малоизвестный термин слово *трейлер* появилось в русской транспортной литературе не ранее 30-х годов (см. статью А. В. Барандсева «Трайлер или трейлер». — «Русская речь», 1971, № 5). Оно зарегистрировано в Толковом словаре Д. Н. Ушакова (1940) с пометой «техническое»; ср. также «Краткий словарь иностранных слов» (изд. 4-е. М., 1974): «Трейлер (англ. trailer <trail 'тащить') — автомобиль-тягач с платформой для перевозки особо тяжелых и громоздких грузов». Заметим, что в значении особой товарной платформы без бортов оно известно также профессиональной речи русских железнодорожников с прошлого века.

В середине 60-х годов произошло как бы второе заимствование этого слова из английского языка в значении «автомобильный прицеп для туризма» (этот факт пропущен словарем-справочником «Новые слова и значения». По материалам прессы и литературы 60-х годов. Под редакцией Н. З. Котеловой и Ю. С. Соколина. М., 1971):

«Туристский автоприцеп? Что это такое и для чего он нужен?.. Существует множество типов „трейлеров“ — домов на колесах, от маленьких относительно легких, до громадных комфортабельных фургонов с несколькими комнатами, кухней и уборной. За рубежом появились даже роскошные самодвижущиеся дома на базе автобуса. Мы же решили сделать простой, универсальный, массовый прицеп, в котором в равной степени сочетались бы качества удобной, емкой повозки для снаряжения и туристской палатки... О подобном типе прицепа мечтают многие тысячи автолюбителей...» (А. Овчинников. Дом на буксире.— «Неделя», 1967, № 48).

Возникшее воспоминание о раннем заимствовании вывело его из узкой профессиональной речи. Слово стало применяться как полный синоним русского слова *прицеп*, *автоприцеп* — в соответствии с многозначностью своего английского прототипа: *trailer* — это все, что тащится, буксируется (в частности, грузовая тележка, прицепляемая к трактору; второй, немоторный вагон трамвая; любого вида и типа прицеп к автомобилю; и т. д.). Нынешней популяризации слова, несомненно, способствовала его экспрессия зарубежной новизны в глазах неумудренных журналистов:

«Я встретил его на площадке при въезде в Гринфилд-виллидж, где ровными рядами стояли сотни четыре „трейлеров“ — обтекаемых дюралевых домиков на колесах, которые прицепляют к легковым машинам» («Известия», 14 ноября 1966); «Над дорогой висел сплошной вой и грохот грузовиков, самосвалов, „волг“ и бензовозов, „запорожцев“ и трейлеров, вырвавшихся, наконец, из городских теснин» («Правда», 31 мая 1968); «Возьмите транспортную платформу: у нас не было двухэтажных железнодорожных платформ и трейлеров — сейчас есть!» («Литературная газета», 18 июля 1973; *трейлер* здесь — шоссе́нный автомобилевоз).

Примеры показывают быстрое освоение слова (оно уже, скажем, не пуждается в кавычках, в которые его извинительно брали вначале) и... утрату им специфично-туристского значения, ясного в текстах 1966—1967 годов и оправдывавшего самый факт заимствования. А ведь оно тесно связано с характерным для США массовым развитием «кемпинга» — своеобразного туризма и проживания в лагере, с широким использованием под жилье автомобилей, автоприцепов и дач-вагончиков, что, между прочим,

породило особо оборудованные пристанища и гостиницы, известные теперь и у нас как *кемпинги* и *мотели*.

Вышедший в 1954 году американский словарь Вебстера (Webster's New Twentieth Century Dictionary of the English Language) воспринимал жилой трейлер как модную новинку, иллюстрировал ее рисунком, сообщал такие подробности, что в трейлерах живут студенты с семьями, любящие смену мест отпуски и им удобные, что жители колонии трейлеров часто образуют временную общину — «лагерь трейлеров» (trailer camp), и так толковал самое значение: «в США: прицепной вагон (a trail car), дорожный экипаж или автомобиль, приспособленный внутри для ведения домашнего хозяйства и вмещающий обычно миниатюрную кухню, ванную и спальню» (перевод мой. — В. К.)

Словарь верно предугадал жизненность явления в американской жизни и устойчивость нового значения слова, которое теперь последовательно обособляют американские (но не британские!) словари в смысловой структуре trailer, противопоставляя его даже родственному значению автоприцепа вообще: «закрытый экипаж, предназначенный для буксировки автомобилем и оборудованный под жилье, обычно с одной или несколькими кроватями, устройством для приготовления пищи и т. д.» (Webster's New World Dictionary of the American Language, 1964); «меблированный фургон, перемещаемый грузовым или легковым автомобилем и используемый на стоянке как жилой дом или служебное помещение» (The American Heritage Dictionary of the English Language, 1973).

В последнем толковании специфичный смысл отчасти совмещен со словоупотреблением общего смысла: значение туристского автоприцепа — с названием передвижного дома-вагончика, бытовки на колесах (в русской аналогии). Вообще же американско-английская речь стремится, напротив, закрепить и сузить специфичное значение, вывести из него именование самоходной дачи и даже большого прицепа, буксируемого тягачом, дав им другие названия — *camper*, *caravan* и прочее. Ср. в русском тексте: «Там, где некогда скрипели колеса „шхун прерий“, теперь гудят моторы кемперов (домов-грузовиков), трейлеров (прицепов-дач) ...» («Турист», 1973, № 9).

Следуя образцу языка, из которого заимствовано слово *трейлер*, нам, русским, следовало бы употреблять его только тогда, когда речь идет об американской действительности, — как, скажем, мы употребляем слова *прерии* и *ковбой*, если говорим о степях, пастухах или чабанах в Северной Америке. В крайнем случае, учитывая многозначность слова *прицеп* и тяжеловесность сочетания *туристский автоприцеп*, позволительно сохранить более

общее, но специализированное его употребление в смысле передвижного туристского жилья, в котором оно к нам и пришло. [Впрочем, есть и другие возможности обозначения вполне в духе языка: «Интерес посетителей вызвал автоприцеп-дача „Скиф“, рассчитанный на буксировку любым автомобилем» («Известия», 2 апреля 1973), ср. *прицеп-палатка*, *турприцеп* и т. д.] Расширительное применение слова *трейлер* как полного синонима русского слова *прицеп* во всех значениях семантически неоправданно и стилистически претенциозно.

Слово *трейлер* в русском языке встречается и в форме *трайлер*: «Автомобиль МАЗ-501 занял своим трайлером значительную часть проезда... Поперек платформы трайлера лежал трубоукладчик» («За безопасность движения», 1967, № 6); «По этой оживленной магистрали проходят тысячи автомашин:... малогабаритные „Запорожцы“, гиганты-трайлеры, „Волги“ с шашечками на дверцах» («Вечерняя Москва», 20 января 1973).

Английские дифтонги передаются по-русски весьма непоследовательно (их написание и произношение непоследовательно и в родном языке). Традиция предписывает ориентацию на письмо (*tramway* — трамвай), а нынешняя живая тенденция — на звучание (*highway* — хайвей — шоссе в США; *speed-way* — спидвей — вид автотогонки), что естественно порождает колебания: *нейлон* и *найлон* (об этом см.: А. А. Брагина. Неологизмы в русском языке. М., 1973), *Риган*, *Рейган* и *Райган*, *Клиберн* и *Клайберн* (см. заметку Н. А. Еськовой. — «Вопросы культуры речи». Вып. 4. М., 1963) и т. д. Аналогично колеблются и заимствования из немецкого языка: *рейх* и *райх*, *Цейтунг* и *Цайтунг*, *Мейер* и *Майер* (см. заметку Н. А. Князевой. — «Русская речь», 1969, № 1). При неизменном сохранении привычных *Марк Твен*, *Драйзер* и *Стейнбек*, *Гейне*, *Рейн* и *Лейпциг* и т. д. в целом дело идет к торжеству ориентации на фонетику, даже к «выправлению» некоторых старых заимствований, например *Кеймбридж* вместо *Кембридж* (ср. не связанные с дифтонгами *Виргиния*, *Голливуд*, замененные нашими газетами на *Вирджинию*, *Холливуд*).

Торжествующая сейчас тенденция, таким образом, может дать только *трейлер*. Форму *трайлер* следует, видимо, объяснить не столько осознанным желанием придерживаться уходящей традиции, сколько неосведомленностью в произношении английского слова или даже — в полном отвлечении от языка-источника — индивидуально-фантастическим представлением о правильности заграничного произношения, так называемой «гиперкоррекцией», заставляющей иных из нас говорить *доллár*, *рай-он*, *пионэр*...

В «Орфографическом словаре русского языка» (см., например, 11-е издание. М., «Советская энциклопедия», 1971, под ре-

дакцией С. Г. Бархударова, С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро) был дан сначала вариант *трайлер* с идущим из специально железнодорожной терминологии пояснением «тележка-платформа». Перерабатывая словарь к новому, 13-му изданию, составители справедливо предпочли форму *трейлер* без каких-либо оговорок (М., «Русский язык», 1974, под редакцией С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко и Л. И. Скворцова). Такое написание подтверждает употребление сложного слова *трейлеровоз*: «Повысить долю специализированного сухогрузного флота — лесовозов, контейнеровозов, лихтеровозов, трейлеровозов...» (Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы).

Итак, только *трейлер*, причем желательнее в значении туристского автоприцепа, характерного преимущественно для жизни в США. Более широкое применение этого заимствования составит как раз то, что В. И. Ленин называл злоупотреблением иностранными словами без надобности.

В. Г. КОСТОМАРОВ

НОВЫЙ СПОРТИВНЫЙ ТЕРМИН «ФОСБЕРИ-ФЛОП»

В современном русском языке, на страницах периодической печати, а также в устной речи появилось значительное количество иноязычных по происхождению слов. К числу таких неологизмов относится спортивный термин *фосбери-флоп*. Это слово еще не зафиксировано словарями русского языка.

«Фосбери-флоп» — один из способов прыжков в высоту. «Автор» его — американский легкоатлет Ричард Фосбери, удививший зрителей Олимпийских игр 1968 года в Мехико необычным прыжком: он брал высоту, пролетая планку спиной. Способ «фосбери-флоп» завоевал большую популярность среди спортсменов многих стран. Тогда впервые и появился в нашей печати в репортажах об Олимпийских играх новый спортивный термин в написании *фосбюри-флоп*. Вначале он сопровождался авторскими пояснениями, но затем в лексике спортсменов термин стал употребляться без дополнительных комментариев. Например: «Не правда ли, несколько необычный прыжок? Чемпион

страны В. Скворцов на стадионе в Олимпийской деревне отрабатывает новый для него стиль „фосбюри“» («Советский спорт», 13 октября 1968); «Перед вами „Фосбюри-флоп“» («Комсомольская правда», 3 ноября 1970).

Слово *фосбери-флоп* заимствовано русским языком из английского (*Fosbury-flop*), в котором оно также является неологизмом. По составу *фосбери-флоп* членится на два компонента: собственное имя Фосбери (*Fosbury*) и слово *флоп* (*flop*), исторически уходящее в древнеанглийский язык. Значение его восходит к подражанию звука, хлопка. Словарь Вебстера (3-е изд. Лондон, 1961) широко представляет многозначность этого звукоподражательного глагола — существительного. Основные значения его — «шлепнуться, бухнуться, удариться», то есть двигаться беспорядочно, грузно, неуклюже, шумно, с характерным звуком. Происхождение термина *фосбери-флоп*, очевидно, связано со словесным изображением звука падения (английское междометие *flop* — хлоп!, шлеп!), а не конкретно с каким-либо из значений существительного или глагола.

Ясно проявляющаяся в настоящее время тенденция к унификации научной, технической, спортивной и другой терминологии, обусловленная многообразием и усиливающимся развитием международных связей, облегчило проникновение английского слова в русскую речь. Конечно, рано еще говорить о его вхождении в словарный состав русского языка. Слово имеет разные варианты написания: *фосбери-флоп*, *фосбюри-флоп*; с прописной и строчной буквы; с дефисом и без дефиса и т. д. Вот примеры: «Перед вами „Фосбери-флоп“» («Комсомольская правда», 3 ноября 1970); «Рост популярности прыжка в высоту с разбега способом „фосбери-флоп“ несомненен» («Легкая атлетика», 1975, № 5); «Оба американца применяют стиль „фосбери-флоп“» («Говорит и показывает Москва», 1976, № 10); «Последние два-три года идет спор между специалистами „фосбюри-флопа“ и перекидного стиля» («Советский спорт», 16 февраля 1974); «Вспомните, предвидел ли кто-нибудь „фосбюри-флоп“ в 1967 году?» («Советский спорт», 22 февраля 1974); «Мне известно, что время от времени поговаривают о некоторой трансформации „фосбюри-флопа“» («Советский спорт», 22 февраля 1974).

Слово явно тяготеет к дефисному написанию. Примеров написания без дефиса очень мало: «Способом „Фосбюри флоп“ теперь прыгают в высоту многие» («Комсомольская правда», 7 сентября 1971).

В предложении слово выступает лишь как неизменяемое определение — приложение, реже — как дополнение: «В прошлом году победитель имел результат 180 см, а сейчас двое остальных

призеров имеют 185 см. Эти ребята прыгали ставшим сейчас популярным способом „фосбюри-флоп“ («Ленинградский университет», 10 ноября 1970); «На тренировках я всеми способами прыгаю. „Фосбюри-флоп“ мне просто лучше удастся» («Неделя», 1971, № 18); «Прыжок „фосбюри“ притягивает своим возможностями» («Комсомольская правда», 3 ноября 1970).

Фонетическая неосвоенность, разные варианты написания, синтаксическая ограниченность свидетельствуют о том, что слово *фосбери-флоп* находится в начальной стадии длительного процесса освоения его русским языком. Однако несмотря на недавность проникновения, заимствованное слово, входя в лексико-семантическую систему русского языка и вовлекаясь в его синтаксические и логические связи, приобретает свою собственную возможность соединяться с другими словами: стиль «фосбюри-флоп», стиль «фосбери», способ «фосбюри-флоп», прыжок «фосбюри». Очень часто термин употребляется в усеченной форме: «Приземляться после прыжка а-ля Фосбери приходится на спину, а это всегда чревато опасностью получить травму» («Легкая атлетика», 1969, № 1); «Убежден, что лишь отдельным спортсменам переход на стиль Фосбери принесет некоторое удовлетворение» («Легкая атлетика», 1969, № 1); «В исполнении рижанина Иманта Карлсона „фосбюри“ выглядит элегантно и привлекательно» («Советский спорт», 16 февраля 1974); «Нынешней зимой пока перевес на стороне тех, кто предпочитает „фосбюри“» («Советский спорт», 16 февраля 1974); «В отличие от прошлого года Имант демонстрирует более сформировавшуюся технику „флопа“» («Легкая атлетика», 1975, № 6); «Интересно, что среди шести лучших атлетов года пять прыгают „флопом“» («Советский спорт», 23 января 1976). Конечно, способность этого заимствованного слова сочетаться с другими словами находится в стадии становления, и говорить об особенностях его стилистического употребления еще рано.

Появление слова *фосбери-флоп* на страницах газет знакомит с этим термином широкие круги любителей спорта и тем самым создает условия для закрепления его лексического значения. *Фосбери-флоп* выражает определенное понятие в специальной узкой области, характеризуется точностью и единством значения, отличается эмоциональной нейтральностью, то есть обладает признаками, характеризующими термин. Все это говорит о том, что, вероятно, слово займет со временем свое прочное место в спортивной терминологии русского языка.

Кандидат филологических наук
С. А. БЕЛЯЕВА
Владивосток

Речь юристов в ходе судебного следствия — особая сфера словоупотребления. Научный сотрудник Института русского языка АН СССР (Ленинград) Н. В. Соловьев использует в предлагаемой статье записи устной речи юристов, проведенные в ходе судебного следствия в районных судах г. Ленинграда.

РАЗГОВОРНО-ПРОСТОРЕЧНАЯ ЛЕКСИКА В РЕЧИ ЮРИСТОВ

В последние два десятилетия лингвисты большое внимание уделяют функционированию языка в различных сферах его употребления: на страницах газет и подмостках сцены, в официальных документах и в речи дикторов радио, на рекламных щитах и в технических описаниях. Наряду с различными функциональными разновидностями языка как устной, так и письменной речи внимание лингвистов привлекает и язык, бытующий в сфере судебно-правовых отношений, в частности язык законодательного стиля и ораторской судебной речи (см., например, статьи в журнале «Русская речь»: А. А. Ушаков. Язык советского закона, 1968, № 1; В. Д. Гольдинер. Искусство судебной речи, 1968, № 3). Однако вне поля зрения лингвистов осталась не менее интересная разновидность судебной речи — судебно-следственная речь, то есть речь юристов в ходе судебного следствия.

Интерес, вызываемый этой разновидностью судебной речи, объясняется тем, что условия реализации языка в судебном следствии характерны для разговорной речи, обычно наблюдаемой в обиходных сферах общения (устный вид, диалогический характер речи, непосредственный контакт общающихся), и для книжной, свойственной официальным сферам общения.

Обстоятельства общения в обиходно-бытовой среде обуславливают появление определенных языковых явлений, названных разговорными и характерных только для обиходно-разговорного типа речи. Среди лингвистов нет до сих пор единого мнения о том, какое из обстоятельств общения является главным, определяющим разговорность обиходной речи: неофициальность обстановки, непосредственный контакт или спонтанность (непроизвольность) речи.

Выяснению закономерностей появления разговорных черт в устной неофициальной речи и их обусловленности от названных обстоятельств, вероятно, может помочь сопоставление обиходно-

разговорной речи и судебно-следственной. Эти два типа речи различаются лишь по одному «параметру» (степень официальности обстановки) и совпадают в остальных (непосредственный контакт общающихся и спонтанный — произвольный — характер речевой деятельности). Сопоставление лингвистических особенностей (в частности лексических) судебно-следственной и обиходно-разговорной речи дает возможность выяснить целесообразность употребления в речи различных средств языка (официальных, нейтральных, разговорных) и тем самым способствует решению многих вопросов культуры устной речи.

Особый интерес вызывает стилистически сниженная лексика, присутствие которой в официальной речи юристов первоначально воспринимается как явление случайное или неожиданное. Однако употребление в речи разговорно-просторечных явлений имеет свои причины и одна из них — спонтанность речи.

Деятельность юристов, как, вероятно, и большинства представителей общества, проходит в основном в двух сферах: производственной и бытовой. В памяти людей содержится определенный запас слов, наиболее часто встречающихся при общении в данных сферах деятельности и, как правило, относящихся к различным стилистическим пластам. При произвольном речевом акте любое слово из этих стилистических пластов может быть реализовано в речи:

Имело ли место *приобретение* вами продуктов у подсудимой Г.?

В ваш план входило *посещение* парка?

Под стражей с какого времени находитесь?

Какой может быть контроль, если она *устраивала* вам как-то вещи?

Почему? с какой целью *болтались* в парке?

Если слова и обороты официально-делового или законодательного стиля (*приобретение, посещение, находиться под стражей*) воспринимаются как закономерное явление в системе речи судебного следствия, то слова нейтрального или сниженного пластов лексики (*устраивать, болтаться*) могут рассматриваться в качестве случайных. Между тем наблюдения за речью юристов дают основание утверждать, что разговорная лексика употребляется юристами и сознательно, порой вытесняя официально-деловые слова и обороты. Например:

Опыта междугородного обмена не имели? Никогда не *менялись* раньше?

К судебной ответственности не привлекались, не судились раньше?

Обладал ли он агрессивными чертами характера? Ну, был тихий, спокойный или, наоборот, грубый, невыдержанный?

Руки у него были свободны? *без кичево?*

Дайте показания, *расскажите*, как у вас складывались отношения?

Стремление юристов сделать свою речь доступной, легко понимаемой и предельно конкретной проявляется в замене официальных оборотов, обладающих более общим значением (*иметь опыт обмена; привлекаться к судебной ответственности; обладать чертами характера; быть свободными; давать показания*), на обороты, которые относятся к конкретной ситуации. Следует также отметить, что вопросы следователя, как правило, сначала «заданы» стилем протокола, ориентированы на него для облегчения письменной фиксации текста секретарем.

При диалоге важна доступность и быстрота усвоения сказанного собеседником. Известно высказывание Л. В. Щербы о необязательности быстрого понимания содержания законов при их чтении, так как всегда есть возможность прочитать текст несколько раз. В процессе же устной речи любое слово, непривычное для собеседника, далеко не всегда знакомого с практикой юридического дела, может нарушить взаимопонимание или затруднить восприятие сказанного одним из участников диалога. Стремясь избежать этого, юристы употребляют слова, обычно бытующие в непринужденной сфере отношений, переходя с официально-делового стиля речи на несколько сниженный (если оценивать его с точки зрения литературной письменной нормы).

Как вы смогли сделать такую вещь? Самое главное, *не за что?*

Он ни к кому *не привязывался?*

Сколько было при себе денег? На что рассчитывали *кормиться?*

Обращает на себя внимание общеизвестность тех слов и значений, которые мы могли бы отнести к разряду сниженных и которые тем не менее употребляются юристами в судебно-следственной речи. Так, сочетание *не за что* в обиходной речи передает значение «без явных, видимых причин». Так же общеизвестны значения слов *привязываться* — «надоедливо приставать», *кормиться* — «питаться», хотя они и фиксируются словарями литературного языка с указанием на сниженный характер их употребления.

Разговорная и просторечная лексика не только облегчает контакт в диалоге общающихся, но и, называя предметы, свой-

ства, явления или действия, вносит дополнительные значения, смысловые оттенки, которые способны уточнить в той или иной мере картину происшедших событий.

(Свидетель). Его жена часто *провоцирует скандалы*.

(Судья). Вы хотите сказать, что жена часто его *направляет* на соседей?

(Судья). Что лично вы сделали в отношении Медведева?

(Подсудимый). *Пнул* по ноге.

(Судья). В какой момент вы пнули его по ноге? Вы понимаете разницу между словом *пнул* и *ударил*?

В ходе следствия важно установить степень вины и преднамеренности действий подсудимого. Поэтому судьи скрупулезно подбирают синонимичную, на первый взгляд, лексику, обладающую, однако, существенным различием в оттенках значений. Выражение *провоцировать скандал* не передает степени вины подсудимого и свидетеля. Разговорное же *направлять* — «побудить кого-либо к враждебным действиям против кого-либо» точно определяет роль каждого из участников бытовой сцены, ставшей предметом судебного разбирательства. Точности добивается судья и во втором из упомянутых случаев: значение «толкнуть ногой», присущее глаголу *пнуть*, не устраивает ведущего следствие не потому, что слово *пнуть* относится к сниженной лексике, а потому, что в действительности имел место весьма ощутимый удар.

Задача судьи — не только установить истину, но и добиться осознания подсудимым своей вины. В этом заключается одна из воспитательных сторон советского суда. Разбираемые в судебном следствии действия, заслуживающие как одобрения, так и осуждения, вызывают определенную реакцию юристов. Судьи, адвокаты, прокурор — выразители общественного мнения и, высказывая свое отношение к тому или иному поступку или явлению, воздействуют тем самым на сознание подсудимого. Такая эмоционально-оценочная реакция вызывает появление в речи юристов различных эмоционально окрашенных слов, которые в системе стилистических норм литературного языка считаются сниженными, характерными только для обиходно-разговорных, неофициальных сфер общения.

Опять начинаете нам что-то *темнить!*

Вы говорите правду: или вы ударили, или он наскочил на вас сам. Вы начинаете *выкручиваться*.

Ну вот с места работы характеристика *приличная*, а с места жительства — плохая. Почему?

Употребляя разговорно-просторечную лексику: *темнить* — «лишать (говоримое) ясности», *выкручиваться* — «стараться уйти

от ответственности», *приличный* — «хороший, соответствующий определенным нормам», судья в наиболее доступной, понятной собеседнику форме не только называет то или иное действие или свойство, но и передает свое отношение к ним.

Итак, разговорно-просторечную лексику в системе официальной речи судебного следствия нельзя рассматривать как случайную или нарушающую стиль данной функциональной разновидности языка. Она полностью соответствует целям и задачам ведущего следствия: наиболее рациональным образом способствует выяснению обстоятельств дела и воздействует на подсудимого или свидетеля в нужном отношении. Разговорность многих явлений в речи юристов необходима и закономерна. Эти факты не только не противопоставлены в системе судебно-следственной речи явлениям официальным, но вместе с ними образуют естественное языковое единство. Употребление разговорно-просторечной лексики в системе официальной речи судебного следствия еще раз подтверждает тенденцию, о которой последнее время пишут лингвисты,— проникновение разговорной лексики во все стили речи.

Н. В. СОЛОВЬЕВ
Ленинград

Сильное красноречие Цицероново, великолепная Virгилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на русском языке. Тончайшие философские воображения и рассуждения, многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира, и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, на языке нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать долженствуем. Кто отчасу далее в нем углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море.

М. В. Ломоносов. Российская грамматика, 1755

ДВОЙНОЙ ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» Стародум, обращаясь к Милону, говорит: «*Мне очень приятно быть знакому с человеком ваших качеств*». По нормам литературного языка нашего времени, полагалось бы сказать: «*Мне очень приятно быть знакомым...*», то есть употребить прилагательное в творительном падеже. Во фразе Стародума два дательных падежа: местоимение *мне* и прилагательное *знакому*. Эта конструкция в исторической грамматике называется «двойным дательным» или «вторым дательным», так как в предложении имеются два слова в дательном падеже. Оба они управляются одним глаголом. Грамматические же функции их различны. Одно слово выполняет роль дополнения (оставаясь логическим субъектом), другое входит в сказуемое, включающее неопределенную форму глагола *быть* — *быти* (очень редко какой-либо другой глагол). Первый дательный (дополнение) чаще всего выражается личным местоимением (*мне, тебе, ему и т. п.*), второй — обычно краткое страдательное причастие, реже прилагательное, еще реже существительное. Вся синтаксическая конструкция имеет оттенок желательности, долженствования или необходимости обозначаемого явления. Встречаются и другие варианты двойного дательного. Так, очень распространен случай, когда пропущен первый дательный, но он подразумевается: «*Чтоб быть богату, как другие*» (Фонвизин. Недоросль).

Этот оборот в древнерусском языке был довольно широко распространен в различных литературных жанрах: «*Грехъ ради моихъ случи ми ся плененну быти варвары и сведену быти в Казань*» (История о Казанском царстве); «*Аще ли ключить ся кому отъ людьи убьену быти...*» (Лаврентьевская летопись); «*Луцезъ [лучше] бы потяту [убиту] неже полонену быти*» (Слово о полку Игореве).

В период старорусского языка (XV—XVII вв.) двойной дательный получает несколько большее распространение. Есть он

в «Домострое»: «...Достоить всякому христианину *готову быти* и добрыхъ делехъ»; часто встречается в «Повести о Горе-Злосчасти»: «*Быть тебе* отъ невесты *истравлену*, Еще *быть тебе* отъ тое жены *удавлену*»; и в других памятниках. В этот период второй дательный выражается преимущественно кратким страдательным причастием и связан почти всегда с неопределенной формой глагола *быти*.

В середине XV века отмечаются первые случаи замены второго дательного творительным падежом. На это было указано еще А. А. Потебней: «Соответственно этому и второй дательный, должно быть, начал заменяться творительным гораздо раньше XV в.: „ему [князю Ив. Андр. Можайск.] писаться господару нашему королю... во всякихъ грамотахъ *братомъ* младшымъ, 1448...”» (А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958, с. 492). Данное положение ученый высказал как предположение, а пример, приведенный им, относится к 1448 году. С XVI века процесс усиливается, употребление этого оборота приближается к нормам современного русского литературного языка: «И кого, государь, пожалуешь, после меня велишь *быти игуменом*» (Московская грамота, 1507).

В XVIII веке творительный падеж в этих конструкциях господствует, но двойной дательный еще держится. Он встречается у многих писателей того времени и в записках общественных деятелей: «... Чтоб не *быть ему повешену*» (Крылов. Почта духов); «Я пью и ем не для того только, чтоб *быть живу*» (Радищев); «Солдату надлежит *быть здорову, храбру, твердо...*» (Суворов). Двойной дательный изредка употребляется и писателями XIX века, особенно в речи действующих лиц. В пьесе «Трудовой хлеб» А. П. Островского один из персонажей говорит: «Чепурин, *быть тебе нынче битому*». Чаще в языке наших классиков первый дательный пропускается. В таком виде этот оборот употреблен Грибоедовым в «Горе от ума»: Софья. «Зачем же *быть*, скажу вам напрямик, Так *невоздержну* на язык? В презреньи к людям так *нескрыту*?»; у Гоголя в «Мертвых душах»: «Зачем же *быть* так *строгу* к другим?»; у А. Ф. Писемского в «Тысяче душ»: «Надеюсь, что позволите *быть знакому*?»; «Тысяча шансов *быть*, как говорится, *затерту* на службе»; «... Чем *быть выгнану* за взятки». У А. С. Пушкина в повести «Кирджали» эта конструкция приняла иной вид, личное местоимение (первый дательный) употреблено в винительном падеже — *его*: «Кирджали, привезенный в Яссы, представлен был наше, который присудил *его быти посажену* на кол».

Чем же объяснить наличие второго дательного в языке писателей XIX века? Надо полагать, что этот оборот употреблялся в

разговорной речи, и до наших дней живет пословица с двойным дательным: «Не до жиру — *быть бы живу*»; ср.: *быть битю*. Даже современный поэт А. Решетов нашел возможным употребить такую конструкцию в поэме 1960 года «Рассказ о сожженном голосе»: «Как не *быть ему* в свете *живу...*». Двойной дательный употреблен здесь с определенными стилистическими целями: поэт передает содержание песни исполняемой певцом из народа. Может быть, в данном случае сказались и псковские народные традиции (А. Решетов — уроженец Псковской области).

В древних языках, в том числе и древнерусском, было большее стремление к использованию согласования, а не управления. Видимо, в силу закона согласования в общеславянском языке развились двойные падежи, среди которых и двойной дательный. В дальнейшем в языке второй дательный заменяется творительным. Творительный падеж обладает большим количеством значений и свободнее, чем дательный, вступает в грамматические связи с различными глаголами, и весь оборот становится более ясным и точным.

В. П. ВОРОБЬЕВ,
доцент Саратовского
педагогического института

ПОКА, ПОКАМЕСТ

Союзы *пока* и *покамест* в современном русском языке — синонимы (*покамест* отмечен в толковых словарях в качестве устаревшего и просторечного). Как почти все производные союзы, они являются русскими по происхождению.

Покамест (точнее — *по ка места*) становится известным со второй половины XV века: «И язъ вамъ укажу, покаместа есми нахалъ» (Правая грамота, между 1462—1505 гг.); «Даль есми въ домъ Святаго Спаса... вотчинную пустошь со всемъ, покаместа плуг ходилъ» (Данная Саввы Сюзева... по списку XVI в.). Конструкции с *покаместа* в значении 'до каких пор', 'до каких мест' содержали сообщение добавочного, уточняющего характера и употреблялись обычно в юридических актах, передававших дословные записи допросов, следствий. Это были стандартные выражения деловой письменности: *покаместа есми нахалъ* и *покаместа плугъ и соха ходили* (вторая конструкция употреблялась более широко).

Наречное сочетание *по ка места* в пространственном значении, выступавшее в союзной функции, приобретало особый смысловый

оттенок — ограничительный: общее пространственное значение в главной части ограничивается пространственными пределами, на которые указано в придаточной.

Основным носителем значения предела, границы в подобных случаях было *покаместа*. Укрепление в слове *покаместа* этого «ограничительного» значения делало возможным его употребление во временном значении — для обозначения временного предела. Конкретное значение следования действий во времени создавалось соотношением видо-временных форм глаголов — сказуемых.

С XVI века (особенно со второй половины) широкое распространение получает временной союз *покамест*. И это не случайно, так как возможности этого союза для выражения пространственных отношений суживаются: к началу XVII века *покамест* вытесняется *куда*. Существование этих синонимических конструкций (с *покаместа* и *куда*) отмечается со второй половины XV века: «Купилъ есмь... деревню Оглоблинскую въ Верхнем Березовце с пустошми, куда соха ходила и коса и топорь, какъ было по старине» (Данная на села и деревни Суздальскому монастырю, не позднее XV в.). Союзное слово *куда* укрепилось в языке для связи частей сложного предложения и выражения пространственных отношений между ними.

Конструкции с *покамест* являлись по существу дополнительным сообщением к содержанию первого предложения и носили уточняющий характер: «А меды бы обарной и белой ставили нарком добрые покаместа они побудуть въ Юрьеве...» (Отчет о приезде шведского гонца..., 1576 г.); «А дале есми те села и съ животомъ святому Василью по его душе с братьею, покаместъ и святая обитель сия стоять» (Данная грамота 1253 г.; список XVI в.).

Между частями сочетания *по ка места* терялась связь и сочетание превращалось в слово: сохранившись как остаток ранее существовавшей системы склонения местоимения, *ка* выступает как элемент слова. Об этом свидетельствует и многообразие огласовки конца слова, отмеченное в памятниках: *покаместа*, *покаместъ*, *покаместь*, *покаместы*, *покаместо*, *покаместя* и др. Возможность появления этих «окончаний» объясняется влиянием многочисленных неизменяемых слов и главным образом временных наречий.

Союз *покамест*, в XVI веке отмечаемый только в деловой письменности, главным образом в уставных и данных грамотах, позднее проникает и в письменность дипломатическую, затем в другие жанры. В XVII веке союз *покамест* становится общеупотребительным.

Позднее, уже в XVI веке, на основе союза *покамест* возникает союз *пока*. В изменении *покамест* в *пока* проявляется общая за-

кономерность развития слов, утративших свою смысловую расчлененность (так называемая «семантическая конденсация»): слово как целое является носителем временного значения (существительное *место* в значении 'время' не вычленяется, сливаясь с *по* и *ка*). «Семантическая конденсация» делает возможным пропуск одной из частей, в данном случае слова *место*. Это объясняется рядом причин. Во-первых, за существительным *место* закрепляется только пространственное значение, во временном оно сохранилось лишь в говорах и в просторечии, да и то в сочетании со словами, обозначающими время: *через час место*; *с час место*. Во-вторых, на преобразование *покамест* в *пока* влияло и строение всей системы временных союзов, которые представляют в основном двусложные и — реже — односложные образования: *когда*, *коли*, *как*. Трехсложные союзы — *доколе*, *поколе*, *покуда*, *покамест* — оказались нежизнеспособными (они сохраняются в дальнейшем в диалектах или в просторечии и становятся устаревшими).

В XVI веке союзные позиции *пока* еще очень слабы. В обследованных памятниках этого времени отмечен лишь один случай его употребления (1576): «И поминати их пока монастырь Пречистыя стоять» (Архив П. М. Строева). Широкое распространение этот союз получает позднее — в XVII веке, особенно во второй половине. В первой половине XVIII века употребление союза *пока* становится уже нормой: в научной литературе («Воинский артикул», «Учреждение к бою», медицинские книги), газетно-публицистической («Ведомости»), повествовательной («Завещание отеческое» Посошкова, «Юности честное зерцало» и др.), переписке (Переписка Петра I), а также в поэзии (В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, А. Д. Кантемир). Союзы *пока* и *покамест* употребляются в двух значениях: 1) до тех пор как; до того как и 2) в течение того времени как.

Временной союз *покамест* (позднее *пока*) присоединял придаточную часть ко всему составу главной части, а не к какому-либо ее члену. Он был самостоятелен в выражении временных отношений в том смысле, что его временное значение не зависело от лексического значения определяемого слова. Временной союз *покамест*, образовавшийся на основе *по ка места* в пространственном значении, не имел соотносительного наречия. Наречия *покамест* и *пока* появляются уже на основе омонимичных союзов и имеют значение 'в то время как; между тем как'. Это отражается и в современной использовании наречий *покамест* и *пока*, употребляющихся только во временном значении — 'в течение некоторого времени'.

Обычно наречия отмечаются в конструкциях с прямой речью: «Скрой ево тогда, Въ кадушке той пока» (Интермедия XVIII в.).

Интересные случаи употребления этих наречий отмечены в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля: «Мне бы лишь пока пробиться»; «Ты побудь тут, а я покамест схожу по делу»; «Постой пока, погрей бока» — в значении «некоторое время; сейчас; до тех пор». Чаще в таких предложениях наречие *пока* (*покамест*) относится к глаголу повелительного наклонения: ведь повелительное наклонение предполагает речевую ситуацию обращения и призыва, при которой 3-е лицо исключено. Такое функционирование наречия позволяет предположить, что использование *покамест* как наречия возникло в разговорной речи для обозначения неопределенного временного отрезка (в отличие от существовавших в языке сочетаний наречного типа со значением временного предела: «с тех мест», «до тех мест», «от тех мест», «по си места»).

Позднее в разговорной речи происходит лексическое пополнение слова *пока*. В говорах оно употребляется в качестве вопросительного временного наречия в значении «как долго?», «до каких пор?»: «Пока ты дурить станешь?». В разговорной речи *пока* употребляется и как перасчлененное предложение в значении «до свидания»: видимо, из сочетания *Пока до свидания!* (в значении «а теперь, сейчас, до того времени, до свидания») появляется *Пока!*

В современном русском языке слово *пока* в значении «до свидания» широко употребительно (толковые словари отмечают его с пометой «просторечное»). Данные разговорной речи, художественной литературы свидетельствуют о том, что *пока!* (до свидания!) стало приметой разговорного стиля речи: «Было слышно, как гость надевал калоши и хвалил квартиру. Потом сказал: — Ну, пока.— Пока,— ответил Геннадий» (Панова. Времена года); «Но, не дождавшись третьего звонка, он, даже не протрившись хорошенько, Сказал ей равнодушное «пока». Легко вскочил на верхнюю ступеньку» (Симонов. Первая любовь).

Р. Д. ОГАНЕСОВА,
доцент Калининского университета

●

...величайшее умение писателя — это уметь вычеркивать. Кто умеет и кто в силах *свое* вычеркивать, тот далеко пойдет. Все великие писатели писали чрезвычайно сжато. А главное — не повторять уже сказанного или и без того всем понятного.

Ф. М. Достоевский
Письмо к А. В. Корвин-Круковской, 14 декабря 1864

Участники конференции

ХРОНИКА

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В НАЛЬЧИКЕ

С 11 по 13 мая 1976 года в Нальчике проходила Всероссийская научная конференция «Развитие двуязычия в процессе обучения в национальной школе РСФСР».

Организаторы конференции — Академия педагогических наук СССР, Министерство просвещения РСФСР, Научный Совет по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций» АН СССР, Министер-

ство просвещения Кабардино-Балкарской АССР.

В работе конференции приняли участие около 600 человек — представителей научно-исследовательских институтов, институтов усовершенствования учителей, вузов и школ.

Конференцию открыл Главный ученый секретарь Президиума Академии педагогических наук СССР член-корреспондент И. Ф. Протченко. В приветственном слове он отметил, что Всероссийская научная конференция проходит в период, когда весь советский народ приступил к претворению в жизнь исторических решений XXV съезда КПСС. Выдвинутые съездом задачи по дальнейшему развитию советской науки, подъему куль-

туры, совершенствованию системы народного образования и улучшению работы средней общеобразовательной школы четко определили основные перспективы деятельности ученых, учителей, работников народного образования на десятиую пятилетку.

В развитом социалистическом обществе между нациями и народностями Советского Союза сложились отношения равенства, добровольного сотрудничества и братской взаимопомощи. В этих условиях, подчеркивается в Программе КПСС, «национальные языки развиваются на основе равноправия и взаимного уважения».

От имени Президиума Верховного Совета и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР, участников конфе-

ренции поздравил и пожелал им успехов в работе заместитель Председателя Совета Министров республики Б. К. Ч а д а р о в.

С приветственным словом к участникам конференции обратился заместитель министра просвещения РСФСР Г. П. Веселов. Особое внимание он уделил изучению русского языка в национальных республиках. «Знание русского языка стало насущной потребностью всех граждан нашей страны. По данным последней переписи населения 13 млн. человек нерусской национальности назвали русский язык родным, 42 млн. человек — своим вторым родным языком. В новой пятилетке, — подчеркнул Г. П. Веселов, — необходимо сделать все учебники стабильными. Ученым (лингвистам, социологам, методистам) следует оказать действенную помощь учителям, методы обучения привести в соответствие с требованиями жизни».

О преподавании русского языка в школах Кабардино-Балкарии говорила в своем выступлении министр просвещения Кабардино-Балкарской АССР Р. А. Б а т ч а е в а. «В республике, — сказала она, — своя традиция. В большинстве школ русский язык преподается с 1-го класса. Десятилетняя практика показала, что этот метод оправдал себя».

Р. А. Батчаева

На пленарном заседании были заслушаны также доклады доктора филологических наук Ю. Д. Дешериева и члена-корреспондента АПН СССР И. Ф. Протченко «Национальные отношения в зрелом социалистическом обществе и развитие двуязычия в национальных школах», академика АПН СССР Н. М. Шанского «Русская лингводидактика и вопросы структурно-типологического анализа русского и национальных языков» и директора Научно-исследовательского института преподавания русского языка в национальной школе Р. К. Черникова «Основные проблемы формирования и развития двуязычия у учащихся национальных школ».

Во время конференции работали четыре секции: 1) социолингвистический аспект исследования национально-рус-

Н. М. Шанский

И. Ф. Протченко

ского двуязычия; 2) лингвистический аспект исследования национально-русского двуязычия; 3) методические проблемы обучения родному и русскому языкам в школе; 4) психолингвистический аспект исследования национально-русского двуязычия.

В центре внимания участников первой секции стояли методологические, теоретические и практические проблемы развития двуязычия: особый интерес вызвали совместные доклады «Развитие национально-русского двуязычия и школьное обучение второму языку» д. ф. н. А. Н. Баскакова и к. ф. н. В. Ю. Михальченко (Москва), «Значение теории билингвизма для методики преподавания родного и русского языков в национальной школе»

докторов филологических наук В. К. Журавлева и М. И. Исаева (Москва), доклады д. ф. н. Н. Б. Экбы (Москва), к. ф. н. Л. Л. Аюповой (Уфа), д. ф. н. Р. И. Гайдарова (Махачкала).

Существенное внимание было уделено и социально-лингвистическим вопросам, таким, как вопрос о принципах взаимодействия слов, их фонологической структуре, об орфоэпических нормах их произношения, об унификации норм их орфографирования в младописьменных языках, об ономастической лексике.

На второй секции рассматривались такие актуальные проблемы, как теория и техника сопоставительного лингвистического анализа, различные вопросы интерференции.

Третья секция была самой многочисленной, в ней участвовали представители из 11 национальных республик, сотрудники ведущих педагогических учреждений страны. Здесь обсуждались проблемы, связанные с формированием двуязычия у учащихся национальных школ: теория учебника и связь учебника с новейшими достижениями лингвистики (доклады С. А. Чеховой, О. Я. Прик, К. З. Чокаева), создание новых национально-русских словарей (доклад Р. И. Цаплиной), учет особенностей родного языка при обучении русскому (доклады Е. К. Кумыковой, К. Х.

Акимова и др.), использование ТСО (технических средств обучения) при обучении русскому языку нерусских (доклад В. А. Ивановой).

В центре внимания четвертой секции были психологические условия и методы развития раннего билингвизма. Много внимания было уделено развитию навыков самостоятельного анализа при обучении морфологии, синтаксису, расширению различных методов словарной работы (доклады Т. И. Петровой, Е. Ф. Тарасова, Д. А. Данилова, А. Р. Балаян).

Всего заслушано около 200 докладов. Обсуждения докладов проходили увлеченно, со знанием дела, участники конференции говорили о преподавании родных языков и о языке межнационального общения — русском языке.

На заключительном пленарном заседании приняты рекомендации, в которых определены основные направления в развитии билингвизма.

Конференция рекомендовала:

Министерствам просвещения АССР, областным и окружным отделам народного образования:

продолжить работу по улучшению преподавания родных и русского языков в национальной школе;

завершить в 10 пятилетке работу по созданию стабильных учебников по родным

и русскому языкам, разработать комплексы учебных и дидактических материалов к ним;

осуществить систематический контроль за правильным выбором учебных планов, программ, учебников;

создать в каждой национальной школе кабинет русского и родного языков, обеспечив его необходимыми дидактическими материалами.

Научно-исследовательскому институту национальных школ совместно с филологическими кафедрами педагогических институтов и университетов:

закончить в текущей пятилетке работу над созданием учебных комплексов к созданным учебникам, вести работу по усовершенствованию методов обучения, приведя их в соответствие с требованиями жизни и развития познавательной самостоятельности учащихся; завершить работу над созданием методик обучения русскому языку по трем языковым группам, продолжить работу по созданию методик обучения родным языкам в различных национальных школах в соответствии с новым содержанием образования.

Институту языкознания АН СССР, республиканским и областным институтам истории, языка и литературы, кафедрам университетов и пединститутов:

усилить внимание к разработке актуальных проблем

двуязычия и проблем развития и нормирования национальных языков; активизировать разработку теории научных, описательных и сопоставительных грамматик и создание нормативных грамматик, толковых двуязычных и школьных словарей, пособий по стилистике национальных языков и культуре речи.

Институту русского языка АН СССР:

ускорить разработку нормативной грамматики русского языка для нерусских — активизировать разработку принципов и теории сопоставительных и описательных грамматик, общих проблем культуры речи в условиях билингвизма.

Участники конференции считают плодотворным сотрудничество ученых — представителей педагогической, лингвистической, психологической наук и работников органов народного образования в ходе подготовки и проведения данной конференции. Целесообразно дальнейшее расширение их сотрудничества по разработке комплексных научных и практических вопросов, призванных содействовать повышению эффективности обучения русскому и родным языкам в национальных школах.

О. А. ХАМИЦАЕВА

КАК ИСТОРИЯ НАРОДА ОТРАЖАЕТСЯ В СЛОВЕ

П

роцесс исторического развития общества находит свое отражение и в языке. По отдельным словам,

особенно древнейшего происхождения, можно судить о развитии того или иного общественного явления. Так, современный глагол *стрелять* (древнее написание *стрѣлити*, *стрѣлѣти*), обозначающий 'производить выстрел из огнестрельного оружия', образован от основы имени существительного *стрѣл*-(а) 'тонкий заостренный с одного конца стержень, употребляемый для стрельбы из лука', суффикс *-и* образует основу глаголов от основ имен существительных: *стрѣла* — *стрѣлити* так же, как: *трѣба* — *трѣбити*, *снѣгъ* — *снѣжити*, *оснѣжити*, *крѣсть* — *крѣтити* и т. п. Таким образом, сначала появилась вещь — стрела, а глагол, обозначающий действие стремительного пуска, появился позже. По мнению чешского ученого В. Махека (см. *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha, 1968), слово *стрѣла* досталось древним славянам, германцам и прибалтийцам от народа, который жил в Европе до их поселения здесь. Это утверждение Махека правдоподобно, потому что слово *стрела* появилось раньше глагола, обозначающего метание стрелы. Первичное значение корня слова *strē-* или *strěl-* неизвестно, то есть мы не знаем, что означало слово *стрѣла*, пока оно не стало названием оружия. При этом *стрѣла* была оружием, так сказать, универсальным как на охоте, так и во время войны. Другие виды оружия — копьё, меч, сабля — возникли позже, в так называемую эпоху строя военной демократии, когда нападение на другие племена и народности становится основным средством добывания питания, одежды и т. п.

Вполне вероятно, что славяне в древности могли воспользоваться опытом других народов, заимствовав у них стрелу до появ-

ления другого оружия. Слово же *стрела* дало множество ответвлений в семантике, например: стрела, указывающая направление движения; стрела весов, и даже стрела экскаватора и т.п. Все эти стрелы напоминают настоящую стрелу только по форме. Уменьшительная форма *стрелка* в примерах: стрелка часов, компаса; лук пошел в стрелку; пошел гулять на стрелку (то есть на место, где впадение одной реки в другую образовало узкий мыс) и т.п., — обозначает совсем иные вещи, весьма отдаленно напоминающие стрелу, которой стреляют из лука. Есть и другие образования от слов *стрела* и *стрелять*: стрельба, стрельбище, стрелок, стрелочник, стрелковый, стреляный, выстрелить, выстрел, прострел, пострел и т.п.

В древности, когда писали: начала бити пушками и стрѣлами стрѣляти (Псковская летопись, запись под 1171 г.) — 'начали бить из пушек (метательного оружия) и пускать стрелы', то это значило, что из лука пускали стрелы по врагу; а в другом примере: не стрѣляти зайць (из рукописи XI в.) — выражен запрет убивать зайцев, пуская в них стрелы. Современное же: стрелять из винтовки, ружья, пистолета, миномета, — не означает 'пускать стрелы', а употребляется в значении 'стремительно силою взорвавшегося пороха в определенном направлении выбрасывать пули, гранаты и т.д.'. Слова остались, но, в связи с изменившимися условиями жизни, они приобрели новые значения. Очень важно поэтому для историка установление момента и причин, вызвавших эти изменения.

Приведем другой факт, интересный для изучения истории языка. Арабский путешественник Ибн-Якуб, побывавший в середине X века в Праге, сообщает, что за купленные товары расплачивались там кусками ткани. О том же сообщает и немецкий историк середины XII века И. Гельмольд, описавший жизнь и быт славян острова Ружана в устье реки Одер и по реке Фульда (см. об этом: Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956). Название ткани *платъ* явилось основой для образования *платити* 'дать взамен приобретенной вещи платъ', то есть кусок ткани. Глагол *платити* обозначал также 'поставить, пришить заплату'. Приведем примеры: Како оуоставили передние князи, тако платите дань (Новгородская I летопись, запись под 1229 г.); «как установлено прежними князьями, так же и вы платите дань»; «как съшиваше и платаше портища» (из рукописи списка XV в.) — «шил и чинил (буквально: ставил заплаты на) одежду».

Показательно, что славянское слово *платъ* в значении 'средства оплаты купленного товара' пришло и в германские языки в виде *palta*, *phalta*, *paltena* и т.д.

Уменьшительная форма от *платъ* — *платок* (из *платъкъ*) известна и употребительна и поныне преимущественно в значениях:

‘женская головная повязка’, ‘предмет одежды — кусок ткани’. Собирабельная форма от *платъ* в виде *платье* наряду со словом *порты* (из *пърты*) первоначально означала одежду, например: Чернецемъ... ни нѣмецкого платѣа носити, ни съ пухомъ шубъ носити (из рукописи списка XV в.) — «монахам заграничную одежду и шуб на пуховой подкладке носить воспрещается». Ныне *платье* имеет два значения: ‘одежда, носимая поверх белья’ и ‘женская цельная одежда, надеваемая поверх белья’ (см. С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1973).

Представляется возможным, что *плат* — по-русски должен иметь полногласную форму и звучать как *полот-*, так же как вместо *млат* — *молот*, вместо *врата* — *ворота*, вместо *град* — *город* и т.д. Действительно, русскому языку издавна известно слово *полотно*, древнее написание — *полотьно* ‘ткань’, ‘льняная ткань’. Однако от этого существительного глагол не образовался. Помимо этого данное существительное известно только с конечными *-но*, *-ьно*, соответствующая слову *платъ* форма *полотъ нигде не зафиксирована.

Происхождение слова *платъ* до сих пор не установлено. Указанная форма является всеславянской. В связи с этим не ясно, одного ли корня слова *платъ*, *платьно* и *полотьно*. Если одного праславянского корня **polt(ъ)*, как полагает ряд ученых, тогда оно по-русски должно звучать как *плотъ*, чего нет, а имеется только *полотьно*. По-польски от *poltъ получилось бы *plót*, чего тоже нет. Показательно и то, что в первых славянских переводах нет слова *платити*, вместо него употреблено *въздати*, хотя слово *платъ* в значении ‘полотняный’ там и встречается.

Таким образом, вопросы происхождения славянского слова *платъ* ожидают дальнейших исследований.

Однако связь слов *платъ* — *платити* является показателем того, как в процессе товарообмена один из видов товара — полотно стал первоначальным единым средством оплаты, или видом первоначальных денег.

Обратимся еще к одному факту.

Общеславянское слово *пшеница* (древнерусское написание *пъшеница*) является названием хлебного злака. Оно образовано от основы слова *пшено* < *пъш-ен-о* так же, как слово *сушеница* — ‘что-либо впрок засушенное’ или ‘название растения’ — *сушеница* болотная — образовано от причастия *сушено* < *суш-ен-о*; тем же способом слово *плетеница* ‘плетеная вещь’, в том числе и *плетеная корзина*, *плетеница волос* ‘коса’, произошло от *плетено*; например: кружево сплетено, лапти сплетены, а слово *точеница* ‘смола’, вытекшая из коры дерева и засохшая в виде комка, образовано от *точено* ‘источено’ и т.д. Говоря иначе, *пшено*, в древ-

нерусском написании *пъшено*, представляет собой форму страдательного причастия от глагола *пъхати* 'толкать'. Образовано это причастие так: *пъх-ен-о* > *пъшено* > *пшено* (в древнерусском языке согласный звук *х* перед гласными *е, и, ъ* переходил в *ш*, например: тихо — тишина, сухъ — сушеница, пухъ — пушькъ и т.п.). Древнерусские причастия могли употребляться и в роли существительного, например, прАдено — 'пряжа': *паучино прАдено* — 'паучья пряжа'; аще украдетъ... прАдено... да отлучитьсА, «если украдет. . . пряжу... пусть выгонят» (из монастыря); *веретено* от вѣртѣти и другие. Таким образом, *пъшено* буквально значило 'толченное или освобожденное от шелухи'. Ныне пшеном называют просяную крупу, которая получается после освобождения просяных зерен от шелухи, оболочки. В отдельных местах пшеном называют курузную крупу, рис.

Однако, как показывают данные говоров русского языка, в прошлом *пшеном* называли пшеницу, толченную или освобожденную от шелухи. Например: *пшеник* 'белый хлеб' (Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898); *пшанина* (из *пшенина*) — 'пшеничное тесто' (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III, изд. 1955). Суффикс *-ица* в слове *пшеница* так же, как и в приведенных выше примерах, придает слову значение предметности: *пшеница* — 'толченый предмет'; *сушеница* — 'сушеный предмет'; *плетеница* — 'плетеный предмет' и т.д. Современное *пшеница* является названием растения, этим словом могли обозначать хлебный злак, зерно которого было без шелухи, оболочки. Следует иметь в виду еще то, что зерна хлебных злаков стали молоть, а из муки выпекать хлебы, ковриги. В связи с этим название *пъшено, пшено* закрепилось в языке за толчеными зернами, иначе — разного рода крупами, преимущественно просяной.

Таким образом, слова *пъшено, пшеница* не были исторически названиями растений, по корню же они связаны с глаголом *пъх-(а-ти)* 'толкать'. *Пшеном* называли крупы. Можно предположить, что наши древнейшие предки в основном питались вареной крупой, кашей. Интересно, что слова *хлѣбъ* 'испеченный каравай' — 'большой крупный хлеб' и *ковригъ, коврига* (в первоначальном значении 'лепешка') — являются заимствованными: первое — из германских языков, а второе — из тюркских.

У русских каша всегда была почетной и необходимой едой. Почитание каши отразилось в поговорках и пословицах, например: «Без каши обед не в обед»; «Густая каша семьи не разгонит»; «Не наша еда орехи, наша — каша»; «Русского мужика без каши не накормишь»; «Щи да каша — кормильцы наши»; «Где щи да каша, там и место наше» и т.п. Кроме того, *устроить кашу* значило 'уст-

роить помочь'; *звать на кашу* — 'звать на крестины или к молодым на обед'; *заварить кашу* — 'быть виною суматохи или хлопотливого дела' и т.д.

Рассмотренный материал показывает, что лексика дает основание судить об исторических фактах или явлениях прошлого. Данные языка входят в число исторических документов, нередко даже в качестве единственно верных. Таково значение истории языка, особенно исторической лексикологии.

А. С. ЛЬВОВ

ЗАРЯ

В романе «Евгений Онегин», описывая патриархальный быт Лариных, А. С. Пушкин замечает:

...В день Троицын, когда народ
Зевая слушает молебен,
Умильно на пучок зари
Они роняли слезки три...

Нас интересуют три вопроса: 1) Что это за растение *заря*? 2) Как объяснить его название? 3) Почему букетик из цветов этого растения держали в руках в Троицын день?

В Путеводителе по Пушкину к слову *заря* дается комментарий: «душистое лесное растение». На самом деле, это растение, любисток лекарственный *Levisticum offic. L.*, разводили в садах. В русских говорах оно называлось *зарей*, а на Украине, в Белоруссии, в курских говорах русского языка и в Польше — носило название *любисток*. Так, Е. В. Барсов в словаре к своей книге «Причи-

танья Северного края» (М., 1872) приводит слово *заря* как олонецкое название травы, то же слово отмечает Г. Куликовский в «Словаре областного олонецкого наречия» (СПб., 1898). В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» (т. I, СПб., 1903) указывает, что *зоря (заря)* — *Ligusticum Levisticum* или *Levisticum offic.*, любиста, любисток, любим. Дикой *зарей* называются растения гулявица *Ptarmica vulgaris* и кудрявый дягиль *Angelica silvestris*.

Это многолетнее травянистое растение семейства зонтичных достигает высоты от полутора до двух метров; цветы расположены в виде зонтиков, мелкие, желтовато-зеленые. Корень растения используется в кулинарии и как лекарственное средство при многих внутренних заболеваниях (болезни желудка, печени, нарушения секреторной деятельности и пр.). Употребляется корень для ванн при труднозаживающих ранах и гнояниках. Растение *Levisticum offic.* входит во все фармакопеи и с XVI века упоминается в лечебниках.

М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» (т. II, М., 1967) не дает этимологии слова *заря* 'название растения', считая его темным.

Оригинальную этимологию слова *заря* предлагает В. И. Абаев. Он считает это слово заимствованным из северноиранского *zara* — 'зелье, трава'. Данная форма сохранилась лишь в осетинском *zaerae-ston* 'заросшее травой поле' (В. И. Абаев. Несколько замечаний к славянским этимологиям. — «Проблемы истории и диалектологии славянских языков». М., 1971). Целый ряд лекарственных растений и их названий проник в европейские языки из Персии: ср. русск. *дурман*, лат. *datura*.

Можно высказать и еще одну гипотезу: облик слова позволяет предположить его славянское происхождение и связать слово *заря* с глаголом *зреть* 'поспевать, становиться спелым'. Название растения, как правило, связано с его внешними признаками или употреблением. Стоит обратить внимание на то, что цветы *зари* невзрачны, поэтому связь слова с общеизвестным русским словом *заря* или украинским *зірка* 'звезда' не представляется возможной. В то же время это огромное по величине растение с массивным корневищем оказывает возбуждающее и анестезирующее воздействие. *Дикой зарей* называют один из видов дягиля, а дягиль тоже зонтичное, лекарственное и очень высокое растение. Слово *дягиль* связано с глаголом *дягнуць* 'расти, крепнуть'. От глагола *зреть* 'поспевать' мы имеем форму *зорить* 'оставлять фрукты или овощи на солнце до полного созревания', *збриться* 'созревать': «Хлеп *зориць* — хлеп пьспевает»; «Раньшы гьварили, рош-ть *зориць*, пьспіёт, значит» (А. Ф. Иванова. Словарь говоров Под-

московья. М., 1969). Образование имени *заря* от глагола *зорить* в формальном отношении вполне возможно и семантически кажется непротиворечивым. Сравните еще наречное выражение *заря зарей* «обильно», тоже, по-видимому, связанное с глаголом *зреть*.

Троицын день в начале XIX века праздновался по всей России. Это был праздник завивания венков, семейного каравая и народных игр. Рано утром дома украшали ветвями березы и цветами, пекли каравай, созывали гостей, плели венки из березовых ветвей и цветов для всех членов семьи. Затем отправлялись в рощу. На поляне стелили скатерть, на нее под пение троицких песен ставили каравай, украшенный венками. Затем начиналось угощение, игры, песни и хороводы. С венками на голове молодежь образовывала большой хоровод. Вечером отправлялись к реке, где венки бросали в воду. Если венок поплывет, это означало неизменное счастье, если утонет, смерть того, кому принадлежит венок, или суженого: «А уси вянки паверх вады, А мой патанул, А уси дружки с войны пришли, А майго дружка нет».

Если венок останавливался, то это означало, что девушка не выйдет замуж, а парень не женится. Старухи бросали букеты специальных троицких цветов в воду и по ним гадали о будущем для себя и родных. Троицкий венок, переданный девушкой молодому человеку, означал брачный обет. Остатки (сухари) от троицкого каравая запекались в свадебный каравай на счастье. Троицкая скатерть тайно клалась на смотринах, чтобы обеспечить благополучный исход сватовства.

Обряды имели и свои местные отличия. Так, в Орловской губернии делали два каравая: один для угощения, другой для рощи. В Енисейской губернии наряжали в женское платье березку и носили ее к реке, где вили венки. В Шенкурске в хороводе участвовали только девушки. В Тульской и Псковской губерниях старики и старухи после вечерни выходили на кладбище обметать троицкими цветами могилы родителей (Сказания русского народа, собранные Н. Сахаровым. Т. II. СПб., 1844).

Пушкин знал местные обряды. Об этом известно из сообщения этнографа и цензора И. М. Снегирева, который записал в своем дневнике 24 сентября 1826 года: «Был А. Пушкин, котор. привез мне как цензору свою пьесу *Онегин*, ч. II... сказывал мне, что здесь в некоторых местах обычай Троицкими цветами обметать гробы родителей, чтобы прочистить им глаза...» (Н. Л. Бродский. Евгений Онегин. Роман А. С. Пушкина. М., 1950).

Троицкие цветы были не случайно собранными, это повсеместно употребляемые мята и заря. Цветы эти хранились весь год и употреблялись как лекарственные.

Таким образом, под двумя пушкинскими строками следует понимать, что семья Лариных праздновала Троицын день со всей народной обрядностью, с завиванием венков, собиранием определенных цветов и поминанием умерших.

Использование *заря* в троицком празднике не случайно. Латинское название *Levisticum* через немецкое (нем. *Liebstockel*) посредством проникло в славянские языки и по созвучию стало ассоциироваться с глаголом *любить*. Сравните названия этого растения: польские *Lubczyk, Lubieszczyk, Lubist*, стар.-чешск. *Liubček, Libštěk, Libček*, сербскохорв. *Ljubčas, Ljubačas*, словен. *Ljubček*, укр. *любисток, любиста, любець*, русск. курск. *любим, любисток, любиста, любистра*, белор. *любiста*. Повсеместно это растение употреблялось как приворотное зелье (см. V. Machek. *Česká a slovenská jména rostlin*, Praha, 1954) и как средство, приносящее счастье. В украинской песне поется: «Чи ти мене, моя мати, в любцу не купала, що ти мені, моя мати, долі не вгадала». В этом случае мы наблюдаем, как этимология слова влияет на употребление реалии (в данном случае растения). Это явление магии слова широко встречается в народной медицине (например, колотье лечат острыми предметами, желтуху желтым и т. д.).

В описанном троицком обряде сложно переплетаются древние языческие славянские элементы и черты влияния греко-византийской культуры. Неделя перед Троицей, седьмая неделя после пасхи, носила название *семицкой*, в некоторых местах *греной*, а на Украине *клевальной недели*, в древней Руси она называлась *русальной неделей* от ср.-греч. *rusalia* «троица»; последнее в свою очередь из лат. *rosalia* «праздник роз» (М. Фасмер, т. III). Этот весенний праздник цветов отмечался у многих европейских народов (сравните, например, итал. *pascha rosata, pascha de fiore* и другие).

В то же время имеется следующее описание празднования Троицы в XVI веке: «В Троицкую субботу сходятся мужи и жены на жальникахъ и плачутся по гробомъ. Егда начнѣт играти скомоорохи, гудцы и прегудники, они же... начнут скакати и плясати...» (И. И. Срезневский. *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. I; т. III).

Итак, перед нами очень древний языческий обряд поклонения душам предков с целью обеспечения благополучия живущим, и в первую очередь, продолжения рода, моление об урожае и пр.

Поскольку этимологические отношения *заря* — *зреть* на определенном этапе должны были осознаваться, использование растения *заря* в языческом празднике весны, в молении о плодородии представляется вполне закономерным.

В. А. МЕРКУЛОВА

КАРУСЕЛЬ

о сих пор точно не известно, пришло ли слово *карусель* в русский язык из французского

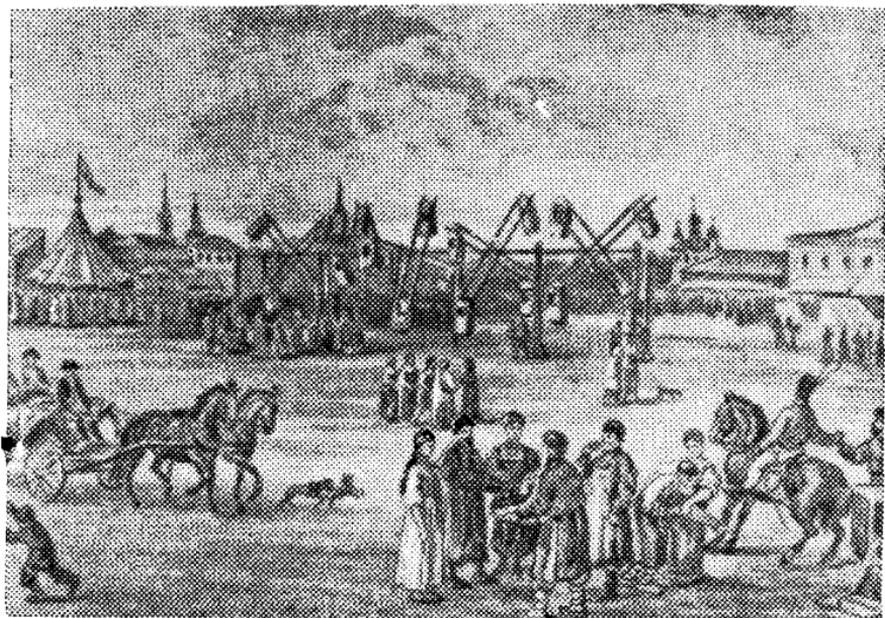
carrousel или из немецкого *Karussel*. Оба иностранных слова восходят к итальянскому *carosello*. Возможно, что слово было заимствовано одновременно из двух языков. В заметках Петра I мы встречаем запись: «О карасели водяном, о ботиках, что кругом вертятца» (Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, т. I. М., 1945). Современная форма слова установилась с 50-х годов XVIII века, а его род — в начале XX века. С середины XVIII века *карусель* употребляется в значениях «вид конной игры или состязания, идущий от рыцарских турниров, а также место для ее проведения», «сооружение для катания по кругу», «в фейерверках — огненное колесо». Все три значения развивались на русской почве по-разному.

Интересно описание первой карусели, данной в Санкт-Петербурге 18 июля 1766 года: «Участвовавшие в карусели были в костюмах разных народов и разделялись на четыре кадрили: славянскую, индийскую, римскую и турецкую... При кавалерах особые люди несли дротики, пики, значки; участвовавшие в турцирах выказывали свою ловкость, отрубая головы куклам, изображавшим мавров, и пронзая копытами тигров и кабанов, сделанных из картона... было 12 судей, записывающих число выигранных призов, сохранял ли рыцарь на лошади должное положение, с правой ли ноги лошадь начинала скачку, и не сбивалась ли с ноги» (М. И. Пыляев. Эпоха рыцарских каруселей и аллегорических маскарадов в России. 1885). Подобные пышные зрелища продолжались вплоть до начала XIX века. Последняя карусель на открытом воздухе была дана при Александре I в Москве. «Московские ведомости» 1811 года сообщали: «... На обширной равнине, против Александ-

ринского дворца и сада Нескучного... был выстроен огромный амфитеатр с галереями и ложами для пяти тысяч человек, в окружности до 350 саженей. В назначенные дни зрители почти из одних дворян, по билетам, наполняли амфитеатр; а кругом его стечение народа бывало до 30 000 человек».

Становилось, однако, все более ясно, что время столь дорогостоящих и столь мало демократических зрелищ проходит. В начале XIX века К. Н. Батюшков писал, по-своему понимая причину ухода со сцены рыцарских каруселей: «Карусель, который стоил стольких издержек, родился от скуки. Одним словом, здесь скуку можно назвать великой пружиной: она поясняет много странных обстоятельств. Для жителей московских необходимо нужны новые гулянья, новые праздники, новые зрелища и новые лица» (К. Н. Батюшков. Прогулка по Москве. Очерки московской жизни. М., 1962). (Заметим, что в 1811 году *карусель* в этом значении мужского рода). Можно сказать, что в XIX веке первое значение слова *карусель* все более устаревает, становится историзмом. Во втором издании «Словаря живого великорусского языка» В. И. Даля говорилось: «Воинская конная игра, представление, в подражание рыцарским турнирам». Как видно, на первое место выходит новое военное значение, которое как историзм дается словарями и в наши дни.

Второе значение слова *карусель* «сооружение для катания по кругу» оказалось гораздо более живучим, ведь *карусель* стало обозначать развлечение гораздо более демократичное, чем придворные состязания. В 1763 году «Московские ведомости» писали: «... сделать карусели, качели и прочие увеселительные игры». Мы не имеем свидетельств употребления слова в этом значении вплоть до середины XIX века. Можно, однако, предположить, что это развлечение еще не стало подлинно народным. Пушкин, например, ни разу не употребляет этого слова, а ведь мы справедливо его считаем энциклопедистом своего времени. В 40-х годах XIX века *карусель* получает большое распространение. И. В. Давыдов в очерке «Москва. Пятидесятые и шестидесятые годы XIX столетия» (сб. «Ушедшая Москва») писал: «Гулянье „под Новинским” состояло из неизбежных каруселей, вращающихся качелей, лавок со сладями и балаганов...». Как видно, карусели стали просто неизбежными спутниками народных гуляний. С этого времени *карусель* встречается довольно часто в очерках бытописателей XIX века. «Вертелись карусели с сиденьями в виде лодок, небольшими колясочками или деревянными конями, на которых гордо верхами восседали подростки с железными палочками в руках; этими палочками они вынимали на ходу кольца, вставленные в особый прибор. Известное количество колец, поддетых на палочку,

Гулянье на Повинском поле в XVIII веке

давало право ездеку еще раз прокатиться бесплатно» — писал И. А. Белоусов в сборнике «Ушедшая Москва», описывая народные гулянья под Девичьим, которые он посещал подростком примерно в 1875 году. Однако, ни один словарь XIX века, в том числе и известный словарь В. И. Даля, не отмечал это, судя по приведенным выдержкам, уже прочно установившееся значение слова *карусель*. Лишь в 1901 году Н. Дубровский в «Полном Толковом словаре всех общеупотребительных иностранных слов, вошедших в русский язык с указанием их корней» (М., 1901) выделил его, да и то в качестве второстепенного: «Карусель» — 1) Воинская, конная игра. 2) Народная забава — движущийся вокруг своей оси круг с деревянными лошадками и скамейками».

Поскольку в немецком языке русскому второму значению соответствует по смыслу сходное *Karussel*, можно предположить, что это новое значение развилось под влиянием немецкого слова (во французском языке *carrousel* никогда не означало сооружения для катания по кругу. Это понятие выражается словами *manège*, *chevaux de bois*). Таким образом, если точно неизвестно, из какого языка пришло слово *карусель* в русский язык, то можно с достаточной вероятностью предположить, что первое, теперь устаревшее

значение слова 'воинская, конная игра' развилось на русской почве под влиянием франц. *carrousel*, а второе 'народная забава' под влиянием немецкого *Karussell*.

Что касается третьего значения слова 'в фейерверках — огненное колесо', то оно продержалось в русском языке недолго. Уже в 1772 году при описании одного из фейерверков «Московские ведомости» № 85 употребляют слово *карусель*: «... причем зажжены и разные огнемечущие колеса, представлявшие наиприятнейшее зрелище». В XIX веке ни один толковый словарь не регистрирует этого значения.

Существует и четвертое значение слова, появившееся уже в XX веке. В 1935 году «Толковый словарь русского языка» под редакцией профессора Д. Н. Ушакова указал прилагательное, производное от *карусель*, в сочетании с существительным: *карусельный станок*, обозначающий разновидность токарного станка. Поскольку в этом же словаре давалось производное *карусельщик* (спец.) — 'рабочий, работающий на карусельном станке', можно предположить, что уже тогда слово *карусель* в разговорной речи могло обозначать 'карусельный станок', значение, подтверждаемое в 1956 году «Словарем современного русского литературного языка» (т. 5).

Такова эволюция значений слова *карусель*, которое, начав с обозначения придворной забавы, стало именовать одно из доступнейших и любимейших развлечений для детей, а также разновидность токарного станка.

В. Л. МУРАВЬЕВ

Владимир

●

Литературный талант, например, есть способность сказать или выразить хорошо там, где бездарность скажет и выразит дурно.

Ф. М. Достоевский. Дневник за 1876 г.

Главный признак человека необразованного, но почему-нибудь принужденного заговорить языком и понятиями не своей среды, — это некоторая неточность в употреблении слов, которых он знает, положим, и знает, но не знает всех оттенков его употребления в сфере понятий другого сословия.

Ф. М. Достоевский. Дневник за 1873 г.

ПЕРЕДИ, НАПЕРЕДИ, ВПЕРЕДИ,

Наречия
в книгах древней Руси

Наречие *напереди* в некоторых изданиях «Слова о полку Игореве» пишется по-разному: в виде *на переди* и *напереди*, например:

сѣдлаи, брате, свои бръзны
комони, а мои ти готови,
осѣдлани у Курьска *на переди*
(Канонический текст, издан-
ный в 1800 г.)

сѣдлай брате свои бръзны ко-
мони, а мои ти готови, осѣд-
лани у Курьска *напереди*
(Екатерининская копия, из-
данная в 1864 г.)

В самой поэме оно встречается всего один раз и написано слитно. Но слитно не следует понимать как 'написанный в соответствии с правилами правописания'. В древней Руси таких правил не было. В то время принято было писать без интервалов и знаков препинания между словами и предложениями. Часть предложения со словом *напереди* имела следующий вид: «амоитиготовиосѣдланиукурьсканапереди». Исследователи, разделяя строчки на слова, «кусочек» *напереди* считали либо целым словом *напереди*, либо двумя словами *на переди*, и давали разное (раздельное или слитное) написание иногда в зависимости от того, какой частью речи (наречием или существительным) его себе представляли. Издавая в 1864 году копию, найденную среди бумаг Екатерины II, П. П. Пекарский написал *напереди* слитно, считая его наречием времени 'раньше, прежде'. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (т. 2, СПб., 1895, столб. 903) *на переди* дано в раздельном написании, как сочетание имени существительного с предлогом *на*, имеющее значение 'передовой отряд'. Но такое истолкование не нашло последователей среди переводчиков. В течение 175 лет, прошедших со дня открытия «Слова о полку Игореве», многие известные переводчики понимали под словом *напере-*

ди наречие места 'впереди', например: «впереди они стоят» (Д. Ми-наев); «У Курска впереди оседланы» (Н. Алябьев); «Ждут впереди» (М. Тарловский); «под Курском стоят впереди» (В. Стеллецкий). О походе Игоря на половцев рассказывается и в Ипатьевской летописи. Один из первых переводчиков и комментаторов «Слова о полку Игореве» поэт XVIII века В. Капнист, сравнивая описание похода в летописи и в «Слове», даже ошибочно полагал, что слова Всеволода: «Съдлай, брате, свои бръзьи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди» — «необходимо следует присвоить Игорю, а не Всеволоду» (см.: «Слово о полку Игореве». Сборник статей. М.—Л., 1950). Он рассуждал так: в «Слове» сказано, что «Игорь ждет мила брата Всеволода» и в летописи сообщается, что Игорь «жда два дни брата своего Всеволода» (Ипатьевская летопись, 1185 год). Значит, согласно летописи, Игорь находился где-то впереди и ждал, когда подойдут полки Всеволода. А в поэме — наоборот: Всеволод говорит, что его полки «у Курьска на переди» (впереди). Но ведь ждал-то все-таки Игорь, об этом говорится и в поэме и в летописи. Следовательно: «пристойно ж д у щ е м у Игорю побуждать к скорейшему приходу Всеволода, а не сему (находившемуся будто наперед, о чем Игорь не мог быть неизвестен) понуждать к тому о ж и д а ю щ е г о его Игоря...» (там же).

Исторические факты в «Слове о полку Игореве» располагаются не в той последовательности, как в летописи. Здесь, в частности, сообщается, что затмение солнца произошло в то время, когда Игорь был уже в походе. Автор же «Слова» связал рассказ о солнечном затмении с тем временем, когда Игорь еще только собирался в поход и мог бы его отложить, так как древние верили, что затмение солнца предвещает только беды и неудачи. Поэтому, два предложения: «Игорь ждет мила брата Всеволода» (из поэмы) и «Игорь жда два дни брата своего Всеволода» (из летописи) никак нельзя понимать в одном и том же смысле. Согласно летописи, Игорь ждал Всеволода в пути, а согласно поэме — в своем удельном княжестве, когда еще только шли сборы в поход: «Кони ржут за рекою Сулою... трубы трубят въ Новгороде (Северском), стоят стязи въ Путивле, Игорь ждет милого брата Всеволода». Итак, Игорь дошел до Путивля, развернул знамена и здесь стал ожидать брата (А. С. Орлов. Древняя русская литература XI — XVII вв., М.—Л., 1945).

В некоторых изданиях «Слова о полку Игореве» приведенное нами предложение разделено на самостоятельные части, и слова «Игорь ждет мила брата Всеволода» вынесены в абзац, как будто не относящиеся к картине сборов в поход и ожидания Всеволода.

Создается впечатление, что Игорь ждет Всеволода у *Курьска*, на *переди*, то есть 'впереди'. Слово *напереди* 'впереди' в таком случае больше соответствует содержанию летописи, чем поэмы, так как летопись сообщает, что Игорь ждал Всеволода, уже находясь в походе.

Академик Д. С. Лихачев поясняет, что *напереди* означает 'раньше', а не 'впереди': «Курск, где у Всеволода стояло под седлами его войско, не был... впереди... войск Игоря. Всеволод, ободря Игоря в его решении выступить в поход, хочет этим сказать, что он уже и сам приготовился к походу, кони его оседланы даже раньше Игоревых» («Слово о полку Игореве». М.—Л., 1950). Так же считают многие переводчики, предлагая следующие варианты: «еще прежде у Курьска оседланы» (П. Пекарский); «оседланы у Курьска давно уж» (С. К. Шамбинаго и В. Ржига); «а мои давно готовы к бою» (Н. Заболоцкий); «заране стоят под седлом» (С. Шервинский); «оседланы у Курьска заране» (Г. Штурм). Такой перевод, на наш взгляд, больше соответствует поэтическому и языковому строю поэмы, точнее отражает значение наречия *напереди* в древнерусском языке.

В XII веке и позже *напереди* употреблялось не только в качестве наречия места 'впереди', но и наречия времени со значением 'раньше, прежде'. Поэт И. А. Новиков *напереди* перевел наречием *наперед*, сравните: «оседланы — наперед твоих». Это самый близкий к языковому строю поэмы перевод. Слова *напереди* и *наперед* в древнерусском языке при обозначении времени равносильны: Внук Владимира Мономаха, князь Андрей (Суздальский) о том, что его хотят убить

...слышавъ напереди до сего
'раньше, задолго до этого'
(Лаврентьевская летопись,
1175 г.)

...слышавъ напере(д) до себе
(Радзивилловская летопись,
1175 г.)

Во время жестокой битвы дружины Игоря с половцами «мнози ранени и мертви быша в полкохъ русскихъ». Сам Игорь был ранен в «шюйцю» (левую руку), и обессилела она, а воевода

тоть напереди извенъ бы(с)т(ь)
'еще раньше Игоря ранен был'
(Ипатьевская летопись, 1185 г.)

тоть наперед оуязвлен быс(ть)
(Ипатьевская летопись, По-
годинский список, 1185 г.)

Следовательно, Всеволод мог сказать Игорю не только «осѣдлани у Курьска напереди», но и «осѣдлани у Курьска напередь». Если в «Слове о полку Игореве» значение 'раньше, прежде' для нас несколько нечетко выражено и его приходится восстанавли-

вать, то в «Задонщине» (XV век) оно проступает довольно отчетливо:

Сѣдлай, брате, свои бръзпы
комони, а мои ти готови,
осѣдлани у Курьска напереди
(‘раньше твоих’) (Слово о
полку Игореве)

Сѣдлай, брате Ондрѣи, свои
борзпыи комони, а мои готовы,
напреди твоихъ осѣдланы
(‘раньше твоих’) (Задонщина)

Здесь *напереди* — наречие времени, одно слово. Следовательно, в эпитафии более точным следует считать слитное написание. История образования этого наречия, как и наречия *впереди*, указывает на то, что их надо писать только слитно.

Оба они образовались на базе древнего наречия места и времени *переди* (*преди*), например: «ты *переди* до мене добръ былъ еси. и азъ до тебе» (‘ты ко мне был прежде добр, а я к тебе’, Ипатьевская летопись, 1154 г.). Небезынтересно отметить, что старое наречие *переди* (в виде *преди*) наряду со своим преемником *напереди* употребляется и в «Слове о полку Игореве». Оба наречия имеют общее значение и различаются только смысловыми оттенками, поскольку одно образовано от другого, сравните:

Тогда пуцашеть 10 соколовъ
на стадо лебедѣй: который
дотечаше, та *преди* (‘первая,
раньше всех’) пѣсь пояше
старому Ярославу, храброму
Мстиславу, иже зарѣза Редеду
предъ пълкы касожьскими
(Слово о полку Игореве, исправленный текст)

И рече ему буй туръ Всеволодъ:
«Одинъ братъ, одинъ
свѣтъ свѣтлый ты, Игорю...
Сѣдлай, брате, свои бръзпы
комони, а мои ти готови,
осѣдлани у Курьска напереди
(‘давно, еще раньше’) (Слово
о полку Игореве, исправленный
текст)

Старое наречие *переди* давно забыто; исчезло из литературного языка и *напереди*. Лишь *впереди* и *спереди* сохраняются до сих пор из гнезда слов, образованных на основе старого наречия *переди*. В письменных памятниках можно обнаружить следы того, как *переди* (*преди*) переходит в наречие *впереди* (*впреди*):

о них же *переди* списахом
(Ипатьевская летопись, Хлебни-
ковский список, 1287 г.)

впереди списахом (Ипатьев-
ская летопись, Хлебни-
ковский список, 1283 г.)

Когда Александр Македонский проник в лагерь индийского царя и узнал, что тот собрал много зверей и слонов, чтобы пустить их перед сражением на полки непобедимого полководца, то Александр оказался в трудном положении, ибо «съ ч(е)л(ове)кы бо имаше обычаи творити браць, а не съ звѣрми» (‘с людьми обычно привык воевать, а не со зверями’). «Испытавъ свой умъ», Александр придумал хитрость: приказал расставить перед полками на колесницах медные статуи и раскалить их докрасна. Выпущенные звери

бросались на раскаленные статуи, но тут же бежали прочь, «ожгшася»:

елико имАше мѣдАныхъ болванъ, постави А прѣди и повелѣ воемъ да ражгоуть велми (Александрия первой редакции, XII век),

елико (ж) имАше мѣдАны(х) болванъ, постави А въпрѣди [полковъ на колесницахъ] (Александрия 2 редакции, XV век)

Представление о том, что наречие *впереди* образовалось от существительного *перед* возникло в связи с окончательной утратой из языка древнего наречия *переди*. Исчезнувшее наречие занимало как бы промежуточное положение между существительным и наречиями *напереди*, *впереди*, *спереди*. При разборе наречий по составу школьнику полезно знать, что *впереди* находится в тесной родственной связи с существительным *перед*, имеет с ним общий корень, но образовалось не от этого существительного, а от исчезнувшего много веков назад наречия *переди*. Необходимо также знать и различать, что наречие *кпереди* возникло в новое время и образовалось иначе: приставка *к* присоединилась не к наречию *переди* (его уже не было в языке), а к основе *-переди*. В старее время известно было также наречие *попереди*, например: «он пошел попереди (‘чуть вперед’), а я пошел позади» (Повесть о Ерше Ершовиче). Оно продолжало употребляться в говорах в течение XVIII и XIX веков, в частности, на родине М. В. Ломоносова (см.: А. Грандильевский. Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор. Сборник ОРЯС, т. 83, № 5, СПб., 1907).

Современные словари уже не рекомендуют употреблять наречие *вперед* вместо *раньше* (см.: С. И. Ожегов. Словарь русского языка, М., 1973). В XV же веке употреблять *впередъ* в значении ‘раньше’ было нормой, причем с исторической точки зрения оно восприняло это значение от старого наречия *переди*. Дойдя до реки Калки, за которой находились «полки Татарьскыя», князь Мстислав Мстиславич (прозванием Удалой) решил разбить их один и стяжать славу победителя. Не предупредив других князей, он переправил некоторые полки на ту сторону реки. Произошла битва (получившая название «битвы на Калке»), в которой он потерпел жестокое поражение:

кнАзь... повелѣ преди переити рѣку Калку Данилови с полкы (‘полкам Данилы’)... а са(м) по ни(х) (‘вслед за ними’) переиде (Суздальская летопись, 1223 г.)

кнАзь... повелѣ впередъ переити. рѣкою Калкою Данилови с полкы... а самъ по немъ переиде (Ипатьевская летопись, 1223 г.)

Образовались же наречия *впередъ* и *напередъ* непосредственно от древнего наречия *передъ* (*предъ*). Например:

И аще гдѣ бѣхоуть тѣмна мѣста, тѣ пушахомъ прѣ(д) звѣз(д)наѣ кола, на нихже бѣхоу оучинено драгое каменне наврѣхоу и свѣтѣхоуся, яко ж и звѣзды (Александрия 2 редакции, XV век)

«И когда воины Александра Македонского проходили места, где не было света, то пускали вперед колесницы, на которых были установлены кольца с драгоценными камнями наверху; они светились как звезды и освещали путь».

Основа *перед* непрерывно в говорах соединяется с новыми приставками. Если литературный язык знает лишь два наречия: *вперед* и *наперед*, то в говорах их больше: *доперед*, *заперед*, *поперед*. (Словарь современного русского народного говора д. Деулино Рязанской области, М., 1969). В данном случае наречия образуются «путем замены приставок» (об этом способе словообразования см.: И. С. Улуханов. Словообразование путем замены морфем.—«Русская речь», 1974, № 5). Наречия литературного языка также постепенно наращиваются новыми приставками. В начале XVIII века образовалось наречие *нананередъ* ('вперед'), которое находим в донесении Петру I, например: «я того часу плѣнныхъ болныхъ помалу чрезъ Тикотинъ и Брестъ нананередъ послалъ» (Письма и бумаги императора Петра Великого, т. IV, СПб., 1900, стр. 717).

Языковеды убеждены: чем больше у человека знаний «по истории русского языка, тем самостоятельнее его лингвистическое мышление, тем лучше он осмысливает строй современного языка» (Ф. П. Филин. Изучение русского языка на современном этапе. «Русская речь», 1976, № 1). Об этой закономерности особенно важно помнить при изучении образования современных наречий: чем больше у нас знаний об истории наречий, тем яснее мы представляем себе их современное состояние и развитие. Прежде всего необходимо тщательно изучать древние письменные памятники, чтобы понять происхождение и образование наречий. Иначе мы можем ошибочно объяснить, как образовалось то или иное наречие: *вперед*, *впереди* — от *перед*, *сверху*, *вверху* — от *верх*, *втайне* — от *тайна*, *по-детски*, *по-рабски*, *по-русски*, *по-свойски* — от *детский*, *рабский*, *русский*, *свойский* и т. д. Говоря об образовании этих наречий, не следует думать, что они сформировались из тех слов, с которыми связаны по смыслу в современном языке: в качестве своего непосредственного первоисточника они имели не существительные и прилагательные, а старые наречия *верху*, *тайнѣ*, *русьски*, *рабьски*, *дѣтьски*, *своиски* и т. д. Таким образом, первоначальную форму многих наречий необходимо восстанавливать по письменным памятникам, чтобы прийти к правильному выводу о способе их образования.

И. Ф. МАЗАНЬКО

Несколько столетий живет в русском языке слово *изгой*. Мы встречаем его уже в первой статье древнейшей «Русской Правды»: «... аще не боудеть кто мьста, то 40 гривенъ за голову; аще боудеть роусинъ. любо гридинъ, любо коупчина, любо Абетникъ, любо мечникъ, аще *изгой* боудеть, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити на нь» (Правда Русская. Под редакцией Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940. Кр. XI в.).

Значение и происхождение слова *изгой* интересовали многих исследователей, как историков, так и лингвистов. С. М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен» (М., 1959) пишет, что «изгоем был вообще человек, почему-либо не могущий остаться в прежнем своем состоянии и не примкнувший еще ни к какому новому». В. Н. Татищев в «Истории Российской» трактует *изгой* как «изгнанец откуда-нибудь», Б. Д. Греков в работе «Киевская Русь» (М., 1953) отмечает, что *изгой* — «человек, выжитый или вышедший из обычного своего состояния». Известный лексикограф В. И. Даль считает, что *изгой* — это «изверженец, исключенный из счета неграмотный попович, князь без княжения, владения; проторговавшийся гость (банкрот), не платящий податей».

Известны были *изгой* деревенские, городские, церковные, багательные. Все они стояли на самой последней ступени общественной лестницы и были вне общины. По мысли Б. Д. Грекова, *изгой* могли появиться в период разложения родового строя: «выходец из соседской общины, принятый в другую, может быть, принятый с некоторыми ограничениями в правах, мог оставаться здесь под именем и на положении *изгоя*» (Б. Д. Греков. Киевская Русь).

Изгой в эпоху Киевской Руси были чаще всего земледельцами, вынужденными работать на своих хозяев, то есть феодально зависимыми.

На основе слова *изгой* в древнерусском языке было создано немало производных. Так, в памятниках древнерусской письменности находим прилагательные *изгойскыи*, *изгоевъ* и абстрактное существительное *изгойство*. Последнее слово имело значение 'взятие сверх цены при выкупе раба'.

Брать цену при выкупе раба разрешалось, но брать *изгойство* (т. е. сверх цены) считалось в древности очень большим грехом, большим даже, чем кража и лихоимство (взяточничество, ростовщичество).

Однако по мнению многих ученых (А. Г. Преображенского, Ф. П. Филина, М. Р. Фасмера, В. В. Иванова) лексема *изгой* — не самая древняя в ряду генетически родственных слов. Она образована от *изгойти*, которая в свою очередь является производной от *гойти* — 'давать жить, устроить, приютить', именно корень *гой*, по мнению Ф. П. Филина, и представляет собой перегласовку корня, имеющегося в слове *жить* (Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи по материалам летописей. Л., 1949). Он известен на всей славянской языковой территории: ср.: в совр. бел. *гой* 'высокий', 'храбрец', 'герой', *гойный* 'пышный', 'щедрый из чванства', укр. *гойти* 'исцелять', 'заживлять', *гой* 'целебное средство', чешск. *hojiti*, *hojitise* 'заживлять', 'исцелять' и т. д.

В древнерусском языке *изгой* употреблялось, видимо, лишь в диалектах северо-западной Руси. Следы его бытования находим и в топонимике. Так, в Псковской летописи под 1341 годом имеется упоминание о селе Изгой: «... и Островичи яшася ѡхати на Лотыгору и срюкъ сьркоше, гдѣ сьиматися Псковичемъ сь Островичи, на княжи селѣ на Изгойяхъ». Б. А. Ларин утверждает, что в Новгороде была даже улица, где жили только изгой (Б. А. Ларин, Лекции по истории русского литературного языка. М., 1975).

Можно полагать, что в дальнейшем география термина претерпела значительные изменения. Во всяком случае 17-томный Академический словарь современного русского литературного языка никакими территориальными пометами слово уже не сопровождает.

В продолжение своей истории *изгой* вступало в различные синонимические отношения с рядом других слов. Древнерусский язык, например, знал в этом значении и термин *сирота*.

Однако слово *сирота*, как можно судить по данным письменности, употреблялось в более широком значении. Так, историк А. Е. Пресняков отмечает, что термин *сирота* «шире, чем *изгой*, но не до значения вообще *крестьянин*» (А. Е. Пресняков. Княжое право в древней Руси. СПб., 1909).

Современными синонимами *изгой* являются *отверженный*, *пария*, *отщепенец*. *Изгой* и особенно *пария* употребляются с усиленным значением по отношению к человеку, который стоит вне какой-либо среды и презираем ею (Словарь синонимов русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой. Л., 1971).

В процессе развития языка слово, видимо, несколько расширило свой семантический объем, наполнилось новым смыслом.

Интересно, что до XX века (судя по данным лексикографии) оно употреблялось только применительно к человеку, оказавшемуся почему-либо вне существующих общественных группировок. Помните, у Салтыкова-Щедрина: «Брат Степан был чем-то вроде *изгой* в нашем обществе» (Пошехонская старина); и в XX веке: «Если бы не эта маленькая женщина..., Меркурий Авдеевич... не жался бы у чужого порога не то нищим, не то *изгоем*» (Федин. Первые радости)?

В повести Г. Н. Троепольского «Белый Бим черное ухо» встречаем слово *изгой* в более широком употреблении — отверженный (по отношению к животному): «... но хозяин-то беспокоился: дадут ли на Бима родословное свидетельство, которое закрепило бы его положение среди охотничьих собак или он останется пожизненным *изгоем*? ... Дважды Иван Иванович выводил его на выставку: снимали с ринга без оценки. Значит, *изгой*».

Встречаются случаи употребления слова *изгой* в бранном значении. У И. А. Бунина (Повести, рассказы, воспоминания) находим: «Мужика лентяя, нищего называли: — «Пустой малый! *Изгой* неудельный! *Изгоем* же назывался безместный удельный князь».

Слово *изгой* живет в речи и сегодня.

Неправда,
не монахи,
не изгой...
Мы поклониться Родине пришли...
Три века,
три мгновенья перед боем,
Три жизни, три поклона до земли.

В. Максимов. «Неправда, не монахи, не изгой...»

Уходя в прошлое, слова оставляют след в жизни народа.

Т. А. ГРИШЕНКОВА
Нежин

ОБЛАСТНЫЕ
ГОВОРЫ

ЖИВОЕ
СЛОВО
СЕВЕРА

В архиве Словарной картотеки Института русского языка АН СССР (Ленинград) хранится интересный рукописный словарь говоров по течению реки Устья (правому притоку реки Ваги) бывшей Северо-Двинской губернии. Словарь был составлен в 1928—1930-х годах местным учителем мехренгской школы Михаилом Ивановичем Романовым. В архиве, к сожалению, не сохранилось никаких биографических сведений об авторе, однако из предисловия и текста словаря видно, что это был человек образованный, осведомленный во многих языках, много видевший, побывавший в скандинавских странах. Патриот русского Севера, М. И. Романов много лет работал над большим трудом, включавшим историю устьянской земли, описание местного наречия, записи фольклора. М. Горький обещал ему свою помощь в опубликовании новой книги, очевидно, только смерть М. Горького помешала осуществлению обещанного. В 1936 году в альманахе «Север» были напечатаны записи двух устьянских сказок М. И. Романова и воспоминания о встрече с А. М. Горьким в Москве.

Как составитель диалектного словаря М. И. Романов обнаружил незаурядные лингвистические способности. Это проявилось в точности передачи местного произношения, в хорошем знании скандинавских (норвежского и шведского) и угро-финских языков. Приводимые им в словарных статьях параллели из других язы-

ков, имеющие целью указать на возможный источник заимствования слова, безусловно, представляют интерес.

Словарь устьянских говоров — это собрание лексики говоров небольшой территории, однородных как в отношении фонетических и грамматических особенностей, так и в лексике. Свой труд М. И. Романов назвал словарем своеобразных слов устьянского говора. Действительно, устьянские говоры, принадлежащие к поморской группе, отличаются большим своеобразием, необычностью. Как и вся территория вокруг Белого моря, земли по течению реки Устья некогда были заселены новгородцами (этим объясняется наличие в говорах многих новгородских черт). В дальнейшей своей истории устьянские говоры пополнялись заимствованиями из языков ближайших соседей (финно-угорских и частично скандинавских). На протяжении многих веков население по реке Устью в силу своего географического положения (в окружении больших болот и лесов при почти полном отсутствии дорог) было отрезано от остальной части России. Здесь сложились самобытные севернорусские говоры, получившие немало заимствований и в то же время сохраняющие много старины. Известно, что писатель-этнограф С. Максимов, побывавший в Архангельской губернии в 1856 году, был восхищен не только необыкновенной красотой северных пейзажей, бесстрашием и мужеством русских поморов, древними традициями и обычаями, бережно сохранявшимися ими, но также и своеобразным местным наречием. В книге «Год на Севере» (СПб., 1871) он с увлечением писал о самобытной речи поморов: «В дальнем же Поморье, особенно в местах, удаленных от городов, мне не раз приходилось становиться в тупик, слыша на родном языке от русского же человека непонятные речи. Прислушиваясь впоследствии к языку поморов, наряду с карельскими и древними славянскими я попадал и на такие слова, которые изумительны были по своему метко-верному сочинению; таково, например, слово *нежить*, заключающее собирательное понятие о всяком духе народного суеверия: водяном, домовом, лешем, русалке, обо всем, как бы не живущем человеческою жизнью».

В словаре устьянских говоров, содержащем около четырех с половиной тысяч слов, широко представлена самая разнообразная лексика: прежде всего производственная (сельскохозяйственная, охотничья, местных промыслов); названия местного ландшафта; лексика относящаяся к природе вообще (*солноста́в* «восход солнца», *заgréва* «тихая, теплая погода», *пóводь* «весеннее половодье», *излóжинка* «ложбинка», *истóчинка* «ручеек», *кíжа* «первый снег», «снегопад», *налеву́ха* «ливень»); названия фаз луны [месяц на молодую, месяц на исходе, месяц на переходе, месяц на межонных (самых длинных днях)]; названия животных и растений; названия

и прозвища людей по каким-либо качествам (*на́полза* 'тихоня', 'медлительный человек', *нетуняха*, 'нерадивый, незаботливый человек'; *опёхля* 'увалень, пентюх'; *простя́га* 'простодушный человек', *чю́па* 'замарашка, грязнуля', *чура́к, чу́рка* 'прозвище толстого неповоротливого человека'; названия людей по месту жительства (*кокша́р* 'житель берегов р. Кокшеньги', *ержа́к* 'житель берегов реки Ерги', *су́хонец, сухоня́к* 'житель берегов реки Сухоны' и т. д.). Получила отражение лексика бытовая (*скре́бетень* 'веник, метла', *творо́г* 'тесто в квашне'). Глаголы *па́стись, пада́ться* на Устье имеют значения 'найти', 'встретить', 'вспомнить' (думаю, думаю, а пасться не могу), а также 'попасть, достаться случайно' (бросим жребий, кому што падется), глагол *напохо́диться* обозначает 'собраться в дальнюю дорогу', *назы́ть* 'досадить кому-либо'. Если говорят о ком-либо, что он *отпо́рен*, это значит, что он упрям (он порато отпорен) или не согласен с чем-либо, на что-либо. В устьянском словаре приведено большое количество любопытных местных наречий и союзов: *кру́то* 'скоро', *круча́е* 'скорее', *веко́м* 'когда-то давно' или 'в неопределенном будущем, нескоро' (веком-ли сделаешь — скоро не сделаешь), *инбе́редь* 'иногда, быть может' (иноредь и так сойдет) и т. д.

Своеобразный характер поморских говоров, поражающих воображение всякого приезжающего на Север, создается сохранением многих старых слов, известных нам по памятникам древнерусской письменности, но утраченных современным литературным языком. В словаре, например, находим слова *вѣшка* в значении 'чердак', *зна́мя* 'условный, отличительный знак, который ставился на поле, в огороде, в лесу', *вид* 'зрение' (производное от этого слова — *видѣла* 'зрачки'), *вещова́ть* 'предсказывать', *ра́гиться* 'защищаться, драться', *ора́ть* 'пахать' (отсюда *оранѣна* 'вспаханное поле', *оральник* — 'пахарь'). Интересен указанный бесприставочный глагол *нять*, который мы узнаем по литературному *принять*. *Нять* имеет в говорах значение 'взять с собой', а *нягься* 'приняться за дело' (нялся за дело). Старые слова *заутрѣ, заўтре* имеют значение 'завтра утром'. Напомним употребление слова *заўтра* с точно таким же значением в 1-й Новгородской летописи: «Тоу ста́ша и на но́чь; заўтра же сънчю вѣсходѣ́щю, вѣнидоша в с тоую Софию». В устьянских говорах есть и образования от старых слов, как например, *заусобиться*, употребляемое в значении 'начать ссориться'. Некоторые из них имеют в устьянских говорах отличные от древнерусских значения: так *досе́ль*, употреблявшееся в древнерусском языке со значением 'доныне', в устьянских говорах известно со значением 'в старину', а *досе́льный* — 'старинный, древний'.

В устьянских говорах сохранились те русские слова, которые в литературном языке заменились старославянскими, как *нужа* 'нужда', *надежа*, *надія* 'надежда'. Устьянцы употребляют старые обозначения стран света, поэтому вместо *к северу* они говорят *на полночь*, *к югу* — *на полдень*, *на восток* — *на сход*, *на запад* — *под закат*.

Здесь еще живы русские полногласные формы слов, замененные в литературном языке неполногласными старославянскими или вовсе утраченные им как *воротник* 'привратник', *бороніться* — 'защищаться', *середа* 'среда', *сморбд* 'запах горелого, смрад', *оболокать* 'одевать', *оболокаться* 'одеваться', *оболочка* 'верхняя одежда', *болбзе* 'хорошо' и другие.

Определенную часть словаря составляют слова, заимствованные из финно-угорских и скандинавских языков. Они представляют собой названия местного ландшафта, морские, рыболовецкие или охотничьи термины (*логдус* 'охотничий амбарчик в лесу', *нобья* 'способ разжигания костра в лесу на охоте' и др.), но имеются и слова, употребительные в повседневном быту. При каждом из таких слов автор указывает возможный источник заимствования.

Своеобразие устьянскому словарю придают также местные слова, представляющие собой не встречающиеся в литературном языке сочетания общенародных основ с разными суффиксами и приставками. Вместо *походить на кого-либо* устьянцы говорят *находить* (он порато находит на мати), вместо *усталость* — *устаток*, *устача*, вместо *обычно* — *заобычно* (это у нас заобычно), вместо *удивиться* — *здивовать*, *здивоваться* (мы чисто здивовались) и т. п. Устьянцы говорят *очем* 'почему', *спягтиться* 'попяться, отступить', *позавсе* 'всегда' (я ношу его позавсе), *понягть* 'взять с собой, взять в товарищи'.

Насколько богаты словообразовательные возможности говоров, можно видеть на следующих примерах. К слову *зять* автор приводит четыре производных слова: *зятек*, *зятенок*, *зятюха*, *зятько*; к слову *матерой* 'большой' — слова *матеру́нной*, *матеру́шшой* 'очень большой, громадный'. Многие наречия места и времени имеют образования с уменьшительно-ласкательным значением. От наречия *только* в говоре имеются слова *толечко*, *толенько*, употребляемые со значением 'столечко, очень мало' и *толестёнько*, *толестёхонько* 'совсем ничтожное количество', от слова *малёнько* 'очень мало' — *малёхонько* 'совсем мало', *малестёхонько* 'чуть-чуть'.

В устьянских говорах большое распространение получила приставка *из-за*, употребляющаяся здесь со словами, с которыми в литературном языке она не сочетается. Устьянцы говорят *иззориться*,

что значит «много потратить денег, средств, разориться» (чисто из-зорился), *измба, изможенье* «возможность; достаток, количество силы» (буду пособлять по своей измоге) и др. Приставка *из-* нередко сочетается с приставкой *вы-*, создавая чисто местные глаголы типа *извыглядеть* «все пересмотреть», *извыбежать* «все исходить» (все везде извыбежали, извыгладели) и т. п. Употребительны здесь также глаголы с двойной приставкой *спо-*: *спобывать* «побывать», *сповидать* «повидать», *споглядеть, спогулять, сподумать, спознать*.

Лексическое богатство устьянских говоров проявляется и в обилии приведенных в словаре синонимов. Иногда синонимы помещаются сразу в заголовке статьи (*Красной, краса, краснец*, «силач»; *Побыток, побытье* «случай, нечто бывшее в самом деле» (А со мной дак такой побыток бывал), иногда в конце статьи.

Автор словаря настолько хорошо знает значения диалектных слов, что нередко указывает даже на малейшие оттенки в их значениях. В статье *Замальывать* М. И. Романов пишет, что значение слова то же, что *закуделивать*, но при этом говорит, что существует небольшое отличие в значениях этих слов: если *замальывать* значит «делать что-либо с азартом и настойчиво», то *закуделивать* — «с азартом и бойкостью».

Широко представлены в словаре фразеологические обороты и выражения. Фразеология устьянских говоров отражает суровую, трудовую жизнь северян, морских охотников и рыбаков. Характерно в этом отношении выражение *берегу хватил* — «спасся от опасности, гибели». *Едва берегу хватил* значит «так сильно был болен, что чуть не умер». О человеке неумелом устьянцы говорят, что у него *сдела нет*. Чересчур вспыльчивого человека называют *петушье сердце*. Наблюдательность, остроумие, желание слегка пошутить над собой видны во многих выражениях устьянца *Зубы говорят у кого-либо* скажут о человеке, которому холодно так, что у него зубы стучат от мороза. Месяц называют *казачьим солнышком* (так как рабочий день работников-казаков был очень длинным, кончался при луне). В фразеологизмах нередко получают отражение национальные традиции, обычаи, привычки, например, *есть напорозно* значит «есть без хлеба, одну похлебку».

Словарь знакомит нас с разнообразными пословицами, поговорками, присловьями, бытующими на Устье: *Илья пророк на печё промок* (на Ильин день обычно бывает дождливая погода); *Казачье солнышко (месяц) зайдет* — казак с работы уйдет (о тяжелой жизни работников).

Значения слов в устьянском словаре истолкованы точно и определения их сформулированы ясно и четко. Названия предметов местного быта, терминологическая лексика и некоторые другие

слова имеют довольно подробные толкования, с детальным описанием самого предмета, а иногда с рисунками, прекрасно выполненными, и фотографиями. Подробные толкования имеют, например, такие слова, как *кокошник*, *зипун*, *избушка*, *пятистенок*, *скотна изба*, *скотнюха*, *кут*, *полати*, *трепало* — «приспособление для выбивания кострики из льна», *швейка* «приспособление для укрепления ткани при ручном шитье», *прясница* «прялка», *нодья* «способ разжигания костра в лесу на охоте» и т. д. Стремясь как можно точнее донести до читателя смысл устьянских слов, М. И. Романов нередко дает перевод диалектного примера. Иллюстрируя значение слова *край* «беда» примером: «край и с им-то — никак не пособились», он дает к нему перевод: «беда и с ним-то — никак не можем справиться». В отдельных сложных случаях после толкования автор добавляет, что точно на литературный язык это слово перевести нельзя. Так написано в статье *Дивья* «хорошо, не трудно». Приведенные здесь примеры употребления слова подтверждают справедливость мнения автора: «Дивья тебе жить-то, как всего много; дивья ему врать-то, как стыду не знает».

Особо следует сказать о грамматической стороне словаря. Хотя грамматических помет при каждом слове нет, автор довольно внимателен к ним: личные формы глаголов или надежные формы существительных указываются во всех случаях, когда в образовании имеется отличие от литературного языка, или когда образование форм может вызвать затруднение, как например, в статье *Бості* «бодать» приведены формы *боду*, *боа*, повел. *боді*; к глаголу *нять* — формы будущего времени *имі*, повел. *имі* и т. д. Надо сказать, что автор последовательно указывает ударение слов и отмечает случаи, когда ударение в слове двойное: *могута* и *могута́*, *на брюху́*, *в брюху́*, но *в брюхе*.

Безусловно большую ценность представляет собой иллюстративный материал словаря — запись живой диалектной речи. Слово *занизился* «заскромничал, упал духом; стал считать себя ниже, чем раньше; во время пиროванья сел на «низкое», не почетное место» иллюстрируется следующим примером: «Што, паре Офонасей, занізился-то порато? Проходи да садись повыше. Опшо не вся наша пропала», а слово *буде* в значении «если, разве, коли так» подтверждается таким употреблением: «Буде пойдешь, дак собирайсе.— Не охота што-то. Ну, буде, и не ходи. Хлебá-та ноне недородны. Буде, погода переменется, дак дойдут», а слово *краса* «хорошо, благо» — «краса ему жить, как все есть».

Особенно интересны словарные статьи, посвященные многозначным словам, где каждое значение подтверждается диалектной записью, приводятся различные выражения, пословицы, присловья и т. п. Характерна в этом отношении статья на слово *жить*. В ней

указывается семь значений этого глагола. Среди них такие, как 'пребывать, находиться где-либо', 'быть в работниках' (он век свой в казаках живет), 'питаться' (только работой и живу), 'существовать, зарабатывать чем-либо' (наша деревня больше лесом живет, а не землей), 'шуметь, буяннить' (порато живут, видать, што пьяны). Сообщается и о безличном употреблении глагола *живет* 'сойдет, ладно' (Живет и не порато баско), 'так бывает, так принято' (Как у людей живет, так и ты робь как принято, так и делай'). Здесь же приведен приставочный глагол *зажить* в значении 'забродить, подниматься тесту' (в квашпе-то зажило).

Богатство словника устьянского словаря, фразеологические выражения, многочисленные примеры живой речи, точные и ясные толкования значений слов делают словарь М. И. Романова подлинным памятником диалектной речи и ценным источником для изучения севернорусских говоров.

О. Д. КУЗНЕЦОВА

ПОЧТА
«РУССКОЙ РЕЧИ»

● ПОБЕДИТЕЛЬ В СОРЕВНОВАНИИ ИЛИ ПОБЕДИТЕЛЬ СОРЕВНОВАНИЯ?

Такой вопрос интересует Н. И. Разоренова из г. Новозыbkова Брянской области. Ответ на него придется начать издаleка.

Если глагол управляет существительным в винительном падеже без предлога, то при соотносительном с глаголом существительным, называющeм лицо, которое совершает действие, зависимое слово стоит обычно в родительном падеже: *строить дом — строитель дома, издать книгу — издатель книги*. Если глагол управляет существительным в косвенном падеже с предлогом, то при соотносительном с этим глаголом существительным зависимое слово стоит обычно в такой же форме, как при глаголе: *стрелять из лука — стрелок из лука, вырезать по дереву — резчик по дереву*. (Надо сразу же заметить, что такое соотношение наблюдается часто, но не всегда. Сравните, например, *участвовать в соревнованиях — участник соревнований*, а не «участник в соревнованиях».)

Такое же соотношение падежных форм наблюдается и при слове *победитель*. Если зависимое существительное называет побежденного, того, кого одолел (или то, что одолел) победитель, то

оно стоит в родительном падеже, в соответствии с винительным падежом при глаголе *победить*: *победить чемпиона — победитель чемпиона, победить великана — победитель великана, победить женское сердце — победитель женских сердец*. Если же зависимое существительное называет вид борьбы, характер состязаний, в которых была одержана победа, то оно и при управляющем глаголе, и при управляющем существительном стоит в одной и той же падежной форме: *победить в скоростном беге — победитель в скоростном беге, победить на соревнованиях — победитель на соревнованиях, победить в социалистическом соревновании — победитель в социалистическом соревновании*.

Чем же объяснить появление словосочетания *победитель соревнования*?

В языке большое значение имеет аналогия. Слово *победитель* в ряде сочетаний близко по значению к *лауреат, рекордсмен, призер, чемпион*. А при этих словах в родительном падеже стоит слово, которое называет не побежденного, а вид состязаний: *лауреат конкурса, рекордсмен состязаний, призер соревнований, чемпион спартакиады*. Очевидно, под влиянием таких сочетаний и употребляются в литературном языке *победитель матча, победитель турнира, победитель гонок, победитель олимпиады* и т. д. Во всех приведенных словосочетаниях подчиняющее существительное называет лицо, а зависимое — вид состязаний, в которых данное лицо участвует. Такое же значение имеют подчиняющее и зависимое слова в сочетаниях *участник конкурса, участник олимпиады, участник соревнования*. Близко по значению к *победитель* в сочетании *победитель соревнования* слово *передовик* в сочетании *передовик соревнования*.

Все эти условия способствовали закреплению в литературном языке словосочетания *победитель социалистического соревнования*, которое широко распространено в современном литературном языке, закреплено в названии нагрудного знака, учрежденного постановлением ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Таким образом, в современном литературном языке сосуществуют два словосочетания с одинаковым значением: *победитель в соревновании* и *победитель соревнования*. Оба соответствуют современной литературной норме. При этом первое, реже употребляемое, отражает старую литературную норму, а второе, более распространенное, — новую.

В. А. Ицкович

ПО КАРТЕ
НАШЕЙ РОДИНЫ

ГАРДАРИК И ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Долетописная история северо-западной части восточных славян, то есть славян Приильменя, Приладожья и бассейна Чудского озера, до сих пор во многом загадочна, потому что известна главным образом по еще не достаточным археологическим данным да по преданиям, дошедшим до нас в виде так называемых исландских королевских саг (записанных в Исландии повествований о норвежских королях и их подвигах). Некоторые из этих сказаний, например, «Хеймскрингла» и Эймундова сага, содержат интересные, но, к сожалению, не во всем и не всегда точные сведения о древнейшей восточнославянской языковой истории.

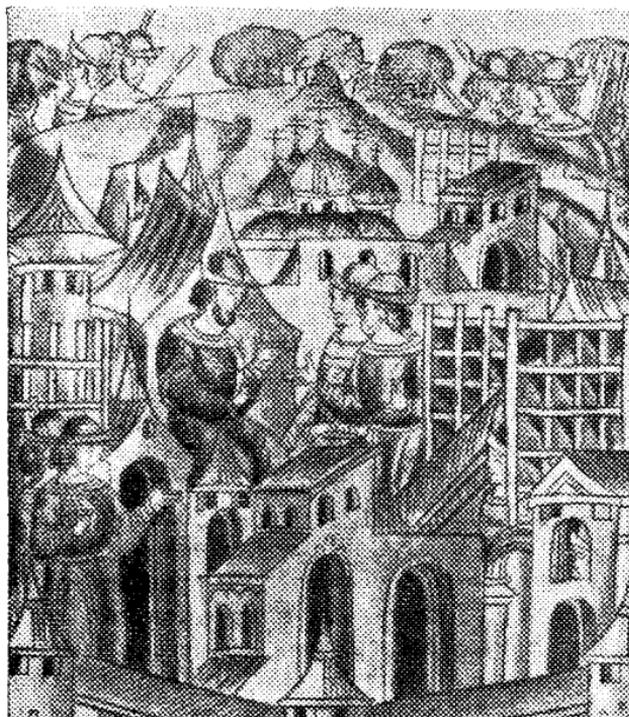
В частности, привлекают внимание те места указанных исландских источников, где говорится о Gardaríki, а в русских переводах — о Гардарике или Гардарикии. В сагах сообщается, что однажды в начале весны Эрик-ярл (*ярл* по-древнеисландски — «граф»), собрав войско, поплыл Балтийским морем и, прибыв в область Валдемара-царя (то есть новгородского, а позднее киевского князя X—начала XI веков Владимира Святославича), его территорию безжалостно разорил: город Алдейгобургар (то есть Старую Ладугу) осадой взял, в нем замок и все строения сравнял с землей, а потом, направившись в Gardaríki, все вокруг опустошил. Из другого места саг мы узнаем, что город Алдейгобург (Старая Ладoga) был в Gardaríki. В тех же текстах есть и иные упоминания Gardaríki как какой-то территории восточных славян, но не ясно, какой именно: то ее можно признать за город, то как будто за область, то даже за целую страну.

У многих скандинавских исследователей саг сложилось убеждение, что словом Gardaríki в них обозначалась вся древняя Русь. И это согласуется с тем, что в переводе с древнеисландского на

русский *Gaṛḁaríki* значит 'страна городов', так как *garḁa* — древнеисландская форма родительного падежа множественного числа для существительного мужского рода *garḁr* 'ограда', 'огороженное место', 'двор' или 'город' (*garḁr* родственно праславянскому **gord-* и русскому *город*), а *ríki* — форма именительного падежа единственного числа для древнеисландского существительного среднего рода в значении 'власть' или 'королевство' (*ríki* родственно немецкому *Reich* 'государство'). Именно поэтому в нашей отечественной исторической науке (как и у скандинавов) укрепилось мнение, что словом *Gaṛḁaríki* в исландских сагах обозначалась вся древняя Русь. Именно это толкование слова *Gaṛḁaríki* мы находим у В. О. Ключевского в его «Курсе русской истории» (1923, ч. 1, стр. 157) и у В. В. Мавродина в монографии «Древняя Русь» (1946, стр. 163).

Однако указанное понимание слова *Gaṛḁaríki*, правильное формально и допустимое в исландских сагах по контекстуальному смыслу, вызывает недоумение в топонимическом плане. Дело в том, что для наименования местности служит как правило какой-то ее характерный признак. Следовательно, получается, что скандинавы называли древнюю Русь страной городов потому, что города являлись ее отличительной особенностью. Но хорошо известно, что в Средневековье (даже до XI века) города, в том числе и города в значении 'защищенные крепостями места', были не только на Руси, а и в любой стране Западной Европы. Кроме того, сомнение в правильности понимания *Gaṛḁaríki* как 'страны городов' усиливается, если учесть употребление переделок *Gaṛḁaríki* в «История Российской» В. Н. Татищева. Он в этом труде использовал топоним *Гордорики*, *Гордорики*, *Гардарикия* то как название северо-западной области Восточной Европы (а не всей древней Руси!), то как название города в этой области, ссылаясь на устные разъяснения, полученные от шведского ученого Бреннера, что *Гордорики* (*Гардарики*) по-нормандски (то есть — и по-древнеисландски) значит 'великий град или область'. Так, например, В. Н. Татищев пишет: «Гордорики —... град Великий и собственно Ладога именован... северные писатели град оный Алденгабург и Олденбург именовали»; «древний руссов град над устьем Ловати близ Ильменя доднесь Старая Русь, или Руся, знаем... славяне, пришед, ... в различие Старой Руси, или старого Гордорика, Новый град Великий имяновали».

Очевидно, слово *Gaṛḁaríki* в исландских сагах первоначально обозначало не страну и не область, а город и, значит, представляло собою не *Gaṛḁaríki*, а вполне закономерное древнеисландское выражение *garḁr Ríki* 'город великий' (по-древнеисландски *riki* — 'могучий', 'великий', 'богатый', 'хозяин'). Со временем

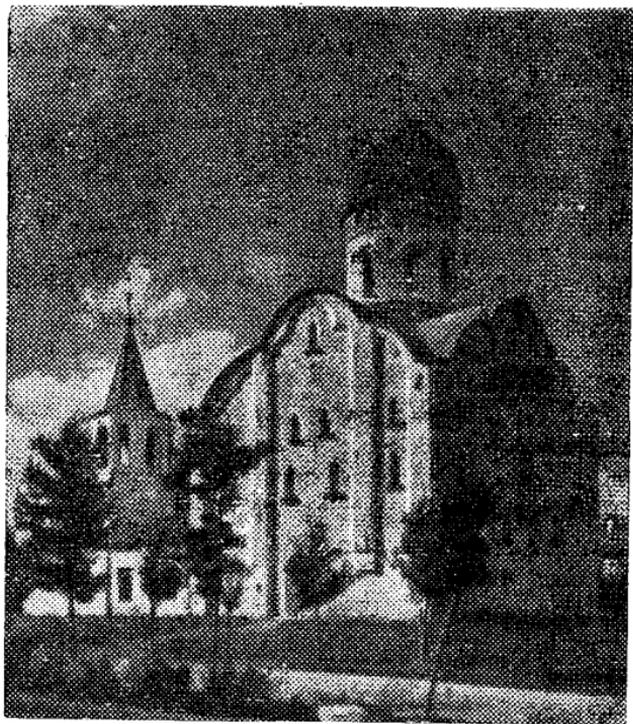

*В древнем
Новгороде.
Миниатюра
Никоновой
лицевой
летописи,
XVI в.*

garðr Ríkt в соответствии с древнеисландскими нормами словосложения (см. М. И. Стеблин-Каменский. Древнеисландский язык, 1955) превратилось, надо полагать, в топоним Gardríkt, а в дальнейшем было переосмыслено и изменено: Gardaríki — «страна городов». Этому вполне вероятному изменению должны были способствовать по крайней мере три обстоятельства. Во-первых, в древнеисландском языке ríkt со временем фонетически превратилось в rík (сравним его в собственных скандинавских именах людей Йорик, Эйрик и т. п.) и сблизилось по звучанию с ríki. Во-вторых, сложные слова на -ríkt>-rík в роли названий городов для исландцев необычны: у них в этой функции распространены топонимы на -берг (Сетберг), -вер (Фермставер), -вик (Вик, Дальвик, Ньярвик, Рейкьявик), -дир (Будир, Гримстадир), -дур (Стадур, Хабнарфьердур) и некоторые другие. В-третьих, сказания (саги) о связанных с Gardaríki событиях до XI века, записанные со слов исландских скальдов (певцов-поэтов) лишь в XIII веке, неминуемо должны были за несколько веков, в устной передаче от поколения к поколению, претерпеть различные смысловые искажения, а в связи с этим — замену одних слов другими и их деформацию.

Но если так, то сама собою напрашивается мысль, что Gardríkt>Gardaríki в исландских сагах — калька древнерусского

Церковь
Федора
Стратилата
на Торговой
стороне
в Новгороде

названия *город Великий* и что оно послужило причиной для обозначения одного из древнейших восточнославянских городов *Новъ городъ Великий*, так как именно Новгород Великий оказался преемником функций некоего города Великого. Высказанное соображение вполне согласуется с мнением В. Н. Татищева, изложенным в его «Истории Российской», что «Гордорики по переходе Рюрика в Новый град Великий... Старым градом именован». Соответствует это и тому, что уже в древних восточнославянских письменных источниках Новгород именуется, хотя и нерегулярно, с определением *Великий* и иногда даже с приложением *Господин*, как, например, в договоре новгородцев с ганзейскими городами 1392 года: «посаднице и тысячкы и весь Господин Великы Новгородъ». Причем в этом и подобных случаях *Господин* прибавлялось не только для выражения почтения, а еще, видимо, и как уточнение или усиление для *Великий*, потому что по-древнерусски *господинъ* имело смысл «хозяин», «могучий», «властитель» и поэтому «великий», то есть было в смысловой близости к указанному древнеисландскому *rikr > rik* в слове *Gardrrikr > Gardariki*.

Любопытно еще то, что необходимость видеть в этом наименовании обозначение города Великого согласуется с сообщением утраченной Иоакимовой летописи (известной по «Истории Рос-

сийской» В. Н. Татищева) о том, что князь Славенск «иде к полуосчи и град Великий созда». Хотя, вместе с тем, нельзя не учитывать, что достоверность сведений Иоакимовой летописи нуждается в проверке.

Поскольку надо признать, что слово *Gardariki* первоначально звучало как *Gardríki* и обозначало не область или страну, а какой-то город древней Руси, то где же он в ней был? Скорее всего его следует искать где-то на восточнославянском северо-западе, то есть по близости от своего преемника Нова города Великого (Новгорода Великого). Недаром исландские саги довольно часто упоминают *Gardariki* по соседству с северо-западными городами Восточной Европы.

В. Н. Татищев, судя по цитированным местам из «Истории Российской», склонен считать Гардариком то ли Старую Русу, то ли Старую Ладогу, именуемую в исландских сагах Алдейгобургаром, Алдейгобургом. Он был близок к предположению и о том, что наименование *Gardariki* первоначально скандинавами (в том числе — исландцами) использовалось как синоним для *Holmgardr* (*Гольмогард*, *Колмогард*, *Холмоград*, *Холмогород* и т. п. в русских переделках), так как в сагах названия *Gardariki* и *Holmgardr* «многократно между собою меняются и сообщаются». При этом В. Н. Татищев считал, что *Holmgardr* следует искать на холме у села Бронницы при реке Мсте (там, в XVIII веке виднелись остатки древних крепостных сооружений).

В дальнейшем мнение, что предшественником Новгорода Великого в административно-хозяйственном и культурном отношении была Старая Руса, разделяли такие видные историки, как, например, академик С. В. Платонов. Однако оказалось, что Старая Руса, хотя она и имеет в названии определение *Старая*, все же моложе Новгорода Великого на несколько столетий, так как археологически восходит лишь к X—XI векам, тогда как Новгород Великий определенно существовал уже в IX столетии.

Мнение, что Новгород Великий был преемником Старой Ладуги, отстаивал после В. Н. Татищева академик Б. Д. Греков. Теперь оно многими исследователями считается ошибочным, потому что археологические древности Старой Ладуги хотя и восходят к VII веку, но сильно отличаются от новгородских. Правда, этот довод мало убедителен, поскольку городу-предшественнику совсем не обязательно иметь сходную с городом-преемником археологическую культуру, важно лишь, чтобы был фактический переход функций от первого ко второму. Но против отождествления Старой Ладуги и *Gardariki* свидетельствует и то обстоятельство, что их названия в исландских сагах противопоставляются.

Мысль о том, что Новгород Великий оказался наследником

Holmgardr, после В. Н. Татищева стали развывать многие ученые, например, Е. А. Рыдзевская, П. Н. Третьяков, В. Л. Янин. По их мнению, однако, Holmgardr — это Славянский холм внутри Новгорода Великого, а не Бронницкий холм, как думал В. Н. Татищев. И новое мнение не безосновательно. К настоящему времени в свете археологических фактов, косвенных письменных свидетельств древней поры и, особенно, исследований члена-корреспондента АН СССР В. Л. Янина о ранней истории Новгорода Великого стало ясно, что этот город возник из объединения трех разных городков. Археологи считают, что одним из них был Холм (или Славно), основанный словенами на восточном берегу Волхова, другим — Людин, основанный кривичами на западном берегу Волхова, и третьим — Нерев, основанный мерянами тоже на западном берегу Волхова.

По-видимому, Holmgardr и Gardariki исландских саг и в самом деле были разными наименованиями одного и того же города, и возможно, что им был именно словенский Холм (Славно). Это — правдоподобная версия, и к отказу от нее могут вынудить лишь какие-либо неожиданные археологические открытия будущего. Лингвистических доводов сейчас не имеется ни за, ни против нее.

*Доктор филологических наук
И. Д. РУСИНОВ*

АЗОВЬЕ —
АЗОВЩИНА —
АЗОВ

Среди морей, омывающих территорию Советского Союза, есть одно, название которого образовано от имени города, расположенного на его побережье. Это — Азовское море. Город Азов (сейчас сравнительно небольшой районный центр Ростовской области) в прошлом был самым известным населенным пунктом и крепостью

на берегу моря. Еще раньше, в период Киевской Руси, Азовское море называлось Сурожским, по имени известного в то время торгового центра в Крыму — города Сурожа.

Составной топоним (географическое имя) *Азовское море* в настоящее время является общелитературной формой. Известно, однако, что один и тот же топоним нередко бывает представлен в нескольких словообразовательных формах — в общепринятой, литературной, и разговорной (сравните: *Петербург* и *Питер*, *Днепропетровск* и *Днепрб*, *Владивосток* и *Владик* и т. д.). Очень восприимчив к топонимическим словообразовательным новшествам язык газеты, наиболее оперативно откликающийся на различные сдвиги в словоупотреблении в области устной речи.

Азовье — *Азовщина* — *Азов* представляют собой появившиеся в последнее время варианты топонима *Азовское море*.

Как известно, названия территорий с суффиксом *-й-* в современном русском языке распределяются по трем словообразовательным типам, из которых два (суффиксально-префиксальные топонимические формы типа *Приднепровье*, *Заполярье*, *Подмосковье* и чисто суффиксальные образования от сложных основ типа *Черноморье*, *Черноземье*) являются продуктивными, а третий (тоже суффиксальные названия территорий, только с нечленимыми топонимическими основами — *Ставрополье*, *Пинежье* и т. д.) — непродуктивным. Вариант *Азовье* относится к последнему, непродуктивному типу. Сравните: «Отлично трудится на *Азовье* экипаж парохода „Кривой Рог“» («Приазовский рабочий», 22 августа 1963, г. Жданов); «На *Азовье* — свое пароходство» (название статьи в газете «Социалистический Донбасс», 4 февраля 1967); «Каков будет итог нынешней путины? Не принесет ли она *Азовью* новых бед?» («Литературная газета», 12 августа 1970) и т. д.

Есть основания полагать, что рассматриваемая нами «стяженная» форма топонима *Азовское море* сложилась под влиянием старых, хорошо известных в языке образований типа *Черноморье*, *Средиземноморье*: «С *Черноморья* по дорогам Пыль несется плясом» (Э. Багрицкий. Дума про Опанаса); «И торговые и военные русские, советские корабли ходили через *Средиземноморье*» («Правда», 28 марта 1969); «Этот небольшой пароход, носящий на борту имя украинского города Червонограда, хорошо известен морякам *Азовья* и *Черноморья*» («Азовский моряк», 1971, № 29). Процесс аналогичного выравнивания с уже существующей в языке формой *Черноморье* совпал с хорошо известной топонимической тенденцией к «стяжению» составных топонимов в одно слово. (*Павлополь* из *Павлово Поле*, *Красногоровка* из *Красная Гора* и т. д.). В этом отношении интересно употребляемое в довоенные

годы аббревиатурное образование *Азморе*, отразившееся, в частности, и в названии тогдашней газеты моряков и рабочих бассейна Азовского моря — «Большевик Азморя». Непосредственная близость самих географических объектов облегчила влияние суффиксальной формы *Черноморье* на «соседний» составной гидроним *Азовское море*, что привело к возникновению еще одного весьма редкого в современной топонимии образования с суффиксом *-j-*: Азовье. По своему значению это «стяженное» суффиксальное образование не всегда эквивалентно своему предшественнику — составному гидрониму *Азовское море*. В ряде случаев регистрируется употребление ее вместо таких описательных оборотов, как «Азовское морское пароходство», «моряки и работники предприятий Азовского морского пароходства» и «побережье Азовского моря» (то же Приазовье, но только в «узком» смысле этого слова). Приведем примеры из газеты «Азовский моряк»: «Открывается занавес, и с эстрады раздаются слова приветствия моряков *Азовья* труженикам Заполярья» (1966, № 25); «В мае 1918 года была сделана попытка создать флотилию и у нас на *Азовье*» (1967, № 8); «Так погиб „Красный моряк“, бороздивший воды *Азовья* более девяноста лет» (1967, № 32). Сравним еще некоторые словосочетания с формой *Азовье*: «правофланговые *Азовья*», «молодежные вожаки *Азовья*», «коллективы *Азовья*», «морские дороги *Азовья*», «берега *Азовья*», «рабочий класс *Азовья*», «коммунисты *Азовья*» и другие. Наконец, в г. Жданове при Дворце моряков существует танцевальный ансамбль «Азовье», а в 1972 году открыт магазин с таким же названием.

Очень редким словообразовательным вариантом формы *Азовье* является образование с суффиксом *-щин(а)*, например: «Осенью я заглянул в Бердянск по дороге из Ростова, чтобы на месте узнать о последствиях беды, неожиданно-негаданно навалившейся на *Азовщину*. В конце февраля и начале марта 1969 г. случился здесь невиданный замор рыбы» («Литературная газета», 12 августа 1970). Примечательно, что в этой же статье дважды употреблена и форма *Азовье*, что позволяет образование *Азовщина* рассматривать как окказиональный украинский вариант первой формы.

Обе формы *Азовье*, *Азовщина* в современной топонимии выглядят весьма «экстравагантно». Среди известных в языке названий территорий с суффиксом *-j-*, сложившихся на базе составных топонимов, очень редки производные от названий морей (*Черноморье*, *Средиземноморье*), эквиваленты с суффиксом *-щин-* для них отсутствуют.

Дальнейшим развитием формы *Азовье* является утратившее суффикс *-j-* образование *Азов*, обязанное своим появлением в речи так называемому обратному словообразованию, когда производящее

слово (в данном случае — *Азовье*) начинает осмысливаться как производное от формы *Азов*. Форму *Азов* следует рассматривать как вторую ступень словообразовательной эволюции интересующего нас топонима *Азовское море* → *Азовье* → *Азов*. Если случаи обратного словообразования среди нарицательных имен существительных в современной русской речи не столь уже и редки (*щен* из *щенок*, *свин* из *свинья* и т. д., о них интересно написано в книге В. В. Лопатина «Рождение слова», М., 1973), то проявление данной словообразовательной тенденции в топонимии нигде не отмечалось. Во всех зарегистрированных нами случаях употребления формы *Азов*, она эквивалентна составному топониму *Азовское море* и лишь одному из отмеченных употреблений в данном значении вторичного суффиксального образования *Азовье*: «Представляет практический интерес предложение о частичной переброске стока других рек в бассейн *Азова*» («Правда», 7 октября 1968); «С первых чисел марта и до середины декабря встречает он каждую зарю над *Азовом* на капитанском мостике»; «А душой и мыслями всегда оставался на *Азове*, и во сне ему виделся только *Азов*» («Правда», 26 сентября 1971: здесь употреблена и полная форма названия — *Азовское море*); «Канал *Азов — Каспий*» («Азовский моряк», 1969, № 50; название заметки, в которой рассказывается о проекте Азово-Каспийского канала); «Много, очень много весен отшумело над седым *Азовом*» («Азовский моряк», 1971, № 51). Этот вариант гидронима отразился также в названии спортивного клуба «Азов» в г. Жданове, Донецкой области. Хотя форма *Азов* в наши дни встречается в языке местных и центральных газет, ее более широкому употреблению в профессиональной речи моряков бассейна Азовского моря мешает наличие другой омоформы, являющейся названием порта на Азовском море в устье Дона.

Неофициальное название Азовского моря — *Азов* — отнюдь не уникально по своей словообразовательной природе в современной русской речи. Мы можем назвать целую группу таких топонимов. Об одном из них мы узнаем из статьи М. Карпенко и Г. Кудряшова, опубликованной в газете «Известия», 8 декабря 1972: «Так уж получилось: скромная степная речушка дала имя одному из крупнейших искусственных морей. Всему миру оно известно теперь как Цимлянское водохранилище. Но местные жители называют его просто и ласково — *Цимла*». В статье В. Андреева «Чем Цимла славится» («Правда», 8 мая 1973) топонимическая форма *Цимла* выступает также в значении «цимлянская земля» и как заместитель названия населенного пункта *Цимлянск*. Безаффиксному способу словообразования обязаны своим появлением и такие формы, как *Каспий* (← *Каспийское море*), *Волго-Балт* (← *Волго-Балтийский водный путь имени*

В. И. Ленина), *Азорь* (←*Азорские острова*), *Куриль* (←*Курильские острова*), *Бермуды* (←*Бермудские острова*), *Бискай* (←*Бискайский залив*).

Усечение топонимической основы вызвано не только регрессивным (обратным) словообразованием, вследствие чего наблюдается утрата суффиксальной части названия, им могут быть затронуты и топонимический суффиксоид (*Питер*←*Петербург*) и даже сама производящая основа. Сравним разговорный вариант топонима *Днепропетровск* — *Днепр*, *Дніпрó* (укр.): «Я встретил его в *Днепре*», «Ты давно из *Днепра*?» и т. д. Эта форма широко распространена на Украине особенно в речи телефонисток междугородных телефонных станций, отразилась она и в названии газеты «*Днепр вечерний*» (Днепропетровск).

С приведенными образованиями вторичного происхождения не следует смешивать исконные безаффиксные формы, на основе которых сложились русские оттопонимические прилагательные. Так, например, из параллельно функционирующих в современной речи топонимических форм — *Аральское море* и *Арал* (сравним названия корреспонденций в газете «Известия» 1 июля и 30 августа 1973 года: «Приглашает *Арал*», «А теперь — по *Аралу*») последнее образование является точным соответствием начальному — определительному слову в тюркском составном названии этого моря — *Арал Денгиз* и в русский язык попало как «обломок» этого словосочетания.

Итак, форма *Азовье* (как смысловой эквивалент составного топонима *Азовское море*), появившаяся не только в местных, но и в центральных газетах, лишена опоры на соответствующие модели словопроизводства в современном русском языке (в нем нет названий морей типа *Аралье* вместо *Аральское море* и т. д.). Если в разговорной речи обращение к «сокращённым» топонимам в какой-то мере оправдано, то столь широкое проникновение их в язык газет (особенно местных) вызывает возражения. Это относится и к употреблению новообразования *Азовье* вместо хорошо известной и правильной формы *Приазовье*. Нелитературной является и форма *Азов* в значении «Азовское море» — «вторичный продукт» варианта *Азовье*, возникшего в недрах разговорной речи жителей азовского побережья. «Слабость позиции» этой формы — в омонимии с названием города *Азов*, создающей двусмысленность.

Е. С. ОТИН

Журнал JĘZYK ROSYJSKI

Успехи советского народа в строительстве коммунизма, в развитии науки, техники и культуры привели к росту авторитета и значения русского языка в современном мире, к превращению его в один из важнейших мировых языков. В славянских странах обучение русскому языку всегда рассматривалось как важное общественно-культурное дело. В послевоенные годы к культурному и научному сотрудничеству присоединился такой, мощный фактор, как потребность народов во взаимном общении, вызванном всесторонней социалистической интеграцией.

Несомненно, что по размаху изучения русского языка первое место за рубежом занимает Польская Народная Республика. В народной Польше около шести миллионов человек изучают русский язык. В польской средней и высшей школе, а также в кружках, организованных Обществом польско-советской дружбы, работает около двадцати тысяч преподавателей русского языка с педагогическим образованием. Эта массовая тяга к изучению русского языка в известной степени отражает давние интернациональные связи русских и польских трудящихся.

Большие заслуги в пропаганде советской культуры и литературы в Польше, разработке вопросов методики преподавания русского языка в польской языковой среде, в ознакомлении польских учителей с научным изучением русского языка, его пропаганде в Польше вообще имеет журнал *Jezyk rosyjski* («Русский язык»).

Этот журнал основан в 1948 году и является, следовательно, первым по времени возникновения научно-методическим журналом за пределами СССР, адресованным учителю русского языка. У его колыбели стояли такие видные польские языковеды, как Ст. Слоньский (ответственный редактор), В. Дорошевский, Т. Лер-Сплавинский, А. Мирович, В. Якубовский. В последние годы журнал возглавляет известный польский методист профессор М. Олехнович. Определяя задачи журнала, редакция писала о русском языке: «Русский язык — язык нашего соседа и союзника, язык самого могучего и самого большого славянского народа, язык международного значения. Знание русского языка не только источник

практической пользы, но вместе с тем и путь к познанию богатой и прекрасной русской литературы» (№ 1, 1948).

Постоянными рубриками журнала с момента возникновения стали:

Литература и язык (статьи, посвященные русской классической и советской литературе, а также сопоставительные статьи на языковые русско-польские темы).

Культурная хроника СССР (эта рубрика была особенно актуальна в первые десятилетия существования журнала, когда ощущалось слабое знакомство поляков с реалиями советской действительности и отсутствовала страноведческая литература).

Методика. Программы и школьная практика (методический отдел, содержащий материал по обмену преподавательским опытом, всегда был полнокровным и интересным в журнале).

Обзоры и отклики (критико-библиографическая часть).

Хроника. С 1974 года в журнале появился отдел, предназначенный для учителей русского языка, повышающих свою квалификацию.

Следует отметить, что журнал *Język rosyjski* щедро отводил свои страницы советским специалистам по русскому языку и литературе, которые в разное время помогали в подготовке учителей-русистов в польской высшей школе. Перелистывая комплекты журнала, в настоящее время можно составить полное представление и об этой стороне советско-польского научно-педагогического сотрудничества.

Журнал систематически помещает материалы, посвященные крупнейшим представителям русской классической и советской литературы. Первый номер журнала 1948 года был открыт статьей Л. Гомолицкого о творчестве М. Горького. В последние годы, например, были помещены статьи А. Волкова «О русском футуризме» (1969), Я. Орловского «Поэзия Александра Твардовского» (1972), «А. К. Толстой» (1975), Г. Климовской «В. Бианки — певец русской природы» (1975), Н. Корча «Встреча с Леонидом Леоновым» (1975), В. Возняка «Рассказы Юрия Казакова» (1975), В. Заморского «„Судьба человека“ М. Шолохова» (1975).

Многие материалы отражают русско-польские литературные связи. И это вполне естественно. Укажем здесь любопытные исследования: А. Цесажа «Н. Некрасов — поэт мести, действия и печали» (1974), А. Бялецкого «Пребывание Мицкевича в России» (1968), Б. Бялокозовича «А. Герцен и А. Мицкевич» (1968), Ю. Борсукевича «Лермонтов и его связи с Польшей» (1968), «Изображение поляков в творчестве Л. Н. Толстого» (1971), М. Бармута «Гоголь в Польше» (1972), Г. Курмисова «Польский вопрос в программах декабристов» (1975), важное исследование Б. Бяло-

козовича «Воплощение идеи польского национально-освободительного движения „За вашу и нашу свободу“ в русской художественной литературе XIX в.» (1973), В. Попова «Польская тема в современной советской литературе» (1972).

Некоторые материалы литературоведческого характера имеют целью способствовать коммунистическому воспитанию молодежи. Например, статьи А. Кмиты «Образовательные и воспитательные элементы в стихотворениях В. Маяковского для детей» (1968), «Как вырабатывался детский характер в тетралогии В. Катаева «Волны Черного моря» («Белеет парус одинокий», «Сын полка», «Хуторок в степи», «За власть Советов») (1974), Г. Климковской «Дети в рассказах Юрия Нагибина» (1974).

Столь же широк диапазон материалов по русской грамматике. Уже в первом номере журнала В. Дорошевский поместил статью «Происхождение и источники русского литературного языка» (1948). Эту тему развивает Я. Ригер в статье «Спор о начале русского литературного языка» (1970), Э. Попова поместила статью «Борьба В. И. Ленина за чистоту русского языка» (1971).

Вопросам фонетики и орфоэпии посвящены статьи М. Всеволодовой «К вопросу об изучении интонации на уроках русского языка» (1967), М. Пшитулецкой «Заметки о произношении русских согласных» (1968), А. Богуславского «О месте ударения в русских словах» (1971).

Вопросы грамматики представлены работами Л. Нисарека «Относительно категории залога в русском языке» (1968), В. Палевского «Употребление местоимений *весь, сам, самый, каждый, всякий, любой* в сопоставлении с польским языком» (1969), М. А. Мухаммеда-Али «Неизменяемые глагольные формы типа «хлоп», «прыг», «хватъ» (1975), Я. Ригера «История русских деепричастий» (1975), А. Павлика «Способы выражения отрицания в современном русском языке» (1975), Л. Кравчиковой «Сочетания прилагательных с существительными и числительными» (1974), К. Казим-Бека «Предложения со значением физических и духовных состояний» (1974), Л. Карпова «Синтагматика русских предложений в конструкциях с пространственным значением» (1975).

Что касается лексики, то обычно этот материал находит отражение в статьях методического характера, хотя встречаются и такие — М. Тимощук «Из истории названий заболеваний (с учетом их словообразовательной специфики)» (1975).

Полезную и эффективную работу проводит журнал в своем методическом отделе. Руководители журнала часто подчеркивают, что поиски новых методов обучения всегда находятся в зависимости от целей изучения языка. Один уровень знаний нужен для туриста, другой — для специалиста, который хочет пользоваться

литературой на русском языке, иная подготовка требуется для будущих учителей русского языка. С совершенствованием профессионального мастерства учителя русского языка изменялся и характер научно-методических статей журнала. Если в первые годы издания журнал стремился обучить учителей русского языка, то в последние годы он занят разработкой наиболее эффективной методики преподавания. (Достаточно указать, что первая методика преподавания русского языка в польской аудитории появилась лишь в 1957 году.) Установление контактов с советскими специалистами сыграло в этом отношении важную роль.

Видное место польские методисты отводят отбору русских текстов. Об этом свидетельствуют, например, статьи М. Олеховича «Научные основы адаптации текстов художественной литературы для обучения русскому языку поляков» (1971), «Проблематика отбора языкового материала при обучении русскому языку» (1974), А. Маркунаса «О некоторых психологических аспектах обучения русскому языку» (1975).

В связи с 25-летней годовщиной журнала (1973) были помещены содержательные обзоры Я. Орловского «Русская литература на страницах журнала», Я. Вавжинчика «Четверть века русской лингвистики в журнале», Л. Гроховского «Четверть века методики преподавания русского языка» и Ю. Оградника «Роль русского языка в современном мире».

Журнал помещает много материалов из опыта преподавания русского языка в СССР, Болгарии, Чехословакии, Югославии, Венгрии. Редакция систематически информирует о появлении новых пособий по русскому языку в СССР и Польше, дает им оценку. Так, журнал поместил очень подробную информацию о содержании первых шести номеров журнала «Русская речь», начавшего выходить в 1967 году. Авторы обзора высказали убеждение, что у нашего журнала будет много читателей за пределами СССР (1968). Редакция выступила недавно с предложением о создании Польского общества русистов. В текущем году журнал *Język rosyjski* ведет подготовку к III международному конгрессу русистов, который состоится в августе 1976 года в Варшаве и будет посвящен теме «Научные основы и практика обучения русскому языку в литературе».

Н. А. КОНДРАШОВ

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА НОВГОРОДЦЕВ В СТАРИНУ

История русских личных имен корнями своими уходит в глубь веков. На Руси до принятия христианства бытовали традиционные личные имена языческого происхождения, в них отразились народные воззрения на мир, основанные на живом и непосредственном восприятии окружающей действительности. Имя одухотворяло природу, с ним была связана вера в магическую силу слова, оно являлось «оберегом» (защитой) от «нечистой силы».

В качестве личных имен употреблялись названия птиц *Сокол*, *Ворон*, животных *Волк*, *Тур*, рыб *Линь*, *Сом*, *Окунь*, растений *Береза*, *Рена*, *Осока*, самых различных предметов, встречавшихся в быту *Кошель*, *Коврига*.

Могли быть имена, отмечавшие индивидуальные черты внешности, характера, поведения *Толстой*, *Добрыня*, *Смирной* или имена, указывающие, которым по счету родился ребенок в семье: *Первой*, *Второй*, *Третьяк*. Чтобы уберечь новорожденного от сглазу, от наговоров, от злых духов, детям давали «плохие» имена *Бес*, *Лешук*.

Выбор имен при наречении ребенка был необычайно широк. Любое нарицательное слово использовалось в качестве личного имени, если оно было мотивировано либо определенными религиозными представлениями, либо обстоятельствами рождения ребенка.

Сохранилась запись одного из книжечиков XVI века, рассказывающая о «методике» именованья в древней Руси до регламентации личных имен христианскими святыми: «Первых родов и

времен человецы... до некоего времени даяху детям своим имена, якоже отец или мати отрочати изволит, или от взора и естества детица, или от времени, или от вещи, или от притчи... Такжеже и словяне прежде крещения их даяху имена детям своим сице: Богдан, Бажен, Первой, Второй, Любим и ина таковы...».

Христианство распространило на Руси личные имена в честь православных «святых». Церковь стала признавать только эти узаконенные, так называемые канонические имена. Дохристианские личные имена, как следы язычества, должны были исчезнуть.

Долгое время шла борьба против нецерковных имен. Памятники древнерусской письменности свидетельствуют о том, что вплоть до конца XVII века в народе продолжали бытовать русские дохристианские (нецерковные) имена наряду с официально принятыми христианскими (их еще называют календарными) личными именами.

Специальные исследования, посвященные изучению русской антропонимии (все именованья людей: личные имена, отчества, фамилии, прозвища,— определяются термином *антропонимия*, а отрасль знания, изучающая эти именованья, называется *антропонимикой*), отмечают, что замена нецерковных имен каноническими на разных территориях русского государства не была единовременным и равномерным процессом. Если в XV—XVI веках нецерковные имена были еще в повсеместном и всеобщем употреблении, то в XVII—XVIII веках они встречаются намного реже. При этом наблюдается такая закономерность: в среде простого народа древние традиции именованья сохраняются гораздо дольше, чем у представителей высших социальных слоев русского феодального общества (князей, бояр).

Традиционные понятия и обряды, мотивы наречения именем, овященные стариною и унаследованные от предков, долгое время прочно удерживались и в быту древних новгородцев. Анализ Новгородских берестяных грамот дает полное представление о составе древнерусской системы личных имен, поскольку в грамотах зафиксированы наиболее ранние личные имена и их формы.

Изучению личных имен в Новгородских берестяных грамотах XI—XV веков посвящены исследования Н. П. Черневой.

Сопоставляя данные Словаря Н. М. Тупикова (Словарь древнерусских личных собственных имен. 1903), являющегося самым основательным собранием древнерусских имен, с исследованиями Н. П. Черневой (Личные имена в Новгородских берестяных грамотах. 1971), убеждаемся, что состав некалендарных личных имен в прошлом был намного богаче.

Среди личных имен в Новгородских берестяных грамотах встречаются, по данным Н. П. Черневой, 65 древнерусских имен,

не вошедших в Словарь Тушикова: Борислав, Воила, Гостята, Деица, Добромир, Жизномир, Зубер, Мал, Твердята, Ярыш и другие.

Не только в XI—XV веках, но и в XVII веке вполне обычны случаи употребления древнерусских личных имен нецерковного происхождения на новгородской территории. Об этом убедительно свидетельствуют Новгородские записные кабальные книги XVI—XVII веков. (Большую научную ценность имеют труды А. Н. Мирославской, посвященные изучению новгородской антропонимии этого периода.)

Собственные имена Новгородских писцовых книг XV—XVI веков существенно дополняют историю развития новгородской антропонимии.

Писцовые книги — памятники деловой письменности, появившиеся в результате государственных переписей XV—XVII веков. В них записаны основные данные для податного обложения: сведения о получаемых в каждом хозяйстве доходах и выплата крестьянами оброка великому князю (царю) и помещику. Составлялись эти книги в пределах определенной территории.

Новгородские писцовые книги представляют собой опись Новгородской земли, составленную московскими писцами после присоединения Новгорода к Москве в 1478 году. Как известно, до этого времени Новгород с прилегающей к нему территорией образовывал самостоятельную феодальную республику.

В Новгородских писцовых книгах содержится перечень имен взрослого «тяглого» (несущего оброк) населения: крестьян — хозяев двора («дворников»), их детей мужского пола, а также женщин-вдов, ведущих самостоятельное хозяйство. Приведем одну из таких записей Новгородских писцовых книг: «Селцо Ситно: а въ немъ дв. княж Андрѣвъ, а в немъ самъ живетъ; а людей его: дв. Ивашко, дв. Филка, дв. Васко, дв. Гридка, дв. Бѣсъ, дв. Каша съють ржи 7 коробей, а сына косятъ 80 копенъ, 3 обжы; старого дохода не было; былъ въ немъ дв. боярской...; Дер. Горка: дв. Юрка Гридинъ, дв. Филистко Омельянковъ, дв. Оксинка вдова, съють ржи 5 коробей, а сына косятъ 40 копен...».

Эти, на первый взгляд, довольно скудные сведения способны рассказать многое из истории народа, о занятиях людей этой эпохи, о характере феодального землевладения, о бытовых традициях, в частности, о дохристианских традициях именования.

Рядом с Ивашками, Алферками, Митрохами, Микулами живут на новгородской земле XV—XVI веков *Некрасы, Неждань, Ушаки* и *Милюты*.

По-прежнему, ребенка, родившегося первым, называют *Первой*; остальных — по порядку рождения: *Второй, Третьяк, Четвертой, Шестой, Семей*... Личные имена этой группы представлены

основами нарицательных порядковых числительных в пределах первого десятка. Интересны вариации названных имен в их уменьшительно-ласкательных формах. Например, от имени *Первой* — *Первушка*, *Первыш*. Личное имя *Второй* имеет вариант *Другой* — в значении 'второй', от которого образованы такие его формы, как *Другиня*, *Друган*. *Трегьяка* называли ласково *Трегьячко*, *Четвертого* — *Четыркой*, *Пятого* — *Пятуней* и т. д.

Нежные и радостные чувства родителей к ребенку выражены в именах *Дорог*, *Ждан*, *Хотен*, *Прибыток*, *Пеждан*.

В древней Руси для защиты новорожденного от болезней производили специальный обряд «подмены». Ребенка выносят из избы, затем посторонний человек, принявший ребенка как бы уже совсем другого, приносит его вновь в избу, поздравляет родителей с новорожденным, которому тут же дают новое имя — *Найден*, *Подкидыш*, *Ненаш*. Судя по данным Новгородских писцовых книг, такой обычай именованья сохранился и у новгородцев, живших в XV веке. Об этом говорят имена *Несвой*, *Нехощ*, *Даровой*.

Существовали имена «обереги», которые, по древним верованиям, были защитными. Они обычно образовывались от нарицательных слов с отрицательным лексическим значением. Бытовали такие имена и среди новгородцев: *Неклюд* (в современных говорах русского языка *неклюжий* — 'неуклюжий, некрасивый, невзрачный', Словарь В. И. Даля), *Невзор* — от нарицательного *невзора* — 'неказистый, некрасивый' и другие. С ними связывалась вера человека в то, что «плохое» имя послужит защитой от всякого зла.

В именах *Лобан*, *Голован*, *Ушак*, *Глазастой* и подобных, широко популярных в народе, запечатлены наиболее яркие особенности носителя имени.

Личным именем *Булгак* называли, очевидно, беспокойного ребенка: в говорах русского языка *булгачить* означает 'тревожить, беспокоить, будоражить, полошнить, баламутить' (Словарь В. И. Даля).

Многие нецерковные личные имена, отмеченные у новгородцев, отражают особенности, характерные для детского возраста; *Леляка* — от глагола *лелякать*, что означает 'докучать просьбой' (В. И. Даль), *Кикя* — от глагола *кикать* в значении 'плакать, горевать'.

Ребенка могли назвать *Батурой* (от *багура*, *обатур* — 'упрямец, непослушный'), *Бесстужем* (в словаре В. И. Даля дается такое пояснение: «безстудный, безстудливый, безстужий или бесстыдный, бесстыжий» — о человеке), *Копылом* (*копылиться* — 'ломаться, упрямиться, чваниться'), *Ярухой* — от *ярый* в значении 'сердитый, злой, лютый'.

Таким образом, на новгородской территории XV—XVI вексы продолжают сохраняться традиционные мотивы наречения именем, унаследованные народом от его далеких предков.

Может возникнуть вопрос: неужели крошечного младенца, способного вызвать только положительные эмоции, могли называть в старину такими странными, в некоторых случаях даже обидными личными именами? Да и имена ли это? В наши дни мы оценили бы их как прозвища.

В специальной литературе долгое время велась полемика относительно сущности подобных личных именовании. Н. М. Тупиков, составитель первого значительного словаря древнерусских личных имен, считал, что русские нецерковные имена и в XV—XVII веках употреблялись подобно христианским в значении личных имен, а не прозвищ. И хотя эта точка зрения оспаривалась некоторыми учеными, в частности В. К. Чичаговым, утверждавшим, что в XV—XVII веках все русские имена дохристианского происхождения имели значение прозвищ, современные исследования по истории русской антропонимии доказали правоту Н. М. Тупикова в этом научном споре. Наблюдения А. Н. Мирославской и В. А. Никонова, проведенные на большом антропонимическом материале, позволили еще раз прийти к выводу: нецерковные имена и в XVI—XVII веках выступали наряду с узаконенными христианскими в качестве личных имен. В дальнейшей истории русской антропонимии древнерусские нецерковные имена станут восприниматься носителями русского языка в качестве прозвищ (в нашем современном восприятии этого слова). Произойдет это в то время, когда заимствованное христианское имя станет осознаваться как единственно возможное для именовании личности. Постепенно изменяется отношение к древним именам исконно русского происхождения. В новом восприятии на фоне христианских имен они стали обладать яркой экспрессивностью, что не было характерно для них раньше: в устах любящей матери ласково, с некоторой иронией или шутливо называющей своего ребенка *Батурой* или *Копылом*, *Ярухой* или *Гневашом*, эмоционально-экспрессивное значение было иным, нежели в современных прозвищах.

Сохранившиеся в памятниках письменности древнерусские личные имена дохристианского происхождения говорят о самых разнообразных мотивах наречения именем, бытовавших на Руси, о богатстве языкового творчества и изобретательности русского народа.

Отголоски древних личных имен звучат во многих современных фамилиях: Батурии — от Батура, Третьяков — Третьяк, Найденов — Найден, Неклюдов — Неклюд, Ярцев — Ярец и других.

Р. Л. СЕЛЬВИНА

Элиста

Ф. И. БУСЛАЕВ — ПЕДАГОГ

«Родной язык так сросся с личностью каждого, что учить оному значит вместе и развивать духовные способности учащегося».

О преподавании отечественного языка

В речи на торжественном заседании Казанского общества археологии, истории и этнографии 28 сентября 1897 года профессор Е. Будде сказал: «В 1818 году в Керенске, уездном городке Пензенской губернии, родился тот самый ученик Белинского — Буслаев, имя которого через 30 лет сделалось уже известным всей России; к этому времени окреп его авторитет, и не прошло после этого и девяти лет, как вся грамотная Россия добровольно признала в Ф. И. Буслаеве своего учителя по предмету отечественного языка... Его мысли и взгляды облетели все уголки России и проникли в общество чрез его непосредственных учеников и слушателей» (Е. Будде. О заслугах Ф. И. Буслаева как ученого лингвиста и преподавателя. Казань, 1898).

Детство и юность Ф. И. Буслаев провел в Пензе, в среде, как об этом он сам говорил, провинциального мелкого люда. Отец его умер в 1825 году. Большое влияние на формирование его характера оказала мать, женщина малообразованная, но чрезвычайно жизнерадостная, деятельная.

В 1828 году Ф. И. Буслаев поступает в гимназию. Этот период занимает в жизни Ф. И. Буслаева особое место. В 1-м классе гимназии преподавал в то время грамматику В. Г. Белинский, оказавший серьезное влияние на лингвистические взгляды Ф. И. Буслаева.

В 1833 году, закончив гимназию, Ф. И. Буслаев упорно готовится к сдаче экзаменов в Московский университет. Не имея средств на содержание сына, мать добивается его зачисления в число учащихся, принятых на содержание казны.

Среди преподавателей университета большое влияние на формирование взглядов Ф. И. Буслаева оказали профессоры С. П. Шевырев, М. П. Погодин. По признанию Буслаева, именно Погодин научил его «читать и разбирать наши старинные рукописи», помог в овладении методами научного исследования.

После окончания университета Ф. И. Буслаев работает учителем в домашних школах известных аристократов — Боде, Самарина, Строганова.

В формировании педагогических взглядов Ф. И. Буслаева эти школы имели важное значение: они были лучше обеспечены средствами, чем государственные, не подвергались полицейскому надзору. Это обстоятельство давало ему возможность применять более передовые приемы обучения и воспитания, воздействовать на своих воспитанников в желаемом направлении.

В 1839 году Ф. И. Буслаев едет за границу. Путешествие по Европе, знакомство с искусством Италии оказали серьезное влияние на его научные взгляды. Он с увлечением изучает древнее искусство, пишет ряд работ по археологии, древней живописи.

В 1841 году Ф. И. Буслаев начинает преподавать русский язык в 3-й Московской реальной гимназии. Каждое свое теоретическое положение он проверяет на практике, составляет ряд циркуляров и статей по обучению русскому языку, посещает школы, знакомится с опытом лучших преподавателей. Итогом этой огромной работы и явилась его книга «О преподавании отечественного языка», которая вышла отдельным изданием в 1844 году. Учителя искренне приветствовали ее, отмечали новизну, смелость идей ученого, ее большое значение для совершенствования обучения русскому языку в школах и гимназиях России.

Оценивая этот труд ученого, профессор Е. Будде говорил в своей речи 28 сентября 1897 года: «Буслаев вдохнул живую душу в преподавание и преподавателей русского языка; он дал нам грамматику современного нам русского языка, а не чужого».

Педагогические взгляды Ф. И. Буслаева явились выражением прежде всего его гуманистического мировоззрения, сложившегося в 40-е годы XIX века под влиянием В. Г. Белинского. Он естественно не мог принять ту бездушную систему обучения и воспитания, которая господствовала в царской школе. В своих воспоминаниях Буслаев пишет: «Мы все возрастали, формировались и преуспевали под

давлением внушительного страха, как пачала всякой премудрости... Нам говорили: меньше думай и больше слушайся того, кто тебя старше и потому умнее, не верь всякой правде, чтобы не нажить беды...» (Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания. М., 1897).

Поэтому не случайно, что в книге «О преподавании отечественного языка» личность учащегося занимает центральное место.

Залогом успешного преподавания родного языка в школе должна была стать, по мнению Ф. И. Буслаева, не только любовь к науке, предмету, но и любовь к личности учителя, к школе. В «Моих воспоминаниях» Ф. И. Буслаев советует начинающему учителю прежде всего «воспитать в ученике охоту к серьезным занятиям и пробудить любовь к серьезной науке», при этом стремиться к тому, чтобы «с первого же разу не причинить ни малейшего насилия способностям (ученика) скукою и чересчур напряженным трудом». Эти мысли Ф. И. Буслаева не были простой декларацией. Он сам был прекрасным образцом педагога-гуманиста. Профессор Е. Будде пишет: «Его личность настолько обаятельна, его лекции были настолько полны жизни и силы, что привлекали массу студентов разных факультетов... Буслаев жил сам в своих лекциях, влагая в них свою личность и душу... Это был профессор-поэт» (Е. Будде. О заслугах Ф. И. Буслаева как ученого лингвиста и преподавателя. Казань, 1898).

Успех лекций у слушателей нельзя объяснить только обаянием личности Ф. И. Буслаева. Будучи общепризнанным ученым, Ф. И. Буслаев всегда с огромной тщательностью готовился к занятиям. В «Моих воспоминаниях» он рассказывает: «Накануне лекции весь день я употреблял на составление и тщательную обработку того, что завтра утром буду излагать своему слушателю... Я не читал ему написанное из принесенных с собою листов, а соображаясь с ними, время от времени давал своей лекции форму более оживленной беседы, вызывая его на вопросы в тех случаях, когда, как мне казалось, возможно было с его стороны какое-либо недоразумение».

Такая огромная требовательность к себе понятна, ибо Ф. И. Буслаев был убежден, что учитель не только упражняет и развивает способности ученика, но и «образовывает», формирует их. Отсюда, по его мнению, и недостаток грамматик Востокова и Греча,— смотревших «на грамматику только с ученой стороны, не обращая внимание на

учебную, забывая личность учащегося: между тем как постепенное развитие сей последней составляет важнейшую часть отечественной грамматики» (О преподавании отечественного языка).

Изучение родного языка, как утверждал Ф. И. Буслаев, не должно преследовать только учебные, познавательные цели. Изучая отечественный язык, ученик должен был приобщиться к истории своего народа, к его литературе и искусству, стать «истинным соучастником своего народа и наследником его духа». В то же время, считает ученый, крайне целесообразно изучать в школе не только родной язык, но и иностранные, чтобы воспитать «мировых граждан в добром смысле, которые, хотя больше всего любят свою отчизну и служат ей, однако, умеют ценить все истинное, благое и прекрасное, наслаждаться и пользоваться всем, что предлагают чуждые народы, отделенные от нас пространством и временем».

Ф. И. Буслаев выступает как противник формального заучивания знаний. Он писал: «Нет ничего вреднее в педагогическом отношении, как чрезмерное преобладание утомительного для ума и памяти, бесплодного заучивания наизусть грамматических правил, отрешенных от живой, осмысленной речи...» (Ф. И. Буслаев. Общий план и программы обучения языкам и литературе в женских средних учебных заведениях. СПб., 1890).

Ф. И. Буслаев «в основу преподавания и изучения ставит образцы и памятники, т. е. приучает учащихся к наблюдению фактов, развивая в них точное и фактическое знание, а не поверхностное фразерство о том, чего учащийся не видал и не читал» (Е. Будде. О заслугах Ф. И. Буслаева как ученого лингвиста и преподавателя. Казань, 1890).

Ф. И. Буслаев учил мыслить ребенка на конкретном материале, отрицал изучение языка вне связи с содержанием, с конкретными предметами и явлениями окружающего мира. В изучении языка, указывал ученый, должно быть одновременное, систематическое развитие всех сторон личности ученика, а первостепенную роль в решении этой важной задачи должен сыграть учебник русского языка.

Не утратила значения и мысль Ф. И. Буслаева о том, чтобы грамматическое правило иллюстрировалось отрывками «из писателей образцовых», причем в каждом таком отрывке, используемом на уроке, мысль должна быть четко выражена.

Большое внимание он уделяет также и вопросам развития культуры речи учащихся, особенно устной, считая, что это необходимое условие сознательного усвоения грамматики. Ф. И. Буслаев выступал за такую систему в работе, которая бы обеспечивала изучение грамматики одновременно с развитием мышления и культуры речи учащихся. Не утратила до сих пор своего значения мысль ученого о сочетании лингвистического аспекта в изучении языка с филологическим. Следует сказать, что эта мысль Ф. И. Буслаева о взаимосвязи уроков русского языка с уроками литературы остается актуальной и в наше время.

Не менее актуально звучит и следующий совет знаменитого педагога: «Отечественный язык... должен преподаваться гейристически: формы устарелые сближать с теперешними, чуждые с родными, и намеками заставлять, чтобы сами ученики открывали неизвестное посредством известного».

Книга «О преподавании отечественного языка» оказала огромное влияние на прогрессивную педагогическую мысль в России. В 1852 году Ф. И. Буслаеву поручается реорганизация преподавания русского языка и словесности в военных учебных заведениях. Результатом большой работы ученого по пересмотру программ, учебных пособий явилась его работа «Опыт исторической грамматики». Говоря о значении данной работы, профессор Е. Будде отмечал: «Сказать о языке в то время то, что сказал Буслаев, было новостью; ввести в грамматику народный язык с его говорами и искать в них научного освещения нашего литературного языка, предсказать путь развития русской лингвистики на почве изучения народных говоров,— было делом пророческого чутья и глубокого понимания науки с ее перспективами».

1860 год был знаменательным для всей научной и педагогической деятельности Ф. И. Буслаева — он избирается в члены Академии наук.

Разгул реакции в 80-е годы коснулся и знаменитого ученого. В 1881 году Ф. И. Буслаев оставляет университет. Болезненно переживает он политические репрессии против прогрессивных профессоров и студентов. Последние годы он посвящает изучению миниатюр на старинных книгах. Эти работы принесли ему мировую известность.

В 1888 году Ф. И. Буслаев ослеп. Тяжелая болезнь не сломила его. Он диктует свою последнюю книгу «Мои воспоминания». Мечтал он написать и еще одну работу, в ко-

торой хотел изложить свои педагогические взгляды, но смерть ученого в 1897 году помешала осуществить этот замысел.

Горьким обвинением царской школе прозвучали в 1903 году слова академика Шахматова: «Завет великого учителя до сих пор не исполнен. До сих пор школа не уделила должного внимания отечественному языку, совершенно пренебрегая теми живыми источниками, на которые направлял преподавание Буслаев. Не настало ли, наконец,

---

СРЕДИ КНИГ

Е. А. Левашов,
В. П. Петушков.

ЛЕНИН И СЛОВАРИ

Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда.

В. И. Ленин

Вышедшая из печати книга Е. А. Левашова и В. П. Петушкова «Ленин и словари» (Л., изд-во «Наука», 1975) посвящена одной из малоизученных сторон деятельности Владимира Ильича Ленина — его активной роли в создании первого послереволюционного словаря русского литературного языка для массового читателя. В книге представлены такие темы, как Ленин — вдумчивый читатель энциклопедий, Ленин — автор образцовых энциклопедических статей, Ленин — знаток двуязычных словарей своего времени, Ленин — неизменный ценитель Словаря В. И. Даля.

Владимир Ильич всегда живо интересовался изучением языков, любил работать со словарями. Так, например, Словарь В. И. Даля постоянно находился в Кремлевской библиотеке Ленина на этажерке-вертушке в числе самых необходимых книг. Но не только как справочник использовал его Ленин. Составленный великим энтузиастом и почитателем русского народного слова, отражающий психологию русского крестьянина, Словарь Даля возбуждал у Владимира Ильича и чисто филологический интерес. «Он часто, отдыхая, брал словарь В. И. Даля и очень внимательно изучал

время обновления нашей школы, полного отречения от схоластики и введения в преподавание живых и плодотворных методов» (Труды 1-го съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях. СПб., 1904).

Время «обновления нашей школы» началось только при Советской власти, которая по-настоящему смогла оценить значение трудов великого педагога-мыслителя для воспитания нового человека.

П. С. ПУСТОВАЛОВ

его, — вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич, — ... читал его и высказывал свое восторженное изумление перед разнообразием эпитетов и другими образными выражениями русского языка».

Основное внимание авторов сосредоточено на истории создания первого образцового словаря современного русского литературного языка. Революция поставила актуальную задачу — в кратчайший срок просветить неграмотные слои населения. Именно поэтому уже в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин видел насущную необходимость в создании такого словаря. Нужда в подобном словаре объяснялась и сугубо языковыми причинами. Бурная послереволюционная эпоха столкновения нового и старого в общественно-политической жизни вызвала невиданные до тех пор языковые новации, которые не всегда были оправданы. Кроме того, дореволюционная Россия не оставила образцового словаря

русского литературного языка.

Необыкновенная чуткость В. И. Ленина к чистоте родного языка позволила ему определить объем будущего словаря современного русского литературного языка: «Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького» (Письмо В. И. Ленина А. В. Луначарскому, 18 января 1920). Каким же видел Владимир Ильич новый словарь? Толково-нормативным словарем образцового современного русского литературного языка, компактным, удобным в обращении, массовым, следующим новой орфографии и, наконец, иллюстрированным.

История организации и создания толкового словаря, изложенная в книге, читается с большим интересом. Это достигается удачной композицией богатого и интересного материала, поданного в стиле репортажа. Авторы делают нас, современных читателей, соучастниками тех далеких вол-

нующих событий. Читателя поражает то, что в мае 1921 года Владимир Ильич решает вопрос о замене продразверстки, обусловленной тяжелейшей ситуацией эпохи гражданской войны, продналогом и в то же время четыре раза обращается к руководству Наркомпроса по поводу создания словаря.

По заданию В. И. Ленина было создано Организационное бюро, занимавшееся составлением и изданием словаря, преобразованное впоследствии в Редакционный комитет. К созданию словаря были привлечены такие выдающиеся ученые, как Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, М. Н. Петерсон, А. М. Пешковский, С. П. Обнорский, Л. В. Щерба и другие, а также молодые, ставшие в дальнейшем известными учеными, — Н. К. Гудзий, Д. Д. Благой, И. Г. Голанов, Б. В.

Горнунг, А. А. Реформатский, Г. О. Винокур и другие. Владимир Ильич проявлял постоянный интерес к работе Редакционного комитета, требовал ежемесячных отчетов и был недоволен, если работа замедлялась или приостанавливалась.

К сожалению, при жизни В. И. Ленину не пришлось увидеть осуществленным свой замысел. Лишь спустя годы заветы Владимира Ильича по созданию образцового словаря современного русского литературного языка нашли воплощение в жизни.

Своеобразным откликом на пожелание В. И. Ленина был выход в свет четырехтомного «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935—1940). В этом словаре были учтены некоторые требования, в свое время предъявляемые В. И. Лениным к будущему словарю, и в частности такие, как объем словаря (лексическое богатство литературного языка от Пушкина до Горького). В нем также проявилось стремление авторов придать словарю характер образцового и нормативного.

Ленинские принципы компактности и массовости в известной мере были реализованы одним из видных советских лексикографов С. И. Ожеговым в его однотомном толковом «Словаре русского языка», вышедшем в свет в 1949 году. Это первый и пока единствен-

ный в русской лексикографии послеоктябрьского периода нормативный общедоступный словарь, призванный содействовать повышению культуры речи широких народных масс. Одиннадцатое издание Словаря говорит о его широкой популярности.

С развитием литературы, науки, ростом культурного уровня советского народа возникла также необходимость в создании многотомных словарей русского литературного языка академического типа. В лучших традициях академической науки созданы семнадцатитомный толковый «Словарь современного русского литературного языка» (1950—1965), удостоенный Ленинской премии, а также четырехтомный «Словарь русского языка» (1957—1961). Издание разного рода филологических словарей (двуязычных, орфографических, синонимических, этимологических и других) в наше время стало общегосударственным делом. За годы Советской власти вышло в свет свыше четырех тысяч словарей.

В книге Е. А. Левашова и В. П. Петушкова «Ленин и словари» приводится много ценных фактов, в поисках которых авторам пришлось проделать большую работу (следует указать на допущенную неточность — Д. Н. Ушаков ошибочно назван учеником Л. В. Щербы). В целом книга

написана живо и эмоционально и читается с огромным интересом. Авторы открыли нам малоизвестную страницу из многосторонней деятельности Владимира Ильича.

*В. К. СОРОКИНА,
Н. И. ХРЕНОВА,
научные сотрудники
Института русского языка
АН СССР*

**Д. Э. Розенталь,
М. А. Теленкова.**

СЛОВАРЬ ТРУДНОСТЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

В 1976 году в издательстве «Русский язык» вышел в свет новый «Словарь трудностей русского языка». Словарь предназначен для широкого круга читателей, которые будут пользоваться словарем в разных условиях, с различными целями, в поисках ответа на разнообразные интересующие их вопросы.

В практике устной и письменной речи нередко возникают затруднения самого различного характера. Многие из них могут быть разрешены с помощью уже имеющихся справочных пособий.

Однако эти издания по всегда имеются под рукой или не всегда известны современному человеку, навещающему справку.

Авторы «Словаря трудностей русского языка» постави-

СЛОВАРЬ ТРУДНОСТЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

ли перед собой задачу создания единого словаря, включающего распространенные языковые трудности. Его отличие от других словарей подобного типа состоит прежде всего в расширении материала «трудностей» (при сохранении небольшого объема словаря). Сложным является и определение самого понятия «языковая трудность». Объективный критерий этого понятия непрост, если иметь в виду, что словарь предназначен для широкого круга читателей с различными знаниями, навыками и подготовкой. В словарь включена главным образом общеупотребительная, отчасти специальная, наиболее распространенная, лексика. Он содержит около 30 тысяч слов. В словаре нашли отражение трудности самого различного характера.

Орфографические: на-

писание слов с непроверяемыми и трудно проверяемыми безударными гласными (*бечевка, наваждение, снегурь, пескарь*); написание слов с гласной в корне после шипящих и *ц* (*желоб, трущоба, панцирь, цигейка*); слова с сомнительными и непроизносимыми согласными (*изморозь — изморось*); сложные слова со слитным, раздельным и дефисным написанием (*внакидку, навывнос, без удержу, на скаку, по-прежнему, с бухты-бараты*) и другие.

Орфоэпические: прежде всего постановка правильного ударения (*твѳрог — творѳг, диѳлог — диалѳг, кѳта — кетѳ, характѳрный — харѳктерный, подвижной — подвижный, ѳголь — ѳгль* (род. пад.) и т. д.); некоторые другие произносительные трудности: твердое или мягкое произношение согласных перед *е* в словах иноязычного происхождения (*декан, тема*), произношение групп согласных в словах типа *большевистский, голландский*.

Грамматические трудности, возникающие при употреблении слов в словоизменении, формообразовании, словообразовании, словосочетаниях (*в бтпуске — в отпуску, килограмм — килограм, медленен — медлен, двигаю — движу, обуславливать — обуславливать, вольер — вольера; две большие комнаты — две больших комнаты*).

Лексические трудности, связанные с употреблением слов в предложении в соответствии с точным их значением, сферой употребления, особенно в словах, близких по звучанию (*плотничий* — *плотнички* — *плотнический* — *плотничный*; *ритмический* — *ритмичный*; *синхронный* — *синхронический* — *синхроничный* — *синхронистический*; *упаднический* — *упадочный*).

В словаре отражены и некоторые пунктуационные трудности, которые могут быть представлены в словарном порядке, например, постановка запятой перед союзом *как* и при обособлении оборотов с предлогами *благодаря*, *ввиду*, *вместо*, *несмотря на* и другими (см. словарные статьи с названными словами).

Во многих случаях дается стилистическая характеристика слов, словосочетаний, форм, конструкций, производительных вариантов (книжное, нейтральное, разговорное, просторечное). Даются пометы, указывающие на сферу распространения слов (общеупотребительное, профессиональное, областное, устарелое), даются рекомендации нормативного характера.

Словарные статьи могут состоять лишь из одного слова — с производительными, грамматическими и стилистическими пометами. В этих случаях читатель может навести справку о написании слова или по-

лучить информацию о его произношении, грамматических формах и стилистическом употреблении: *Темп* [доп. тэ]. *Избрáнник* [не избра́нник]. *Магази́н* [не мага́зин]. *Льдообразова́ние*. *Луч*. -ча́, тв. -чóm. *Нетка́ный*, прил. *Одея́льце*, род. мн. одея́лец [не одея́льцев]. *Огло́хнуть*, прош. огло́х, огло́хло. *Огло́хший* [устар. огло́хнувший]. *Нетерпéж*, -жа́, тв. -жо́м. Прост. *Темь*, -и. Разг. (ср. нейтр. *тьма*). *Парашюти́ровать* [шу], -и́рую, и́руешь, Спец. *Яменосло́в*. Устар. *Иммане́нтный*. Книж.

В других случаях словарная статья представляет собой сопоставление или противопоставление двух, трех и более слов с точки зрения их значения, словоупотребления, написания, произношения. Например:

Подде́ржа́ние — *Подде́рка*.
Различаются значением.

Подде́ржа́ние. Принятие мер к тому, чтобы не дать чему-л. прекратиться, нарушиться.
Подде́ржание *порядка*.

Подде́рка. Оказание помощи, содействия. *Подде́рка* *справедливой борьбы*.

Думается, что новый «Словарь трудностей русского языка» — хорошее и полезное справочное пособие для многих читателей.

Н. Т. ШЕЛИХОВА,
научный сотрудник
Института русского языка
АН СССР

«Вот стихи, а все понятно,

Как часто используем мы в разговорной речи крылатые слова, которыми обогатила наш язык русская поэзия!

Но вряд ли каждый, кто к случаю произносит фразы: «Во всех ты, душенька, нарядах хороша», «А ларчик просто открывался», «Наделала синица славы, а море не зажгла», «Счастливые часов не наблюдают», «Он слова умного не выговорил с роду» и т. д., — вспоминает при этом, что слова эти принадлежат И. Богдановичу, И. Крылову, А. Грибоедову.

Стремление к лаконизму, афористической выразительности стихотворной строки характерно и для советской поэзии. Примеров можно приводить много. Наиболее впечатляющим, на наш взгляд, образцом использования народных выражений является поэма А. Т. Твардовского «Василий Теркин».

«Книга про бойца» выходила в годы войны отдельными главами. Читатели-фронтовики находили в ней исключительно точное, правдивое выражение своих мыслей и чувств.

Поэма, говоря словами ее автора, вместила в себя «грозные и печальные события войны». Поэт, создавая «Теркина», стремился «к известной законченности каждой отдельной части, главы, а внутри главы — каждого периода, строфы и строчки» (А. Твардовский. Как был написан «Василий Теркин», М., 1952). «Мучительная кропотливость» в работе поэта над произведением обеспечила ту легкость, с которой читается «Книга про бойца», и афористичность многих ее строф и строк.

Здесь важно отметить, что поэт «перелил» в стихи живой разговорный язык, ибо многие главы — это рассказы Василия Теркина, вчерашнего колхозника, земляка поэта,

Все на русском языке...»

о фронтовых буднях, а в «авторском» тексте мы опять-таки ощущаем стихию народного, «теркинского» языка.

Эта народность ощущается и в лексике, и в использовании народных идиоматических выражений («хватать-похватать, пропал и след», «книги в руки», «дело было на мази»), и в «придании» словам ударений, характерных для разговорной речи («Зря инстру́мент не кори», «Запропа́стился куда-то»). Не случайно автор в конце поэмы как бы от лица «вероятного» читателя говорит:

Вот стихи, а все понятно,
Все на русском языке...

Действительно, адресуя свою поэму людям переднего края, автор стремился говорить предельно ясно и доходчиво. Простота, чеканность языка с использованием народного юмора требовались и при создании главного героя поэмы — Василия Теркина.

Теркин — отважный, не унывающий ни при каких обстоятельствах воин, чувствующий себя в ответе «За Россию, за народ и за все на свете». Он изведal трудные дороги отступления, своими ногами познал, «до чего земля большая, величайшая земля», но и в горькие для страны дни сохранил оптимизм, веру в грядущую победу: «Срок придет, назад вернемся, что отдали — все вернем» (цитируется по изданию: А. Твардовский. Василий Теркин. — Собрание сочинений в 4-х томах. М., 1959).

Своей отвагой и веселым словом он зовет товарищей к подвигу, скрашивает их тяжелые, сулящие ежеминутно смерть армейские будни: «В муках тверд и в горе горд, // Теркин жив и весел, черт!».

Естественно, что в книге, неотрывной «от реального дела защиты народом родины, от его подвига на войне», не-

мало крылатых строк, определяющих существо боевых действий и Великой Отечественной войны в целом: «Бой идет святой и правый. Смертный бой не ради славы, // Ради жизни на земле»; «Грянул год, пришел черед, // Нынче мы в ответе // За Россию, за народ // И за все на свете»; «Вот Европа, а спасибо // Все по-русски говорят».

Война обострила чувство патриотизма у каждого советского человека. Гордость за свою «величайшую землю», родную Россию особенно сильно выражена в лирически теплых авторских словах поэмы: «Мать-земля родная наша, // В дни беды и в дни побед // Нет тебя светлей и краше // И желанней сердцу нет».

Любовь к Родине советские воины показывают в смертных боях с ненавистным врагом, в отношении к служебному долгу. И на этот счет в поэме есть немало афористически отточенных строк: «Хоть бы что ребятам этим, // С места — в воду и огонь»; «Есть закон — служить до срока. // Служба — труд, солдат не гость. // Есть отбой — уснул глубоко, // Есть подъем — вскочил, как гвоздь. // Есть война — солдат воюет. // Лют противник — сам лютой. // Есть сигнал: вперед!.. Вперед. // Есть приказ: умри. — Умрет».

Естественно, что самые яркие краски, самые выразительные слова, в том числе и крылатые, используются для характеристики главного героя. Теркин — «парень сам собой он обыкновенный». Но этот парень — «на войне лихой солдат», отважный боец, знающий цену шутке-прибаутке и умеющий ею приободрить товарищей. Нельзя не вспомнить хотя бы некоторые строки, представляющие нам главного героя: «Я не первые ботинки // Без починки здесь ношу»; «Я ж сказал, что я не гордый, // Я согласен на медаль»; «Это значит — Теркин дома, // Теркин снова на войне»; «Не подвержен Теркин смерти, // Коль войне не вышел срок...»; «По уставу каждой роте // Будет придан Теркин свой»; «В бой, вперед, в огонь крошечный // Он идет, святой и грешный, // Русский чудо-человек».

«Теркин» был для А. Твардовского во взаимоотношениях с читателем его «публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю».

Поэт создавал свое произведение, общаясь с читателем — воином на переднем крае, в солдатской землянке или траншее. Он хорошо знал детали фронтового быта, солдатские шутки-прибаутки, слова, рожденные войной. Поэтому

поэма насыщена армейским фольклором, образными солдатскими речениями, афоризмами, которые метко характеризуют будни войны, солдатский быт. Вот лишь несколько примеров ярких, образных выражений, крылатых слов: «Дремлет, скорчившись пехота, // Сунув руки в рукава»; «Под обрывом ждут рассвета, // Греют землю животом»; « — Вот что значит парню счастье, // Глядь — и орден, как с куста!»; « — Ничего, с земли не стонят, // Дальше фронта не пошлют...»; «У войны короткий путь, // У любви — далекий»; «Низко смерть над шапкой свищет»; «Города сдают солдаты, // Генералы их берут»; «Хорошо идет пехота, Раз колеса отстают»; «Ордена, медали в ряд // Жарким пламенем горят» и т. д. Не трудно заметить, что в основе некоторых афоризмов — солдатская шутка, которая вселяла в читателя-бойца бодрость.

Поэт и сам на протяжении поэмы не раз отмечал, как велика роль шутки для создания хорошего настроения у людей переднего края.

Уже в самом начале поэмы, как бы предопределяя ее характер, он сказал: «На войне одной минутки // Не прожить без прибаутки, // Шутки самой немудрой». А в конце поэмы поэт вновь обратился к характеристике своего художественного замысла: «Я мечтал о сущем чуде: // Чтоб от выдумки моей // На войне живущим людям // Было, может быть, теплей».

Замысел поэмы — и это подтвердила история — полностью удался. Василий Теркин воспринимался читателем как свой брат-фронтовик, с которым легче бить врага. Бойцы бросались вместе с ним в ледяную воду, стреляли по вражеским самолетам, вступали в единоборство с фашистами, не теряли бодрости духа. Когда по сюжету поэмы Теркин попал в госпиталь, бойцы написали автору письмо, выражая свое недоумение по этому поводу. «Как Теркин попал в госпиталь?.. Что он — простудился и с насморком попал в госпиталь? — Так наш Теркин не таковский парень. Теркин должен быть всегда с нами на передовой, веселым, находчивым, смелым и решительным малым... С приветом! Ждем скорее из госпиталя Теркина» (А. Твардовский. Как был написан «Василий Теркин»).

Да, Теркин стал для фронтового читателя примером смелого, отважного бойца, образцом патриотического служения Родине. И недаром в читательской среде родилась в военные годы поговорка: «Будь предан России, как Теркин Василий».

Л. А. БУЧЕНКОВ

«В дурном обществе (Из детских воспоминаний моего приятеля)» В. Г. Короленко почти целиком написал в Якутской ссылке. В 1885 году в Петербурге в Доме предварительного заключения он дорабатывал рассказ и в этом же году опубликовал его в девятом номере «Русской мысли». Тема и место работы не могли не придать произведению оттенка трагизма, печали, задумчивости.

В основу повествования легли картины детства и ранней юности художника. «Тюрьма, лучшее архитектурное украшение города», развалины замка, часовня в городе Князьеве — это воспоминания Короленко о городе Ровно.

Повествование отличается художественной простотой, ясностью и лаконизмом. «Моя мать умерла, когда мне было шесть лет» (цитируется по изданию: В. Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 2, М., 1954). «Все было как-то смиренно, тихо, заброшено, пусто... Близилась осень. В поле шла жатва, листья на деревьях желтели. Ясные дни миновали, и Марусе опять стало хуже... За окнами возились воробьи, а с речки доносился мерный плеск весел...». Писатель был очень

РАССКАЗ
В. Г. КОРОЛЕНКО
«В ДУРНОМ
ОБЩЕСТВЕ»

взыскательным художником. «Простоты, простоты» требовал Короленко и от молодых литераторов.

Один из начинающих авторов написал: «Проплыла под ногами площадь» — Короленко поправил: «Просто «Шел по площади».

В рассказе «В дурном обществе», раскрывая тему классового расслоения, автор использует все богатство языковых средств. Очень разнообразны в рассказе сравнения:

«Это было бледное, крошечное создание, напоминавшее цветок, выросший без лучей солнца... Несмотря на свои четыре года, она ходила еще плохо, неуверенно ступая кривыми ножками и шатаясь, как былинка; руки ее были тонки и прозрачны; головка покачивалась на тонкой шее, как головка полевого колокольчика... Смех ее звучал, как самый маленький серебряный колокольчик». Маруся «посмотрела на меня беспомощным взглядом захлопнутой пташки и горько заплакала». Наряду с лирическими сравнениями *бледное, крошечное создание, как былинка, захлопнутая пташка, серебряный колокольчик*, в рассказе много сравнений и другого характера: «Изредка только старый граф, такая же мрачная развалина, как и замок на острове, появлялся в городе на своей старой английской кляче»; «Высокие густые камыши волновались, как море на громадных болотах». В этих сравнениях даны другие образы, поэтому совершенно иной и словарный запас: *старый граф, мрачная развалина, как замок на острове, старая кляча, камыши на болотах*.

Немало в рассказе выразительных метафор. «Романтические тени чуждой старины пробегали в юной душе, как пробегают в ветреный день легкие тени облаков по светлой зелени чистого поля»; «Деревянный мост, перекинутый через узкую речушку, кряхтел, вздрагивая под колесами, и шатался, точно дряхлый старик». И в метафорах художника та же печаль и тоска: «Туча, нависшая над высокими вершинами тополей, уже сыпала дождиком». Или: «Тихо шепчутся березы над могилами кладбища, да ветер волнует хлеба на нивах и звенит унылою, бесконечною песней в проволоках придорожного телеграфа»; «И ветер бушует среди ненастья, качая верхушки деревьев, стуча ставнями и напевая мне в моей постели о десятках людей, лишенных тепла и приюта»; «Только самая часовня гляде-

ла, насупившись, пустыми окнами, точно думала какую-то грустную думу»; «При этом он обращается к серым столбам старого забора, к березке, снисходительно шептавшей что-то над головой...».

Слово *серый* постепенно входит в свои права, чтобы затем во всей полноте проявиться в богатых и разнообразных эпитетах художника.

Большую эмоциональную нагрузку в произведении несут лирические и метафорические эпитеты. «На старом кладбище в сырые осенние ночи загорались синие огни, а в часовне сычи кричали так пронзительно и звонко, что от криков проклятой птицы даже у бесстрашного кузнеца сжималось сердце»; «Серые заборы, пустыри с кучами всякого хлама понемногу перемежаются с подслеповатыми, ушедшими в землю хатками». Заметим, что метафоричность характерна не для всего выражения, а только для определений: «подслеповатые, ушедшие в землю хатки». Или: «Было тихо, веяло спокойствием и глубоким миром брошенного кладбища». Такие эпитеты придают рассказу необходимый колорит, обогащают понятие, оттеняют его существенную, главную черту. В последнем примере особенно многозначен и ярок эпитет *брошенный*, несущий в себе трагизм людей «дна».

Выразительны у Короленко и эпитеты-определения: *зловещие песни совы, величавая грусть, понурые стены, непроторные ножки, тихие могилы и разрушенные кресты, пустынные окна, унылая песня, гулкий грохот грозы* и другие.

Широко использует в рассказе Короленко и развернутые эпитеты: «тяжелый, неподвижный, подавляющий взгляд»; «вздых — тяжелый, прерывистый, долгий»; «темные осенние ночи»; «холодная и злорадная насмешка». Нередки употребления и сложных эпитетов: *испуганно-любопытные глаза, презрительно-величавое уединение*.

Однако главную смысловую нагрузку несет эпитет *серый*, встречающийся довольно часто: *серые заборы, серые столбы, серые камни*. «Серый камень» — символ горя, болезней. Он — враг бедных людей, безразличен и холоден к гибели Маруси. Валеk, брат Маруси, говорит Васе:

«— А это, видишь ли, от серого камня.

— Да-а,— повторила девочка, точно слабое эхо,— это от серого камня.

— От какого серого камня? — переспросил я, не понимая.

— Серый камень высосал из нее жизнь, — пояснил Валек, по-прежнему смотря на небо. — Так говорит Тыбурций... Тыбурций хорошо знает.

— Да-а, — опять повторила тихим эхо девочка, — Тыбурций все знает».

Жизнь людей «дурного общества» трагична. Они не живут, а существуют, и Короленко берет их под защиту. В первоначальной редакции рассказа он называет людей подземелья демократами-разночинцами. Именно в этом обществе сын судьи Вася и знакомится с понятиями гражданственности, классового неравенства:

«— Зачем ты влез сюда? Разве я когда-нибудь лазал в Ваш сад? — спросил он затем.

— Что ж, приходи! Я буду рад, — ответил я радушно. Ответ этот озадачил Валека; он призадумался.

— Я тебе не компания, — сказал он грустно.

— Отчего же? — спросил я, огорченный грустным тоном, каким были сказаны эти слова.

— Твой отец — пан судья.

— Ну так что же? — изумился я чистосердечно. — Ведь ты будешь им.

Валек покачал головой».

Разницу в их общественном положении хорошо выразил и Тыбурций Драб: «... Я — Тыбурций, а он — Валек. Я нищий, и он нищий. Я, если уж говорить откровенно, краду, и он будет красть. А твой отец меня судит, — ну, и ты когда-нибудь будешь судить... вот его!».

Художник, как и пап Тыбурций, считает «порядочное общество» виновным в том, что рождаются преступники.

В дружбе с детьми подземелья Вася находит человечность, сердечность, у него появляется любовь к тем, кто пригрел его в старой часовне. Доброта, искренность детей, живущих в подземелье, покоряют Васю.

Шестая глава так и называется «Среди серых камней». Серый цвет здесь становится господствующим: *серый камень, серая фигура, серенький фон*: «Я невольно вспомнил слова Валека о „сером камне“, высасывающем из Маруси ее веселье, и чувство суеверного страха закралось в мое сердце; мне казалось, что я ощущаю на ней и на себе невидимый каменный взгляд, пристальный и жадный. Мне казалось, что это подземелье чутко сторожит свою жерт-

ву»; «Я переминался и ежился, чувствуя себя как будто связанным под гнетущими взглядами серого камня». И от этого вновь и вновь встречающегося серого камня у читателя встает перед глазами вся серая царская Россия, серые мундиры, серая, несправедливая, унижительная жизнь.

В этом рассказе Короленко не прибегает к контрастам. В тон серому цвету все печальные картины часто сопровождается дождь. «Город знал, что по его улицам в ненастной тьме дождливой ночи бродят люди, которым голодно и холодно, которые дрожат и мокнут»; «Небо все чаще завлакивалось тучами, окрестности тонули в туманном сумраке; потоки дождя шумно лились на землю, отдаваясь однообразным и грустным гулом в подземельях». Или: «Что-то завозилось вверху, тряхнуло в воздухе тучей пыли, и большая серая масса, взмахнув крыльями, поднялась к прорехе в крыше». Здесь тот же серый цвет — дождь, пыль, сова. И вновь: «Струя света падала на ее белокурую головку, заливала ее всю, но, несмотря на это, она как-то слабо выделялась на фоне серого камня странным и маленьким туманным пятнышком, которое, казалось, вот-вот расплывется и исчезнет».

Хотя на время художник оставляет этот гнетущий, немолчаливый цвет, но он чувствуется и в печальных картинах природы, и в сравнениях, метафорах, и в диалогах.

Часто в образной системе произведений Короленко какое-либо одно понятие господствует над другими. В повести «Слепой музыкант» — слово *тишина* (см.: «Русская речь», 1973, № 5, стр. 20—25), «В дурном обществе» — *серый камень*.

Широко используя все богатство средств художественной речи: лексическое, морфологическое, фонетическое, синтаксическое, — автор тем самым достигает колоритности, глубокой выразительности.

Е. И. ГИБЕТ

Исправление

В № 4 за 1976 г. на стр. 135 (левая колонка, одиннадцатая строка снизу) вместо *Тожество* следует читать: *Торжество*.

ФОТОГРАФИЯ, ФОТО, ФОТОКАРТОЧКА...

Разграничение слов *фотография*, *фото*, *фотокарточка* и других по смыслу и употреблению вовсе не такое уж четкое и безусловное, как это иногда представляется.

Фотография — это и съемка с помощью специального аппарата, например: «Он увлекается фотографией»; это и снимок, полученный таким способом: «Альбом с семейными фотографиями»; это, наконец, и мастерская для съемки и изготовления снимков по заказу: «Открылась новая фотография».

Слово *фото* имеет значение фотографического снимка, с оттенком просторечности или разговорности: «Старинное фото в тяжелой рамке», и мастерской для съемки, например в вывеске: «Фото».

Что касается слова *фотокарточка*, то это — разговорный вариант к общелитературному и нейтральному *фотоснимок*. Интересно отметить, что в «Толковом словаре русского языка» под редакцией проф. Д. Н. Ушакова (т. IV. М., 1940) слова *фото* и *фотокарточка* имеют при себе помету «новое».

Таким образом, с учетом стилистического различия, слова *фотография*, *фотопортрет*, *фотокарточка*, *фотоснимок* и *фото* могут выступать как синонимы в общем значении «снимок». В значении «снимок на отдельном куске бумаги, картона» мы теперь, скорее, скажем — *фотокарточка* или *карточка* (ср. просторечно-вульгарное *фотка*), а вот о фотографическом изображении в книге, журнале, газете мы говорим — *фотоснимок*, *снимок* или *фотография*.

Подробнее о смысловом и стилистическом разграничении этих слов можно прочитать в «Словаре синонимов русского языка» в 2-х томах, под редакцией А. П. Евгеньевой (т. II. Л., 1971, с. 646).

Л. И. СКВОРЦОВ

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, № 1—4

Зарудин — фамилия связана с диалектным глаголом *зарудить* 'покраснеть, окровавиться'; прозвище Заруда могло означать краснолицего или загорелого докрасна.

Злобин — отчество от церковного мужского личного имени Злоба, нередкого в XV — XVI веках: Злоба Васильев сын Львова — 1484 г. в Вологодском уезде и другие (Гушиков).

Зотов — отчество от краткой формы Зот из канонического мужского личного имени Зотик (греч. *зотикос* 'животворный'). Ошибочно представлять имя Зотик производным от Зот и уменьшительного суффикса *-ик* (как *рот* — *ротик*), в действительности — наоборот. Случай не единичен: не зонтик от *зонт*, а *зонт* создано обратным путем из *зонтик* (заимствовано из голланд. *zondek*: *zon* 'солнце', *dek* 'кровля').

Зырянов — в основе фамилии этноним *зыряне*, которым в прошлом ошибочно называли народ коми.

Иванов — отчество от общераспространенной формы Иван из канонического мужского личного имени Иоани. Самая распространенная фамилия русских, так как имя на про-

тяжении нескольких столетий (с XIV по XIX в.) оставалось самым частым у русских — среди крестьянства оно охватывало от 15 до 25 процентов всех мужчин. В Москве (1964) 90 000 Ивановых (из них 1 000 Иваны Ивановичи). Характерно, что на той или иной территории фамилия Иванов обычно не слишком часта, уступая многим другим, но зато она распространена повсеместно и поэтому в крупных центрах и в целом по стране занимает первое место. Относительная же редкость ее в отдельных местностях обусловлена тем, что имя употребляли во множестве различных форм, отчества от которых и стали фамилиями. Форм этих значительно больше ста, соответственно многочисленны и фамилии от отчеств, образованных из этих форм; немногие примеры: ветвь Ваня — Ванечкин, Вашиц, Ванькин, Ванютиц, Ванюхин, Ванюшин, Ванюшкин, Ванюшечкин, Ванягин, Ваньтяев и др., ветвь Иваш — Ивашев, Ивашкин, Ивашутиц, Ивашиц, Иващенко и др., из других ветвей — Иваненков, Иваньков, Ивиц, Ивкин, Иванищев, Черношванов и другие. С местом ударения в фамилии Иванов связан

любопытный случай, рассказанный писателем И. Ясинским в его воспоминаниях «Роман моей жизни». В предреволюционные годы жили в Петербурге два поэта с фамилией Иванов; Вячеслав Иванов — один из столпов символизма, в ореоле славы и богатства, не переносил, если его смешивали с молодым однофамильцем Георгием Ивановым из акмеистской группы «цеха поэтов», который по тогдашним понятиям находился несколькими ступеньками ниже на поэтической и социальной лестнице. Позже оба оказались среди эмигрантов, но в ту пору дистанция между ними им казалась огромной. Буржуазная интеллигенция поигрывала в либерализм; однажды, когда в роскошной квартире Вячеслава Иванова собрались «сливки», явилась с обыском полиция. Старший полицейский чин обратился к хозяину: «Господин Иванов!», тот возмущенно и брезгливо поправил: «Прошу Вас: Ива́нов». Полицейский извинялся, а через несколько минут снова «Господин Иванов» и гневное «Не Ива́нов, а Ива́нов!» — и так несколько раз.

Изотов — отчество от формы Изот (с протетическим *и-* из канонического мужского личного имени Зотик через усеченную форму Зот (смотри Зотов). Необходимо отметить ошибку «Словаря русских личных имен» Н. А. Петровского (М., 1966), где форма Изот представлена основной, а Зотик и Зот производными, то есть как раз противоположно их подлинному происхождению: канонических имен Зот и Изот не существовало.

Ипутатов — первоначально отчество от прозвища Ипутат, искаженного из *депутат*, оче-

видно, один из ходоков, посланных для передачи прошения в столицу; фамилия зафиксирована в документе переписи 1898 года у казака станицы Могойтуевской, Акшинского округа Забайкалья.

Ирошников — отчество от именованная отца по занятию: диалектное слово *ирха* означало разновидность кожи под замшу, также меховую опушку для верхней одежды, *ирошник* — рабочий, занятый этим в кожевенном и меховом производстве.

Истифеев — отчество от искаженной формы Истифей из канонического мужского личного имени Евстафий; фамилия Истифеев документирована Всероссийской переписью 1897 года в деревне Ново-Никольская, Меленковского уезда Владимирской губернии (Владимир. обл. архив, ф. 433). Другие фамилии от различных форм мужского личного имени Евстафий — смотрите **Евстафьев**.

Истомин — отчество от церковного мужского личного имени Истома, частого у русских вплоть до XVII века. Больше сотни примеров содержит «Словарь древнерусских собственных личных имен» Н. М. Тупикова преимущественно из северной половины Европейской России; напротив, В. В. Палагина по материалам заселения Томска предполагает южное происхождение этой фамилии (в сборнике «Актуальные проблемы лексикологии». Новосибирск, 1972). Основа имени — *истома*; возможно, имя связано с трудными родами (как и Томило).

В. А. НИКОЛОВ

Продолжение следует

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

● КАРТОФЕЛЬ — КАРТОШКА

«Расскажите, пожалуйста, об истории и употреблении слов *картофель* и *картошка*», — с такой просьбой обратился В. В. Острцов из г. Одинцово Московской области.

Трудно представить, что в старину русские люди не знали картофеля и не ели картошки. А ведь было именно так. Картофель — родом из Южной Америки, в Западную Европу завезен в XVI веке, в России известен с конца XVII века.

Это растение «прививалось» у нас крайне медленно: его не хотели разводить. В начале XIX века царское правительство принимает специальное решение об обязательной посадке картофеля. Крестьяне, опасаясь, что их положение ухудшится, отказывались выполнять правительственное решение. В ряде районов вспыхнули восстания, которые вошли в историю под названием картофельных бунтов. Такими бунтами было охвачено 11 губерний Центральной России, Урала и Севера. Правительственные меры возымели свое действие: картофель стали сажать.

Вместе с этим распространялось и укреплялось в русском языке слово *картофель* (нем. Kartoffel). Оно имело хождение в официально-деловой речи, а также в частной переписке образованных людей. Так, у Пушкина находим: «В три часа сажусь верхом, в пять в ванну и потом обедаю *картофелем* да грешневой кашей» (письмо Н. Н. Пушкиной, 30 октября 1833).

Однако в народной среде слово *картофель* приживалось с трудом. Это объясняется тем, что оно имеет в своем составе несвойственный русскому языку элемент *-фель*. Показательно, что «Обратный словарь русского языка» (М., 1974), включающий около 125 000 слов, приводит лишь семь слов, оканчивающихся на *-фель*: *грифель, картофель, кафель, муфель, портфель, туфель, трюфель*.

Естественно, что заимствованному слову *картофель* в народных говорах было придано русское звучание *картоха* (см. «Опыт областного великорусского словаря», СПб., 1852). Но суффикс *-оха*, как известно, обладает несколько грубоватой окраской (ср. аналогичные *выпивоха, завороха*). Поэтому говорящие, желая смягчить экспрессию слова *картоха*, стали прибегать к уменьшительному образованию от него *картошка* (по типу *завороха — заворошка*). Подчеркнем, что последнее было распространено не только в Псковской губернии, как на это указывает «Опыт областного великорусского словаря», но и на орловщине: его использовал в своих произведениях И. С. Тургенев, который был родом из Орла.

С конца 30-х годов XIX века слово *картошка* выходит за пределы узко местной среды. Оно становится известным и носителям литературного языка. Подтверждением последнему служит наличие его в «Словаре церковно-славянского и русского языка» (1847), а также в языке художественной литературы 40-х годов. Однако первые употребления этого слова в художественных текстах явно свидетельствуют о том, что носители литературного языка не считали существительное *картошка* вполне обычным, «нормативным» для литературной речи. Достаточно обратиться к «Запискам охотника» И. С. Тургенева, чтобы убедиться в этом. В форме множественного числа слово неоднократно вводится в речь крестьянских детей: «— А что,— спросил Федя,— *картошки* сварились?»; «—...посмотрите-ка, *картошки* сварились» (Бежин луг). В авторском же повествовании оно дается в кавычках, как взятое из другой речевой стихии: «Небольшой котельчик висел над одним из огней; в нем варились „*картошки*“» (там же).

Но уже с 60-х годов прошлого столетия слово *картошка* можно найти в авторском повествовании без кавычек, курсива или специальных пояснений. Так, например, в значении «картофель» (собирательно): «Акулина жарила *картошку*. Очень вкусная бывает *картошка*, когда только что поджарена» (Вересаев. В юные годы). В Большой картотеке Словарного сектора Института языкознания АН СССР имеются также примеры употребления этого слова в другом значении — «картофеллина»: «Он достал опять складной пожик, разрезал на своей ладони *картошку* на две равные половины... и поднес Пьеру» (Л. Толстой. Война и мир); «Зыков

молча взял деревянной спицей горячую *картошку* и передал ее гостю» (Мамин-Сибиряк. Золото).

Существительное *картошка* все глубже проникает в литературный язык. Об этом свидетельствует и то, что оно входит в фразеологические сочетания: *нос картошкой* (о носе, похожем на картофелину), *не картошка* (не шутка): «И мягкий нос *картошкой*, и широкий рот...— все было русское, мужицкое» (Мамин-Сибиряк. Падающие звезды); «—... Голод не *картошка*. Голодный и грубости говорит, и ворует, и, может, еще что похуже...» (Чехов. Жена).

Создается впечатление, что во второй половине XIX века выбор того или другого варианта слова (*картофель* — *картошка*) зависел от объекта описания. При изображении представителей из народа (их действий, поступков) писатели использовали как слово *картофель*, так и *картошка*, а при изображении образованных лиц предпочтение оказывалось первому варианту. Очень характерен в этом отношении пример из «Войны и мира» Л. Толстого: «— Вот, покушайте, барин,— сказал он —... развертывая и подавая Пьеру несколько печеных *картошек*... Пьер не ел целый день, и запах картофеля показался ему необыкновенно приятным».

В современном языке зависимость от объекта изображения утратилась. Слово *картошка* входит в литературный язык на правах стилистического (разговорного) варианта слова *картофель*.

Вовлечение в литературный язык формы *картошка* не означало отказа от слова *картофель*. В письме Адуева-племянника находим: «... кончилось тем, что он вышел прапорщиком в отставку, не бывши на войне, и мирно разводит *картофель* и сеет репу» (Гончаров. Обыкновенная история).

Слово *картофель* продолжает служить официальным наименованием растения и его плодов. Оно употребляется в газетных заметках, в литературе по полеводству, агротехнике и т. п.: «Уборка *картофеля* — трудоемкая работа» (Мосолов. Агротехника). Включается это слово и в современные художественные тексты: «В угол навалены были грудой, Как *картофель*, браунинги и наганы» (Багрицкий. Февраль); «На кустах позднего *картофеля* кое-где еще виднелись бледно-лиловые маленькие цветы с желтыми тычинками» (Г. Николаева. Жатва).

Е. П. Ходакова

● «ПРОСТИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА...»

«А ты бы сам, Савушка, шел да простил-ся, с кем вчера побронился» (Повесть о попе Савве, XVIII в.)

Простите (ед. *прости*) — в нашей речи это слово одно из самых обиходных, форма выражения сожаления, раскаяния, извинения. Существует она в русском языке по крайней мере десять веков, с первых письменных памятников: «Прости мя, чадо мое» (XI в.); «прости мя, отче», «прости мя, владыко» (XIII в.); «молю вы ся (то есть умоляю вас), простите мя» (XV в.) и т. д. Повод к этому может быть разный. ...Царь Олекса призвал к себе брата, которого когда-то сам ослепил, посадил на престол и, сказав: „прости мене“, навсегда ушел из города (Новгородская летопись XIII—XIV вв., под 1204 г.). А вот другой случай. По монашескому обычаю, монах мог ходить в гости, но не тогда, когда в компании были женщины. И вот один из монахов спрашивает наставника: «Как быть, ведь я могу не знать, что там будет женщина». На что наставник отвечает: «въпрошай [спроси] зовущаго тя, аще есть тамо жена? да аще рчеть *ei* [и если скажет «да»], отрцыся [откажись] глаголя: прости мя, яко заповѣдь имама не ясти съ женою» (Пандекты Никола Черногольца, XIV в.).

Время как будто и не коснулось этой формы. И сейчас слова *прости меня* может сказать человек, раскаявшийся в страшном преступлении, и человек, отказавшийся прийти в гости к другу.

Но глагол *простить* интересен в другом — в его отношении к *проститься*. Такие разные с нашей точки зрения смыслы, как *простить* — *прощать* и *проститься* — *прощаться*, оказываются связанными довольно тесно.

Кстати заметим, что глагол *простить* имеет непосредственное отношение к прилагательному *простой*. Одно из древнейших значений последнего — ‘свободный, ничем не занятый, пустой’ (ср. глагол *опростать*). Если сейчас мы говорим *простить ему вину, грех*, то в памятниках встречаем другое управление — *простити от* чего-либо, то есть ‘освободить от (тяжести) вины, греха’: «и стѣи угодникъ его Никола да *прощаетъ* мя *от* работы» (Троицкий сборник, конец XIV в.), «опого дѣля спасеняя жертвы *отъ* грѣхъ *прощаемъ* ся» (Пролог, 1383 г.).

В древнерусском языке *проститься* — *прощаться* имеет значение ‘просить прощения, просить простить’, очень близкое современному *извиниться* — *извиняться*. Это значение хорошо представлено и в сравнительно поздних памятниках: «И Сидорко въ рос-

просѣ сказал, — читаем в документе 1604 года — что онъ Третьяковскаго и Овдиевскаго огородовъ посередѣ огородовъ подкосилъ, и в томъ ся при понятахъ повинилъ [в том повинился] ...и старцу... Полиехту билъ челомъ и *прощался*, что самовольствомъ подкосилъ» (Архив Строева, II); «Старецъ Ефремъ, противъ распросныхъ рѣчей (то есть в результате допроса) винился и *прощался* и за вину посланъ въ мукосѣнию» (Челобитная архимандрита Варфоломея царю Алексею Михайловичу, 1666 г.). В языке XVIII века такое значение все еще сохраняется: «втаноры [тогда, в то время] княгиня *прощалася*, что нанесла речъ напрасную» (Сборник Кириши Данилова).

Вер оятво, и Сидорко, и старецъ Ефрем, и княгиня, «прощаясь» говорили *простите мя*. Интересный случай примирения после домашней ссоры описывает протопоп Аввакум в своем «Житии». «Протопопица (т. е. жена Аввакума)... со вдовою... Фетиньею... побранились. И я... билъ ихъ обѣихъ... Полежалъ немножко, с совестию собрался. Воставше, жепу сыскалъ... клаяясь говорю: „согрѣшилъ... *прости мя грѣшнаго!*“... Посемь [потом] и с Фетиньею тѣмъ же образомъ *простился*» (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, 1672—1673).

Просить прощения за свою вину во все века было нормою человеческого общежития, эта норма поддерживалась и правилами христианской морали. Одно из таких правил запрещало верующему идти в церковь, если он на кого-либо гнев или обиду держит в сердце. Он должен простить обидчика и сам попросить прощения у того, кого обидел: «О горе тому, иже на кого кто гнѣвъ держитъ, или бився (то есть подрался) или сварився (то есть поссорился) с кѣмъ... а не *простився* иде въ цркъвъ» (из «Почуения духовного отца» по рукописи XVII века).

Понятно, особую важность прощение обид, вольных и невольных, имело при расставании, когда впереди была долгая разлука, и люди могли вообще больше не встретиться: «Простите, если что не так», — скажет вам и сейчас при прощании деревенская женщина. Взаимное прощение, сопровождаемое поклоном и скрепляемое целованием, составляло церемонию прощания на Руси с древнейших времен, во многом сохранившуюся до наших дней.

Тот же смысл лежит в основе векового обычая прощаться с умирающим или с покойником: сказать «последнее прости» перед вечной разлукой.

Приведем текст из Ермолинской летописи XV века, где глагол *прощаться*, на первый взгляд, объединяет старое ‘просить прощения’ и новое ‘прощаться’, так далеко разошедшиеся в наше время: «Князь же великии хотѣ ихъ перевѣшати, они же при концѣ начаша прощатися другъ со другомъ, яко „кленалися есмя межъ

собою“, егда мучиша ихъ». Итак, перед смертью начали они прощаться, прося прощения друг у друга, что наговáривали один на другого во время пыток. Таков смысл отрывка, но это не точный его перевод.

Глагол *прощатися* в тексте напоминает современное ‘прощаться’, тем более, что пояснение «друг с другом» вполне согласуется с этим значением. Однако такое впечатление подсказано ситуацией, моментом расставания осужденных, возможно, подобное употребление — уже определенный шаг в сторону нового значения, но пока еще не значение. Об этом говорит управление «прощатися в чем-либо», невозможное для значения ‘прощаться’ и полностью соответствующее значению ‘просить прощения, раскаиваться, каяться’. Подтверждают это примеры из памятников: «А Петръ пеняеть на тобя про московское письмо: ничего де не сдѣлалъ, только неприятство показалъ; будто де ты и самъ *въ томъ* съ нимъ *прощался*» (Переписка князя Хованского, 1660); «Онъ же въ то время учинился милостивъ ко мнѣ... и мнѣ *въ томъ* предъ собою *прощатися* не велѣлъ же, что я извѣстилъ великому государю на него, Никона, про его неистовые слова про государское величество» (Челобитная Ивана Неронова, 1667).

В языке XVIII века глагол *проститься* употребляется в современном смысле: «и кой часъ изволилъ откупать, то *простясь* съ архиереемъ и съ Кудрявцовымъ, изволилъ поѣхать... на свое судно» (Походный журнал, 1722). Но старое значение еще не исчезло, даже в XX веке оно встречается, например, в пословицах и поговорках: «Прощаться прощайся, да снова за то же не принимайся», где *прощаться* — знакомое нам по памятникам ‘просить прощения, извиняться’.

С другой стороны, форма *прости, простите* долго употребляется в значении ‘прощай, прощайте’. Так, например, в разговоре Татьяны с няней (Пушкин. Евгений Онегин) встречаем: «Поди, оставь меня одну. // Дай, няня, мне перо, бумагу // Да стол подвинь; я скоро лягу; // *Прости*». Кстати, в произведениях Пушкина форма *простите* как извинение употреблена только десять раз, а *прости, простите* при прощании — 102 раза (по данным «Словаря языка Пушкина»).

Н. В. Чурмаева

● ПОЛОЖЕНИЕ ХУЖЕ ГУБЕРНАТОРСКОГО

Незнание истинного значения поговорки приводит к тому, что иные из нас, опасаясь сказать ее некстати, невпопад, предпочитают вовсе обойтись без нее. И тогда поговорка эта звучит в устах людей все реже и реже, а приходит время и она умолкает совсем, как бы

исчезая из языка. Меж тем именно она могла бы доподлинно передать нашу мысль. Такова, к примеру, судьба русской поговорки «Положение хуже губернаторского», происхождение и точный смысл которой заинтересовали постоянного читателя «Русской речи» В. М. Тищенко из Белгородской области.

В январе 1800 года, словно желая отметить начало нового столетия, император Павел I разразился доброй дюжиной законов и приказов, среди них, между прочим, приказ главному почтовому управлению (см.: Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVI. 1830). Все губернии Российской империи переводились в ведение центральных почтамтов «для удобнейшего производства дел и скорейшего доставления счетов и собираемых денег в Главное почтовое Правление».

Но, как говорится, не успели высохнуть чернила, которыми был написан новый приказ, как «удобнейшее производство дел» окончилось в Костромской губернии неслыханным разграблением почты, «при коем похищено было денег и посылок на 19 616 рублей». Высочайшее повеление оказалось осмеянным.

Первого марта того же года писари строчили очередной приказ самодержца, отданный в отместку и в наказание. «...Сенату нашему повелеваем по всем губерниям дать знать, что если где таковое разграбление случится, то управляющие теми губерниями будут за оное отвечать их имением, и за таковое послабление в исправлении своих должностей выключены будут из службы». Первой жертвой императорской милости стал управляющий Костромской губернией Кочетов, с которого тем же приказом взыскивалась большая часть похищенных денег.

С той поры, переходя из уст в уста, поговорка «Положение хуже губернаторского» и начала свою жизнь, обозначая крайнее неприятное, подчас безвыходное положение. Но от однажды сказанного до поговорки, которая стала достоянием национального языка, путь не простой и не скорый. Поговорки этой еще нет ни в Словаре Академии наук 1847 года, ни в Словаре В. И. Даля. Не найдем мы ее и в книге С. Максимова «Крылатые слова» (1890). Но уже в академическом «Словаре русского языка» (1891—1895) фразеологизм «Положение хуже губернаторского» зафиксирован с пометой «шуточное, поговорка» и толкуется как «затруднительное, подавляющее положение». Небольшая статья с примерами посвящена ему и во втором томе словаря М. И. Михельсона «Русская мысль и речь» (1903).

Кстати говоря, высказывалась мысль о том, что поговорка «Положение хуже губернаторского» происходит из конно-заводческого арго (см. статью В. В. Виноградова «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» в сборнике «А. А. Шах-

матов». М., 1947). Так или иначе, поговорка, которая родилась в самом начале XIX столетия, окончательно утвердилась лишь на его исходе.

В чеховской «Дуэли», написанной в 1891 году, читаем: «...В последнее время мое здоровье сильно пошатнулось. Прибавьте к этому скуку, постоянное безденежье... отсутствие людей и общих интересов... Положение хуже губернаторского.— Да, ваше положение безвыходно,— сказал фон Корен». А год спустя в письме, адресованном А. С. Суворину (25 ноября 1892 года), Чехов пишет: «Кто ничего не хочет, ни на что не надеется и ничего не боится, тот не может быть художником. Болезнь это или нет — дело не в названии, но сознаться надо, что положение наше хуже губернаторского».

Любопытный пример, построенный на игре слов, встречаем в повести Д. Мамина-Сибиряка «Нужно поощрять искусство»: «— Да, у вас теперь, Платон Ильич, министерские заботы...— льстиво повторила Мак-Магон.— Все ходят за вами, как за кладом.— Совершенно верно, но все-таки мое положение хуже губернаторского, хотя и лучше министерского...».

В толковых словарях современного русского языка — Словаре под редакцией Д. Н. Ушакова, 17-томном академическом Словаре, Словаре С. И. Ожегова — отмечается все то же основное значение старинной поговорки — ‘крайне затруднительное’ положение. Образцы разговорной речи из произведений художественной литературы подтверждают, что в наши дни поговорка не забыта: «В деревню просачивались автоматчики, бьют с тыла и вдоль траншей, в роте создалось положение „хуже губернаторского“, головы не подынешь» (Бондарев. Батальоны просят огня); «— Я вам сочувствую,— Анна сделала грустное лицо,— когда много блюд, очень трудно выбрать. Как это... расходятся глаза во все стороны.— Совершенно верно,— подтвердил Димка.— Точно так с нами и произошло. Положение хуже губернаторского» (Смоляницкий. Майские ветры.— «Новый мир», 1975, № 5).

Ю. И. Ореховацкий

● ПОДГАРОК

Читатель тов. Воронов из Калининской области интересуется происхождением диалектизма *подга́рок*.

Слово *подга́рок* ‘ремень с нашитыми бубенцами, надеваемый на шею лошади при праздничной упряжи’ приводится в «Опыте словаря говоров Калининской области» (Калинин, 1972). Известно это слово и другим русским говорам. Оно упоминается (без указания территории распространения) в словаре В. И. Даля: «*подгарки?* м. мн. ремень съ кисточкою, на шеѣ лошади». Поставленный

В. И. Далем вопрос при слове *подгарки* означал, видимо, сомнение в правильности его формы. Действительно, более оправданной была бы форма множественного числа в обозначении колокольчиков или кисточек, а для названия ремня (одного!) более вероятна форма единственного числа, которая и указана в калининском «Опыте».

В вологодских и архангельских говорах употребляется родственное с *подгарок* слово *подгáрник* (и уменьшительное *подгáрничек*) в значении «маленький колокольчик, бубенчик, который подвешивается на ремне под шеей лошади (колокольчиков бывает несколько)».

Происхождение слова *подгарок* в этимологической литературе не рассматривалось, вероятно, вследствие его узко-диалектного бытования, хотя на фоне исконно русской лексики слово *подгарок* бесспорно является «темным»: трудно указать в русской лексике возможные родственные с ним образования. Даже если справедлива догадка о том, что *под-* — приставка, а *-ок* — суффикс, остается непонятным корень *-гар-*, явно не связанный ни с *гора*, ни с *гарь*.

Ключ к истории и происхождению слова *подгарок*, известного в северных и части средних говорах, находится в лексике западных, полесских говоров: именно в Полесье записаны такие варианты названия ремня, проходящего под шеей коня, которые позволяют проследить весь путь этого слова. Вот эти варианты: *пудгáрле*, *пудгéрло*, *пудгáр'о*, *пугáр'о*, *пудгóрник* (Л. И. Масленникова. Из полесской терминологии транспорта. — В сб.: «Лексика Полесья». М., 1968). Фонетические особенности некоторых из них — звук *é*, сочетание *éе* — невозможны в исконной лексике полесских говоров и отчетливо свидетельствуют о заимствовании из польского языка. Л. И. Масленникова, собравшая все эти варианты, указывает источник заимствования — польское *podgardlica*. Точнее, следует исходить из польского *podgardle*, которое обозначает и кожу, свисающую под горлом животного, и ремень под шеей в конской упряжи. *Podgardle* образовано от *gardlio* «горло». Структурно тождественные образования (из приставки *pod-* и названия горла) есть и в других славянских языках: в сербско-хорватском *podgrlje* — «нижняя передняя часть шеи, под горлом», в чешском *podhrdek* — «передняя часть горла; ремень под горлом в упряжи для коня или рогатого скота». В украинском языке исконными названиями для подгрудка у рогатого скота и нижней части ярма являются *підгáрля*, *підгóрниця*, *підгóрлиця*. Из приведенных выше полесских вариантов исконным для полесских говоров было *пудгóрник*, которое возникло из *под-горл-ник*.

Таким образом, название ремня под шеей в конской упряжи в ряде языков образуется от названия горла при помощи приставки *pod-*. В северных и окающих средних русских говорах такое исконное образование должно было бы звучать *подгбрлок*, а родственное название колокольчика (висящего на ремне под горлом) — *подгбрник* (или *подгбрлик*). Но по говорам засвидетельствованы *подгарок*, *подгарник*, *подгарничек*. От ожидаемых форм эти реальные слова отличаются структурой корня: *ар* вместо *ор* (ср. *подгарок* — *подгорлок*). Именно такое различие наблюдается между русским и польским названиями горла, которые восходят к одному и тому же праславянскому слову *gъrdlo*: по фонетическим законам восточнославянских и западнославянских языков это древнее слово развилось в русское *горло* и польское *gardlo*. Поэтому очевидно, что русское диалектное *подгарок* является (как и полесское *пудгáрлo* и т. д.) результатом заимствования польского *podgardle*.

Уже в западных говорах польское слово, приспособляясь к местному произношению, утратило звук *d*: сочетание *dl* в истории восточнославянских языков долгое время избегалось (ср. русское *горло* и польское *gardlo*, а также перестановку *dl > ld* в русском *кувалда*, которое восходит к польскому *kowadlo*). В полесских говорах произошло также изменение *o > y*, местами ближе к белорусско-украинскому стало произношение *g*, конечное *e* после мягкого *л* изменилось в *o*. Так возникло полесское *пудгáрлo*.

В северных и средних русских говорах польское заимствование также не могло сохранить звук *d*. Но выпал также и звук *l* (*подгарок*, а не ожидаемое *подгарлок*). Чем объяснить исчезновение *l*? Ведь сочетание звуков *rl* в русском языке вполне возможно: *горло*, *жерло*, *сверло*. Представляется, однако, что в определении судьбы *l* в рассматриваемом польском заимствовании решающую роль сыграла суффиксальная структура возникших на базе заимствования образований: на русской почве к заимствованному польскому *podgardle* были присоединены суффиксы *-ок* и *-ник*. В возникшей форме *подгарлник* группа *рлн*, фонетически неприемлемая для русского языка, сразу же упростилась в *рн* и получилось *подгарник*, сходное с полесским исконным *подгорник*. В слове *подгарлок* в именительном падеже *л* как будто могло сохраниться. Дело, однако, в том, что суффикс *-ок* в формах косвенных падежей выступает в варианте *-к*: ср. *ветерок* — *ветерка*. В основе слова *подгарлок* в косвенных падежах (*подгарлка*, *подгарлку* и т. д.) возникла непронизносимая группа *рлк*, которая упростилась в *рк*: *подгарка*, *подгарку* и т. д. По аналогии с этой новой формой основы косвенных падежей и именительный приоб-

рел форму *подгарок*, то есть получилось *подгарок*, *подгарка*, как *ветерок*, *ветерка*. О том, что первоначальная форма *подгарлок* не могла сохраниться, свидетельствуют данные словарей современного русского языка: в них нет ни одного исконно русского слова с суффиксом *-ок*, следующим за группой *рл*, то есть с конечным *-рлок*.

Что же касается появления польского заимствования в терминологии конской упряжи, то в этом нет ничего необычного: слово *дышло*, например, также является западным заимствованием (из немецкого языка, но возможно — через польское посредство).

Ж. Ж. Варбот

На обложке: М. В. Ломоносов.
Рисунок Б. Е. Захарова

При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор), Г. П. БЕРДНИКОВ,
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, К. В. ГОРШКОВА,
В. П. ДАНИЛЕНКО, В. Я. ДЕРЯГИН, И. Г. ДОБРОДОМОВ,
Л. П. ЖУКОВСКАЯ, Л. М. ЛЕОНОВ, А. И. ОВЧАРЕНКО,
И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Л. И. СКВОРЦОВ
(зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ,
Ф. П. ФИЛИН, О. А. ХАМИЦАЕВА (ответственный секретарь)

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2
Телефон: 202-65-25

Зав. редакцией Т. С. Колмакова
Рисунки Б. Е. Захарова, В. С. Комарова, В. В. Толстоногова
Художественный редактор Т. А. Михайлова
Корректоры В. В. Беляев, Г. Н. Шамина

Сдано в набор 11/VI-1976 г. Подписано к печати 20/VIII-1976 г. Т-16506.
Тираж 70 000 Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 8,4 Бум. л. 5
Уч.-изд. л. 9,9 Заказ 722

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10